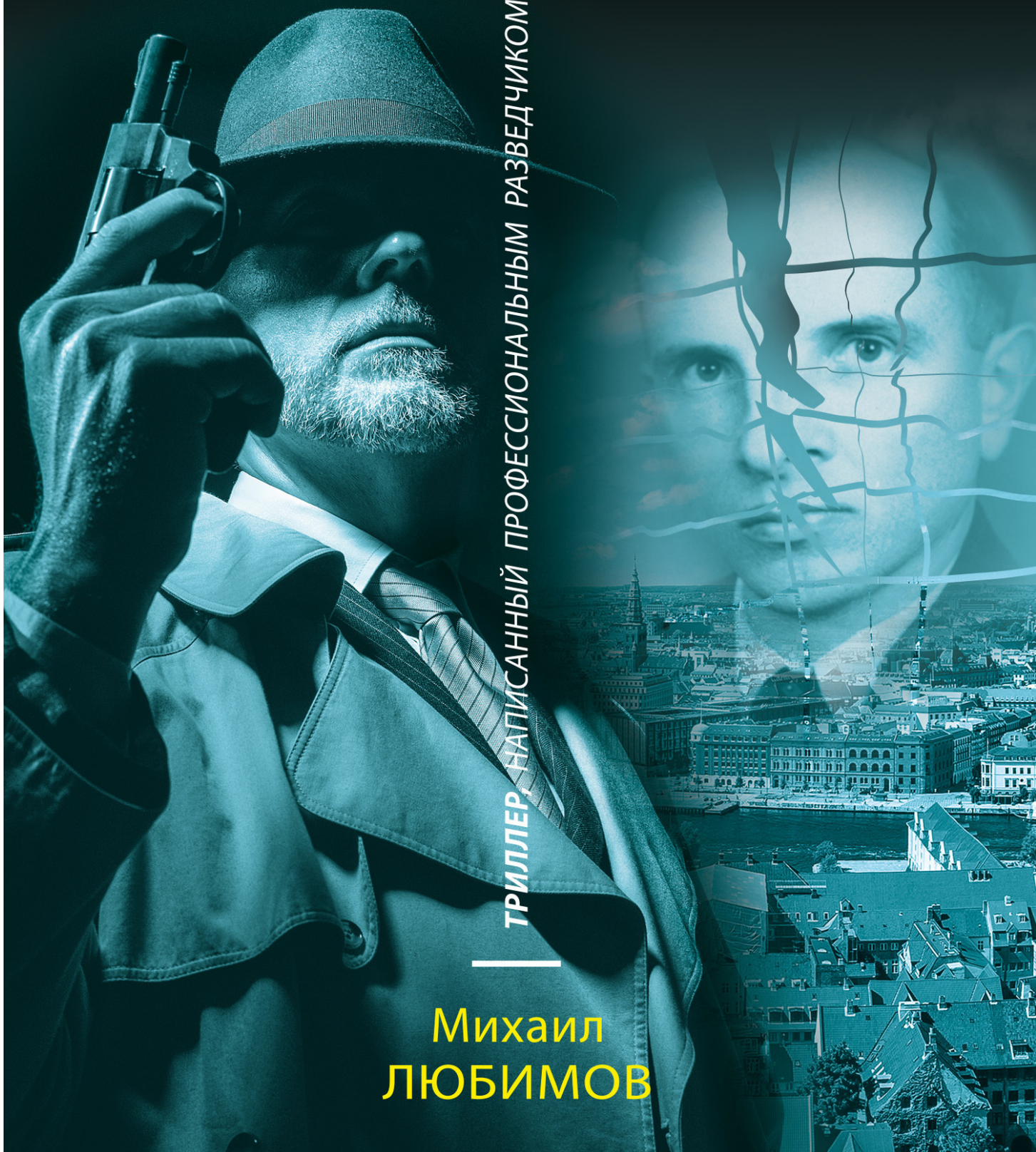

АГЕНТ КАК УБИВАЛИ БАНДЕРУ

ТРИЛЛЕР, НАПИСАННЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫМ РАЗВЕДЧИКОМ

Михаил
ЛЮБИМОВ

Агент ГРУ. Триллер, написанный военным разведчиком

Михаил Любимов

Как убивали Бандеру

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Любимов М. П.

Как убивали Бандеру / М. П. Любимов — «Эксмо»,
2018 — (Агент ГРУ. Триллер, написанный военным разведчиком)

ISBN 978-5-04-092456-1

Конец 1950-х годов. Агент советской разведки Богдан получает задание устранить руководителя украинского националистического движения Степана Бандеру, проживающего в Мюнхене. Исполнитель летит в Германию, где накануне акции знакомится с красавицей Инге. Между молодыми людьми внезапно разгорается бурный роман. Руководители операции обеспокоены: не подослана ли девушка сорвать план ликвидации преступника? Но Богдан уверяет куратора, что предусмотрел все детали и готов к работе. Однако в момент покушения он неожиданно совершает непростительную ошибку...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-092456-1

© Любимов М. П., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Предисловие	7
Жар-птицы советской разведки	9
Дыхание эпохи	10
Ким Филби	11
Дональд Маклин	13
Гай Берджесс	14
Энтони Блант	15
Джон Кернкросс	16
Хождения по советским мукам	17
Царство подозрительности	19
Судьбы кураторов	20
Бочки информации	21
Наши Штирлицы	22
Секретная миссия	29
Метаморфозы киллера	36
Сталин и его команда	55
С Натальей Фатеевой в графстве Кент	63
Усталость	69
Рреволюция. Похмельный рассказ	73
Кукушка	77
Джон Ле Карре: одинокий волк с человеческим сердцем	84
Тайник (Дружеская пародия на шпионские романы Ле Карре)	88
Дуня, Дундук и НКВД	95
Японские страсти-мордасти	109
Back in the USSR	123
Оптимисты	129
МГИМО тогда не был блатным	130
Рай за границы	131
Величественный МИД	132
Вот она, райская жизнь!	133
Шпионы, вокруг одни шпионы	134
Как жировали за бугром	135
Буржуйство в КГБ	136
Партия – наш рулевой	137
МИД и КГБ	138
Больше фильмов о дипломатах	139
Агент Батилл	140
Агенты и соперники	143
Агенты влияния и прочая хрень	148
Что такое агент влияния?	149
Ленин, Гопкинс, Кекконен, Кастро	150
Мосты взаимопонимания	151
Наш агент Эймс сдал КГБ всю американскую агентуру	152
Страдания ЦРУ в Москве	153
Откуда растут ноги у перестройки?	154
Vivat королева!	156

Грехи Виндзоров	157
Луч света в темном царстве	158
Виртуозное искусство управления	159
Больше красивых дам в российскую политику!	160
Бывали и промахи	161
Надежды юношей питают...	162
Бонд, выйди вон!	163
Путь наверх	165
Что такое Джеймс Бонд?	167
Роль и влияние бондианы	168
Повлияла ли бондиана на советских разведчиков?	170

Михаил Любимов

Как убивали Бандеру

© Любимов М.П., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Предисловие

«Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда», – писала Анна Ахматова. Прозаикам не легче, они тоже не алмазы огранивают, в голову лезет порой такой мусор, что хоть лети в кабак. В этой книге очень много о разведке, которая, как стрела, вошла в мою душу с молодых лет. Я вербовал, меня вербовали, изымал из тайников, бегал по закоулкам, проверяясь от вражеской наружки, искал иностранные контакты с не меньшей энергией, чем в молодости девочек на ялтинской набережной. И конечно же, как не мне, дружившему с великим разведчиком Кимом Филби, написать о блестящей «кембриджской пятерке», гордости нашей разведки? О некоторых «фигурантах дел», о пресловутых «агентах влияния» (кагэбэшный термин, которым вдруг словно с бодуна начали пользоваться почти все политики и журналисты)? И тут вдруг Иосиф Сталин. Не вдруг. Грозный Иосиф держал советскую разведку и все органы под личным неусыпным контролем и прекрасно разбирался в этом незамысловатом ремесле, имея опыт подпольной революционной работы и партийных интриг. Бесспорно, он наматывал на ус все донесения разведки (часто противоречивые), но больше верил своему стратегическому мышлению и интуиции. Ничто не могло изменить его мнения, что Гитлер никогда не начнет войну на два фронта, скорее (особенно после полета Гесса) пойдет на мировую с Англией. Но Гитлер допустил роковую ошибку и начал! Отсюда и сталинский катастрофический промах в оценке даты начала вторжения в СССР. Заметим, что Сталин постоянно разносил в пух и прах нашу разведку на пленумах партии и отправил на тот свет львиную долю его состава (пожалуй, именно в 30–50-е годы наша разведка достигла вершин). Разведка отнюдь не самостоятельное учреждение, она подчиняется и выполняет задачи, поставленные руководством страны. Начальник разведки является политической фигурой, своего рода связующим звеном между службой и руководством страны, он транслирует его решения в аппарат, он спускает указания и несет ответственность. Но абсурдно приписывать начальнику все заслуги (и просчеты) разведки, ведь в работе участвуют множество разведчиков и нашей агентуры, завербованной в разное время. Какое отношение имел партийный чиновник в Грузии Берия к вербовке «кембриджской пятерки» в 30-е годы? (На эту агентуру он опирался, когда был у власти.) Какая заслуга молодого журналиста Павла Фитина, назначенного Сталиным шефом разведки (1939–1946 гг.), в вербовке агентов, добывших атомные секреты в США и завербованных еще до войны? Как он мог радикально повлиять на работу по атомному проекту блестящих разведчиков в США Квасникова, Яцкова, Барковского? Разве что посадить? Может, и американский шифровальщик Уокер, и шеф русского отдела Эймс предложили нам свои услуги благодаря тому, что у руля советской разведки в те годы находился Владимир Крючков? А может, автор просто не любит начальников?

Чернорабочие разведки и их зарубежные агенты – вот она плоть и кровь службы, они пашут и пашут день и ночь, вгрызаясь, как кроты, в чужую землю. Они показывают чудеса храбрости, им на хрен бабло, они порой дают слабинку, они сгорают, как мотыльки, в пламени холодной войны, они пьют с горя и с радости, их поражают инфаркты, иногда им достаются ордена. Это настоящие герои, которым не устанавливают памятники.

Но не хлебом единым – не одной разведкой сыт читатель. О кинозвезде Наташе Фатеевой я не мог не написать, как и о «шпионском писателе» Джоне Ле Карре, есть рассказы и о ревности разведчика к иностранному агенту, возникшей из-за прекрасной модели, о киллере, о заблудшем японце, об английской королеве и даже о герое нашего времени агенте 007 Джеймсе Бонде.

Шагай же вперед по страницам, дорогой читатель, тебя ждут необыкновенные приключения, ты будешь замирать от ужаса, смахивать слезу и жутко хохотать. Мир прекрасен и полон неожиданностей, даже если в нем царит абсурд.

Автор

Жар-птицы советской разведки

От слова «агент» у многих стынет кровь: в голову лезут отнюдь не литературные и страховые агенты, а агенты империализма, агенты вражеских разведок, враги народа – ими нас долго и сытно кормили. Речь пойдет об агентах советской разведки (некоторые застенчивые чекисты публично называют их «помощниками»), о великолепной «кембриджской пятерке», эдаком экзотическом букете из золотых роз. Давно уже погребен прах этих героев, а Англия все содрогается и бурлит: как же так? Как они решились? Ведь они принадлежали к сливкам английского истеблишмента! Предатели, чего им было нужно? Зачем связались с варварами-русскими? И в России охают девицы в шиншилловых пальтецах: вау, какие идеи? Ворчат пофигисты: ох уж эти марксизмы-троцкизмы-ленинизмы! Уж нахлебались мы ими вдоволь! А они, воспитанники Тринити-колледжа славного Кембриджского университета, не нахлебались.

Дыхание эпохи

Они дышали идеями социальной справедливости, они штудировали старика Карла, они презирали тупых мещан, не видевших дальше недожаренного бифштекса с кровью, сами они не страдали от бедности, но не выносили страдания других (бушевал мировой экономический кризис), они люто ненавидели свое правительство, заигрывавшее с Гитлером, который уже брызгал слюной, нацеливаясь на соседей. А где-то далеко-далеко слабо маячило загадочное пролетарское государство, к нему тянулись и парадоксальный Бернارد Шоу, и литературный гений Герберт Уэллс, и даже глубоко немарксистский философ Бертран Рассел. Никто не знал истинной правды о нашей стране, откровения редких туристов страдали противоречиями, многие передержки и преступления объяснялись происками буржуазной пропаганды, да и вообще для настоящих большевиков кровь была естественной необходимостью на каменистом пути к построению нового, счастливого общества. Вообще «кембриджской пятерки» как группы типа детского сада с наставником в виде умного, как Вольтер, резидента из иностранного отдела ОГПУ-НКВД, никогда не существовало, не все знали друг друга, с каждым работали отдельно, соблюдая принципы конспирации (порой они нарушались), у каждого была своя судьба.

Ким Филби

Харольд Адриан Филби, прозванный отцом Кимом в честь лазутчика из одноименного романа Р. Киплинга, родился и провел детство в Индии, его отец служил в колониальной администрации, хотя остров фарисеев ненавидел (правда, иногда он туда навещался поболтаться в ресторанах и клубах). С годами он превратился в крупного ученого-арабиста, страстно влюбился в арабскую культуру и для пущей арабистости принял ислам, одевался по-арабски, стал советником короля Саудовской Аравии. Разведясь с мамой Кима, женился на рабыне короля и счастливо жил с ней в туземном домике, по которому расхаживали два огромных бабуина. Сен-Джон Филби (произносили на французский манер: Сенжен) любил и строго воспитывал свое дитя, подавляя его многие влечения, сын обожал его до конца дней и рос скромным, доверчивым ребенком, к несчастью, он всю жизнь чуть заикался. Окончив Вестминстерский колледж в Лондоне (котируется наравне с Итонским), он поступил в Кембриджский университет, где глубоко увлекся марксизмом, посещал левые тусовки. В 1933 году выехал в Германию и увидел, как после поджога рейхстага Гитлер преследует коммунистов, связался с Коминтерном (там работала своя разведка под эгидой Москвы), затем выехал в Вену, где активизировались австрийские фашисты, вскоре убившие канцлера Дольфуса. Ким активно участвовал в помощи австрийским «левым» и связал свою судьбу с коммунисткой-еврейкой Литци Кольман, которую спас от нацистских преследований, увезя в Англию как свою жену. В Коминтерне на Кима уже давно положили глаз, и Москва решила привлечь его к сотрудничеству. Делалось это под соусом подпольной борьбы с угрозой фашизма, вначале о советской разведке речи не было, заметим, что эта схема применялась и к остальным «пятерочникам». Первым вербовщиком Кима был нелегал Арнольд Дейч, австрийский еврей, доктор философии, блестящий разведчик и психолог, живший в интеллектуальном лондонском районе Хемстед. Дейч с симпатией относился к симбиозу Маркса и Фрейда, был терпим к теориям любви славных коминтерновок Клары и Розы. Вербовочная беседа состоялась в Риджент-парке, куда Кима привела его приятельница Харт, агент нашей разведки, привела и исчезла. Риджент-парк довольно пустынен, Дейч сидел на скамейке, а Кима попросил лечь рядом на траву и смотреть в другую сторону, словно они не знакомы. Приучал к конспирации? опасался захвата? – в любом случае Ким согласился на подпольную работу. Помнится, когда я работал с Филби по линии английского отдела в 1975 году в Москве, он нежно вспоминал товарища Отто (кличка Дейча), еще он высоко ценил Большого Билла – «настоящего большевика» Александра Орлова, выдающегося советского разведчика, который в разгар репрессий предпочел сбежать из Испании (там он служил резидентом) в Канаду, а затем в США, не желая подставлять шею под сталинское топорщице. Проклятый навек системой, он умно использовал чекистские методы: проинформировал Берия, что, если тронут его или его родственников, он выдаст всю «пятерку». Такое ласковое увещевание подействовало, и англичане продолжали благополучно работать. Увидев в Киме перспективного агента, его начали умело «отмывать» от прилипшей левизны: работа в англо-германском обществе, связанном с нацистами, командировка в качестве корреспондента «Таймс» в стан генерала Франко (английские ненавистники республиканской Испании радовались его профранкистским репортажам), там Ким чуть не погиб от снаряда, угодившего в машину (один человек убит, другого тяжело ранило, Ким же отделался царапинами и получил из рук Франко орден за мужество, что укрепило его статус). И наверняка погиб бы, если бы выполнил поручение всемогущего Центра убить самого Франко. К счастью, обстоятельства не позволяли этого сделать, к тому же его сочли профнепригодным для роли киллера (он говорил мне, что никогда не держал пистолет в руках, не прыгал с парашютом и уж, конечно, не мог бегать по крышам вагонов, отстреливаясь из пулемета, как в наших кинобоевиках). Вскоре пробил роковой час: началась Вторая мировая, и Кима сами англичане пригла-

сили в разведку Сикрет Интеллидженс Сервис (СИС) – сбылась мечта его советских наставников. Сначала он работал в центре по подготовке агентов для заброса в Европу, затем был переведен на иберийское направление (Испания, Португалия), после войны возглавил отдел по борьбе с СССР (!). В 1945 году нависла страшная угроза: сотрудник советской разведки Волков, служивший в нашем консульстве в Стамбуле, предложил свои услуги англичанам, пообещав выдать неких бриттов, проникших в самое сердце старой доброй Англии. Дело особой важности СИС поручил Филби, он тут же сообщил о предателе в Москву, оттуда в Стамбул под видом дипкурьеров прибыли два дюжих молодца. Волкова, угостив снотворным, быстренько отправили на родину – в то время с предателями не цацкались. Кима переводят резидентом в Анкару (заброска агентуры в Армению, Грузию), и вскоре на трамплине небывалой удачи он назначается представителем СИС в США, должность феерическая, прямой путь в шефы СИС. Именно в Вашингтоне он получает доступ к дешифрованным советским телеграммам (операция Венона) и узнает, что его друг по Кембриджу Дональд Маклин находится на грани ареста как агент КГБ. Экстремальная ситуация 1951 года. Москва организует побег Маклина в СССР в сопровождении другого «пятерочника» Берджесса (Маклин настаивает на бегстве через любимый Париж, но боится там «запить и сорваться», посему Берджесс его сопровождает). Оба остаются в Москве, тем самым сразу же подставив Филби как «третьего», который их информировал. Филби отзывают в Лондон и подвергают жесткому допросу. Все это сопровождается грандиозным скандалом в прессе и парламенте, увольнением Кима, впрочем, никаких доказательств для передачи дела в суд не наскребли, сам премьер-министр Гарольд Макмиллан делает заявление о его невиновности. Киму регулярно выплачивают пенсию, и английская разведка направляет его в Бейрут в качестве корреспондента «Обсервера», там он продолжает трудиться на нас. Сам Ким всегда возмущался, когда газетные грамотеи называли его «двойным агентом»: «Я всегда работал только на Советский Союз и никого не предавал». Очередной информированный перебежчик из КГБ, очередные доносы о «красном прошлом», и в январе 1963 года Кима экстренно вывозят из Бейрута в Одессу на советском судне.

Дональд Маклин

Высокий, худощавый красавец Дональд Маклин оказался первым удачником во всей этой компании, несмотря на то что больше других был засвечен своими левыми взглядами и чуть не вступил в компартию. Именно ему уже в 1934 году удалось поступить без всяких проблем в вожделенный Форин Оффис и в 1938 году получить назначение в английское посольство в Париже. (Маклин был сыном известного либерала и бывшего члена кабинета, что не могло не сыграть свою роль.) Без памяти влюбившись в Париж, Маклин бурно циркулировал в богемных кругах, там он женился на богатой американке Мелинде, которой раскрыл свою тайную связь с советской разведкой, она восприняла это с энтузиазмом и старалась ему помогать. С началом войны оба на последнем катере перебрались в Англию, там он продолжал работать на важных участках при Форин Оффисе. В 1944 году Дональд уже первый секретарь в английском посольстве в Вашингтоне, а в феврале 1947 года он уже и директор по координации англо-американо-канадской ядерной политики. Затем важное назначение советником британского посольства в Каире... Однако постоянное напряжение и двойная жизнь в связке с зеленым змием частенько приводили Маклина к пьяным срывам, так, напившись до положения риз, он открыто признавался в «работе на русских» (это не принимали всерьез, объясняя спецификой английского юмора), однажды устроил жуткий дебош, расколошматив мебель и разбив вдреизг зеркало. Его отозвали из Каира на должность... заведующего американским отделом, порекомендовав подлечиться у психиатра. Бежать в Москву в 1955 году он жутко не хотел, но в результате вместе с Берджессом оказался в закрытом для иностранцев городе Куйбышеве (ныне Самара).

Гай Берджесс

Третий мушкетер – Гай Берджесс, пожалуй, был самым колоритным и неуправляемым, однако высокоэффективным агентом. Помимо приверженности Коминтерну, он не мог обходиться без «гоминтерна», это открывало ему доступ в самые неожиданные и важные места, многие источники информации рождались прямо в постели. Советский разведчик Юрий Модин, тогда кудрявый и симпатичный молодой человек, недавно окончивший высшее военно-морское училище, вспоминает, что чувствовал себя не в своей тарелке перед ярко одетым, светским джентльменом. Модин старался организовывать конспиративные встречи с Берджессом в пригородах Лондона, где можно безопасно и обстоятельно общаться, а агент тянул его в кабачки центрального Сохо, где вереницы проституток, криминала и, конечно же, полиции. Однажды при разработке легенды встреч (на случай случайной проверки полиции) Гай, поохотываясь, предложил: «Вы красивый молодой человек, а все в Лондоне знают, что я – большой охотник до хорошеньких мальчиков. Просто скажем им, что мы – любовники и ищем кровать». «Но я же дипломат, у меня жена...» – смутился разведчик и покраснел. «Чего только не сделаешь ради мировой революции!» – расхохотался Берджесс. Он действительно считал мировую революцию неизбежной и Россию рассматривал в качестве форпоста этой революции. Таких же взглядов придерживались и остальные агенты. Ох и непросто было работать с Гаем! Иногда он являлся на встречи сильно подшофе, да еще по старой аристократической привычке одевался дорого, но небрежно (измятый, в пятнах пиджак, такие же брюки, правда, ботинки обычно начищены до блеска), да еще громко пел в пабе шлягер «Сегодня мальчики дешевле, не то что пару дней назад». Однажды при выходе из паба у него раскрылся атташе-кейс, откуда вывалилась куча секретных документов. Такое случалось и у других агентов, однажды полиция задержала Маклина и его куратора с мешками (!) секретных документов, думая, что это воры тянут товары из магазина (обошлось), а Филби пришлось проглотить бумажку с кодами, когда его случайно арестовала испанская полиция. Берджесс работал журналистом, подвизался и в Форин Оффисе, и в разведке – ценная информация шла от него валом, не говоря о потоке идей и смелых инициатив. Кроме того, он был прекрасным вербовщиком.

Энтони Блант

Четвертый агент, Энтони Блант, тоже любил мальчиков и был завербован самим Берджессом, а потом передан на связь нашему оперработнику. Интеллектуал и эстет, с детства живший в Париже и впитавший французскую культуру, Блант происходил из семьи, связанной дальними родственными узами с правящей королевской династией, довольно долго он преподавал в Тринити-колледже, активничал в антифашистских кружках, а в 1938 году добровольцем пошел на военную службу и вскоре попал на работу в английскую контрразведку МИ-5, что было с энтузиазмом встречено советскими кураторами. Блант добросовестно и в больших количествах фотографировал и передавал нам документы (после фотографирования их в микроплёнке отправляли в Москву), хотя двойная жизнь его изнуряла. Будучи по натуре ученым академического склада, Блант после войны уволился из контрразведки, предался изящным искусствам и отошел от работы с нами. Он стал директором королевской картинной галереи, получил титул «сэра», написал несколько трудов по истории искусства эпохи Возрождения. Отметим, что королевский двор не обладал секретами, необходимыми советской разведке, посему ни к королеве, ни даже к принцессе Диане мы интереса не проявляли, иначе давно бы увязли в склоках, интригах, хитроумных подсидаках и прочих тайнах королевской жизни, в которые так рвутся проникнуть читатели всего мира. Скорее всего, Блант сознался в своей работе на нас, однако шпионом себя не признал, улики против него не было, МИ-6 в своей манере замолчало дело. В конце жизни в конце семидесятых непредсказуемая мадам Тэтчер неожиданно нарушила «молчание ягнят» и вокруг Бланта была поднята шумиха в прессе, до суда дело не дошло, но королева лишила его рыцарского звания.

Джон Кернкросс

Немного особняком в кембриджском букете таится фигура Джона Кернкросса, тоже выпускника Тринити-колледжа, но шотландца из семьи рабочего – он, наверное, единственный, кто прошел бы по анкетным данным в кадры КГБ. Кернкросс посещал лекции Бланта, быстро уловившего левизну своего студента и подключившего к нему своих боевых кураторов. Джон поступил в Форин Оффис на год позже Маклина, переходил в разные отделы. Секретарь Уинстона Черчилля считал его «очень умным, хотя иногда и невнятным занудой», труженик и аналитик, он по характеру был неуживчив, потому долго нигде не задерживался. С 1938 по 1940 год «великолепная пятерка», включая Джона Кернкросса, бездействовала, ибо резидентура испарилась – все сотрудники попали под чистки, были отозваны и частично расстреляны. В 1940 году Кернкросс стал личным секретарем члена правительства лорда Хэнки, куда шла информация из военного кабинета Черчилля (тогда впервые прошли сведения о работе в США над атомной бомбой), а в 1942 году проник в самое сердце английской государственной машины – дешифровальную службу в Блечли-парк, мечта любого разведчика. Собственно, самым большим успехом английской разведки по праву считается операция по дешифровке телеграмм абвера с помощью шифровальных машин «Энигма». Кернкросс проработал там недолго (ни в резидентуре, ни в Москве не хватало кадров для обработки монбланов документов), затем перешел в разведку. После бегства Маклина и Берджесса в Москву Кернкросс решил «завязать», признался в контактах с русскими, отрицая шпионство (это устраивало СИС, не желавшую скандалов), уволился и уехал в США, затем работал во Франции, где и скончался в 1995 году в живописном Провансе.

Хождения по советским мукам

Как же жили-поживали прославленные агенты в Москве? Это было трудное время во всех отношениях. Потерявший все возможности агент вполне естественно попадал под жесткий контроль, каждого тщательно допрашивали, выкачивая информацию, запрещали общаться с иностранцами, обязывали соблюдать общие правила игры и согласовывать все свои действия с КГБ. В то же время мы выбивались из сил, чтобы угодить своим подопечным, возили по курортам, подбирали приличное жилье, доставали дефицитные товары, обеспечивали полное хозяйственное обслуживание. Берджесс оказался самым проблемным: он пил и гулял, а самое страшное – непрерывно заводил знакомства среди иностранцев (в то время каждый иностранец считался потенциальным шпионом). Берджесс не скрывал, что он агент КГБ, открыто жил с каким-то смазливym слесарем-гитаристом (на это закрывали глаза – чем бы дитя ни тешилось...), ухитрялся заказывать себе костюмы в Лондоне через заезжих англичан (до сих пор его размеры хранят лучшие портные с Сэвилл-роу, я сам видел в фешенебельной обувной лавке в центре Лондона очертания его ступни в альбоме знаменитых конечностей лавки). В Москву приехал на гастроли английский театр Олд Вик, пьяный Гай проник за кулисы, ошеломил всех актрис (его по прессе знала вся Англия), имел ланч со звездой театра актером Майклом Редгрейвом, повествовал о своих шпионских подвигах на благо России. Но разгульный образ жизни уже в 1963 году свел этого героического агента в могилу, измученный КГБ облегченно вздохнул.

С Маклином было намного легче – он сразу настроился на научную стезю и был определен в Институт мировой экономики и международных отношений в качестве старшего научного сотрудника (с КГБ отношения были холодноватыми). Приехала Мелинда с детьми (вообще англичане вели себя корректно и допускали выезд родственников к беглецам), но вскоре закрутила роман с Филби и на время покинула мужа. Маклин вступил в КПСС, регулярно посещал партийные собрания, пользовался популярностью у сотрудников, поскольку был доброго нрава и давал взаймы. Защитил докторскую, написал фундаментальную книгу о внешней политике Англии, переведенную на русский язык.

Филби, прибыв в 1963 году, с трудом привыкал к советской действительности, мучился от безделья, злоупотреблял спиртным, пока не влюбился в красавицу Руфу Пухову, работавшую в НИИ (это был четвертый брак, от второго брака Ким имел пятерых детей). Вернувшись в англо-скандинавский отдел нашей разведки в 1974 году, я вскоре установил с ним контакт и консультировался по организации нашей работы в Англии. Его уже хорошенько «выдоили» по Англии, но он был в курсе английских дел. Вскоре решили использовать его как педагога, чему он был несказанно рад. Так появились учебные курсы Кима, на конспиративной квартире молодые разведчики, попивая умеренно виски, общались с ним, расспрашивали об английском национальном характере, быте и нравах. Ким с Руфой жили в весьма скромной квартире в Трехпрудном переулке, дом был завален книгами, мы весьма откровенно общались за прекрасно приготовленной курицей с карри (он любил индийскую кухню, вырос же там). Ким был весьма сдержанным и тактичным человеком, конечно, ему не нравилось, что его опекали, но он понимал реальности тогдашнего бытия. Конечно, эта была не та страна, о которой он мечтал в Кембридже, ни Хрущев, ни Брежнев не могли ему, типичному англичанину, импонировать, не нравилась ему ни жесткая цензура, ни отстраненность от реальной работы. Но мы делали все, чтобы поднять дух и укрепить его веру, он регулярно ездил в соцстраны, включая Кубу, его принимал Андропов, впервые его пригласили выступить в штаб-квартире разведки в Ясенева. Присылали ему из-за рубежа чай «Эрлс Грей», серые фланелевые штаны, без которых джентльмену нет жизни, оксфордский мармелад, который обожают англичане на завтрак. Все это сглаживало как-то жизнь жар-птицы в золотой клетке, но открыть клетку было невозможно.

Курил Филби дешевые сигареты «Дымок», находя в них сходство с французскими «Голуаз», от дачи и машины отказался. Отметим, что и Ким, и его друзья очень щепетильно относились к деньгам, все они отвергли весьма приличную, пожизненную пенсию, подчеркнув, что работают во имя идеи. Свежий воздух перестройки Ким приветствовал, однако сразу же почувствовал знакомые когти капитала и вряд ли смирился бы с властью олигархов. Умер он в 1988 году и похоронен на Кунцевском кладбище (Маклин и Берджесс завещали захоронить свой прах в Англии). Постаревшие ученики Кима чтут память своего великого гуру, мы иногда собираемся своим «Филби-клубом» вместе с неувядаемой Руфиной Ивановной.

Царство подозрительности

Жизнь агента разведки – не только скольжение по тонкому льду, но и прыжки из огня в полымя. Иосиф Виссарионович считал себя не только знатоком языкознания, но и гением разведки, посему, как истинный марксист, все подвергал сомнению и постоянно стегал разведку на партийных пленумах и разных совещаниях (именно в то время она достигла высот). В результате репрессий мы постоянно испытывали недостаток и чехарду в кадрах, новое пополнение разведчиков чуть ли не «от сохи» порой не понимало английские реалии. Особенно удивлялись, что «пятерка» ничего не сообщает о зловещих английских шпионах в СССР – а ведь партия и пресса прожужжали о них уши, совсем недавно прошли процессы. Почему «пятерка» молчит? Значит, они сами – коварные подставы, гнусные изменники. Дело дошло до полного идиотизма: в Лондон направили восемь чекистов для организации слежки за предателями. Никто не знал английского языка, да и одеты были в такие коверкоты, что за версту было видно. К счастью, эту группу не задействовали. Однако в Москве был сделан анализ работы «провокаторов» с перспективой доклада Сталину, однако охотники за ведьмами образумились, иначе наверняка выслали бы в Англию заплечных дел мастеров для физического уничтожения предателей.

Судьбы кураторов

С «пятеркой» работали разные люди, иногда грубоватые, иногда мягкотелые, иногда не шибко сведущие, разведка – это не организация безукоризненных штирлицев, шагающих от Эвереста к Эвересту, поговаривают, что даже в Кремле, как и на солнце, бывают пятна. Тем не менее все они блестяще обеспечивали работу с кембриджцами. Разведчики-нелегалы – товарищи Рейф, Графпен, Малли (бывший венгерский священник, перешедший на сторону революции) расстреляны как враги народа, Арнольду Дейчу в известном смысле повезло: он погиб от немецких бомб, переправляясь морем на работу в США. Орлов выступил с разоблачениями Сталина в 1953 году, но на родину не вернулся (никого и не выдал). Анатолий Горский, активно работавший всю войну с агентурой, во время борьбы с космополитами был уволен (говорили, что он якобы скрыл принадлежность отца к царской жандармерии, до сих пор ломаю голову, были ли евреи жандармами?). Эффективно и смело работал с агентами Юрий Модин, однако вошел в клинч с грозным резидентом – генералом Родиным и был отброшен от английских дел в другие подразделения, а потом ушел на тихую преподавательскую работу. Были и другие товарищи, растворившиеся в пучинах разведки. Помнится, в конце пятидесятых по указанию свыше мы просматривали дела расстрелянных коллег в целях их реабилитации. В делах сохранились описи имущества расстрелянных: воротнички для гимнастерки, срезанные пуговицы, запонки, ремни – удивительная честность... Письма из «глубины сибирских руд» измученных цингой, совершенно больных вдов и сестер с мольбой о помощи, рассказы об изломанных судьбах детей. Слезы и кровь. Великая Мечта обернулась нечеловеческим экспериментом над людьми.

Бочки информации

Что они сделали для нашей страны? Благодаря «пятерке» довоенная политика Англии и других европейских стран была как на ладони: тут и маневры западной дипломатии перед гитлеровской угрозой, и подноготная переговоров Запада с СССР, и подоплека тайного визита друга Гитлера Гесса в Англию, и план вторжения в СССР «Барбаросса». Война застала врасплох не только армию, но и разведку. Нелегальные резидентуры в оккупированной Европе потеряли связь с Москвой, и к 1942 году почти все были разгромлены, наши посольства накрылись вместе с надежной радиосвязью. Английская резидентура, по сути дела, оказалась главным источником информации (шифровальщики в посольстве работали на износ). Отметим, что англичане в то время пересылали секретные материалы из ведомства в ведомство для ознакомления, это расширяло наши возможности. Во время войны через «пятерку» мы получали дешифрованные телеграммы германского командования, особенно важно, что до битвы на Курской дуге мы имели информацию о новых немецких танках «Пантера» с утолщенной броней и успели создать новые бронебойные орудия, имелись планы дислокации вражеских аэродромов, это помогло уничтожить на земле сотни самолетов перед Курской битвой. Сталин особенно пристально следил за намерениями союзников открыть второй фронт и опасался сепаратного мира, во времена холодной войны доходило до крайнего обострения отношений с бывшими союзниками, разразилась война в Корее. Невозможно оценить информацию от «пятерки»: например, только в 1942 году от Маклина было получено 42 тома документов! Сколько агентов, заброшенных в СССР и соцстраны, было схвачено благодаря Филби! Да разве возможно описать тот огромный вклад «пятерки» в нашу победу? Разве можно подсчитать, сколько жизней наших солдат они уберегли? Сталин любил читать документы в переводе, особенно стенографические отчеты о заседаниях английского кабинета, сам делал выводы (иногда неверные), разведка иногда подавала свой собственный голос, но чаще подпевала или сама себе затыкала рот – кому хочется гнить в общей яме? Вклад огромен, но никто из «пятерки» так и не получил «Героя», хотя Пушкин писал, что «они любить умеют только мертвых».

... В разгар кубинского кризиса 1962 года как пресс-атташе советского посольства (заодно рыцарь плаща и кинжала и пламенный коммунист) я был приглашен прочитать лекцию в Тринити-колледж Кембриджского университета. Кеннеди заявил, что не допустит наши корабли с ракетами на Кубу, навстречу выдвинулся американский флот, Хрущев запальчиво отрицал наличие наших ракет, стороны медленно и неумолимо сближались. Запахло самой настоящей ядерной войной. Смутно осознавая всю нелепость собственной гибели в Лондоне от своих же ракет, я отстаивал перед студентами и профессорами Кембриджа хрущевскую позицию – нет на Кубе наших ракет, и точка! Боже, что творилось! «Выходит, президент Кеннеди врет?» – орал какой-то горлопан, многие свистели и улюлюкали, просвистело над головой яблоко, а я бессильно размахивал мечом. И вдруг невидимые тени героев Тринити-колледжа выползли из углов, они улыбались мне, они ободряюще кивали: «Давай, парень, не подкачай, будет и на нашей улице праздник, знай наших, мы свой, мы новый мир построим!» – и поднимали руки со сжатыми в Рот Фронт кулаками. К концу скандальной полемики стало известно, что Хрущев признал присутствие ракет, я чувствовал себя как оплеванный, сел в свою «Форд» – газель и помчался в Лондон. Ничего, ребята, думал я, мы победим, мы увидим все небо в алмазах, и всем вам, кембриджским титанам разведки, поставим по памятнику! Тут хлынул ливень, грянул гром, автомобильные дворники почему-то вышли из строя, и пришлось остановиться. А дождь все шел и шел, гремела стихия, сверкали молнии...

Какое счастье, что я не знал, какое будущее всем нам уготовила судьба!

Наши Штирлицы

Однажды мой приятель после туристической поездки в Париж рассказал жуткую историю. Шагал он радостно по Елисейским Полям и вдруг увидел своего близкого друга Яшку Силина, с которым учился в институте и с тех пор не видел. «Яшка! – заорал он так, что затряслись платаны. – Какая встреча!» И бросился на грудь Яшке, который состроил надменную рожу и что-то возмущенно залопотал по-французски. «Ты что? Не узнал меня? – возмутился приятель. – Ты что тут делаешь?» Но Яшка осторожно оттолкнул его, буркнул что-то по-французски и пошел дальше. Но мой приятель не отставал и пошел вслед за ним, удивляясь его наглому поведению. Тогда Яшка ускорил шаг и вдруг побежал. Приятель – за ним! И неизвестно, чем закончился бы этот странный эпизод, если бы Яшка вдруг не остановился и не сказал на чистейшем русском: «Послушай, старик, вали подальше! Я тут по важному государственному делу! Прощу тебя!» Услышав слово «государственный», мой приятель тут же обмяк и отстал, так и не поняв, в чем дело...

А дело все заключалось в том, что друг его был разведчиком-нелегалом, жившим во Франции по голландским документам, короче говоря, занимался шпионажем на благо Родины.

Нелегалы в отличие от разведчиков, работающих под «крышами» дипломатов или корреспондентов, проходят очень сложную и длительную подготовку. Во-первых, для них специально добывают или изготавливают документы, вплоть до метрики, водительских прав, не говоря уж о паспорте.

Во-вторых, тщательно разрабатывают легенду прошлой жизни: где и когда родился, с кем дружил, кто были родители и соседи. В-третьих, нелегала натаскивают на «родном» языке несколько лет, пока он не достигнет совершенства и станет неотличимым, допустим, от уроженца Англии или США. Наконец, нелегал должен овладеть профессией, которой он будет заниматься в стране пребывания. Он может работать бизнесменом, поваром, художником – все зависит от его способностей и наклонностей.

Разведчик-нелегал появился вместе с созданием ЧК на волне подпольной работы большевиков и эсеров в царской России: фальшивые документы, тайные явки и конспиративные квартиры были тогда обычной практикой. Реализация идеи мировой революции, опирающейся на коммунистические партии, требовала мощного разведывательного аппарата за границей, причем в случае войны, когда официальные советские учреждения закрывались, как было, например, во время войны с фашистской Германией, разведке предписывалось работать с нелегальных позиций.

В двадцатые-тридцатые годы блестящим нелегалом был Дмитрий Быстролетов, работавший под именами чехословацкого гражданина Йозефа Шверма, греческого подданного Александра Галласа, венгерского графа Перельи, английского лорда Роберта Гренвилля и еще под многими именами. Заметим, что Быстролетов не владел в совершенстве языками указанных стран и поэтому в Англии выступал как венгр, а в Венгрии как англичанин. Быстролетов родился в крымской деревне и был незаконным сыном сельской учительницы, дочери священника. Отца своего он не знал, в 1919 году окончил Мореходную школу в Анапе, поступил вольнонаемным матросом на пароход и, чтобы избежать призыва в белую армию, сбежал в Турцию. Затем скитался по разным странам, пока не попал в поле зрения советской резидентуры в Праге, с 1925 года начал выполнять разведывательные поручения. Быстролетову были свойственны безграничное мужество, романтизм и авантюризм, к тому же он был красив и умел покорять женские сердца. В 1927 году он обольстил шифровальщицу посольства одной крупной западноевропейской державы и регулярно получал от нее секретные документы. Кстати, о своих романах по служебной линии он сообщал своей жене, красавице чешке, как он сам пишет: «Мы дали друг другу слово, что, как бы мы оба ни грешили физически, духовно оста-

немся друг для друга самыми близкими людьми». Бывали и накладки: например, Быстролетов вербовал «в лоб» технического секретаря Союза промышленников Чехословакии, предложив ему крупную сумму денег, тот встал, набрал в рот побольше слюны и плюнул ему в лицо, – в результате пришлось покинуть Чехословакию. У генерального консула Греции в Данице (еврея из Одессы) разведчик купил себе греческий паспорт, но всем говорил, что вырос в Англии и греческого языка не знает. Затем, изучив много литературы о Венгрии и поездив по этой стране, он переехал в Англию, там выступал как венгерский аристократ и завербовал крупного чиновника Форин Оффиса. Для лучшего контроля за агентом он познакомился с его женой, которая по уши в него влюбилась и однажды, закинув подол платья и расставив ноги, потребовала ответной любви – естественно, разведчик не стал портить отношений с женщиной. Впоследствии этот чиновник попал на подозрение у английской контрразведки, и однажды, прибыв домой к агенту, Быстролетов застал там контрразведчика, допрашивавшего жену. Контрразведчик недвусмысленно заявил, что ищет «человека, который крутится около агента», однако Быстролетов ничем себя не выдал, наоборот, расположил к себе посетителя и даже пригласил его на ланч в шикарный ресторан.

В качестве графа он начал разрабатывать фанатичную нацистку, работавшую в секретном архиве крупного германского концерна, где хранились важные документы экономического и политического характера, сначала она воспитывала «графа», «ничего не понимавшего в политике», он просил для собственного просвещения некоторые документы, давал ей дорогие подарки. Так эта дама и не узнала, что работала на советскую разведку.

Однажды Быстролетову поручили перевезти из Италии в фашистскую Германию армейский газозащитный комбинезон и ручной пулемет. Утром в Риме к вагону люкс явились хорошенькая монашенка и служитель из больницы, которые вели под руки скрюченного больного, закутанного так, что из пледов был виден лишь его желтый, трясущийся нос. Сзади шел слуга и тащил сумку, откуда торчали клюшки для гольфа (там лежал и пулемет). Сестра по-итальянски с английским акцентом объяснила проводнику вагона, что больной – сумасшедший английский лорд, страдающий буйными припадками, его не следует беспокоить. Проводник, получив хорошие деньги, проявлял потрясающую заботу о больном, рассказывал всем таможенникам пограничникам, включая немцев, о припадочном лорде, показывал его паспорт и просил не тревожить. Заглянув в купе, у ложа больного контролеры видели монашку, шепчущую молитвы, и почтительно закрывали дверь без всякого досмотра.

В 1938 году легендарный разведчик был арестован и посажен в тюрьму (сталинские репрессии «очистили» разведку процентов на 90), где находился до 1957 года, затем работал референтом-переводчиком в одном не очень престижном НИИ. Получил пенсию по инвалидности, жил в комнате площадью десять квадратных метров в коммуналке и занимался литературной деятельностью. Характерно, что КГБ вспомнил о своем герое лишь в 1968 году и даже предложил пенсию, от которой разведчик отказался.

Фантастическую жизнь прожил нелегал-«испанец» (на самом деле караим) Иосиф Григулевич. Он воевал на стороне республиканцев в Испании, затем вместе с великим художником Сикейросом участвовал в налете на виллу Троцкого в Мехико, правда, первая попытка уничтожить врага № 1 товарища Сталина не удалась, несмотря на огонь, открытый внутри виллы: Троцкий с женой спрятались под кроватью и избежали гибели.

Во время войны Григулевич обосновался в Аргентине, где создал агентурную группу и занимался саботажем: взрывами на судах с германским грузом. После войны он под «крышей» бизнесмена функционировал в Латинской Америке и Европе, а в 1950 году случилось невероятное: по протекции друга Григулевич был назначен послом Коста-Рики в Ватикане, там он развернулся, собирая необходимую информацию. Характерно, что после ареста и расстрела Берия его отозвали из Рима, но, к счастью, не репрессировали. Но Григулевич оказался без средств к существованию, с женой-испанкой и грудным ребенком. Блестящий эрудит, он начал

новую жизнь на научном поприще, поступив на работу в Институт этнографии, специализировался по Испании, Ватикану, Латинской Америке, стал член-корреспондентом Академии наук СССР и приобрел широкую известность как автор книг в «ЖЗЛ», выступая под псевдонимом «Лаврецкий».

С ним тоже случались веселенькие истории. Например, после войны ему поручили убрать одного военного преступника, укрывавшегося в США. Григулевич под легендой договорился с ним о встрече, но накануне преступник покончил жизнь самоубийством. Разведчик направил об этом шифровку в Центр, который в ответ поздравил его с успешным выполнением задания и наградил орденом. Григулевич написал в ответ, что не имеет к смерти преступника никакого отношения, Центр тоже ответил: вы устали после тяжелого дела, подлечите нервы, поезжайте недельки на три отдохнуть куда-нибудь в Ниццу.

В историю мирового шпионажа вошел полковник КГБ Рудольф Иванович Абель, настоящее имя которого Вильгельм Фишер. Он родился в Лондоне в семье немецкого коминтерновца, вскоре переехавшего в Москву, и связал свою судьбу с разведкой. После войны, въехав в США по фальшивому паспорту, он открыл радио- и фотобизнес, имел художественную мастерскую в Бруклине (Абель неплохо рисовал, совсем недавно СВР устраивало вернисаж его картин). Абель выступал в США под разными фамилиями, он имел на связи некоторых агентов, причастных к американским атомным секретам, лично фотографировал некоторые военные объекты. 11 мая 1957 года агенты ФБР окружили отель, в котором проживал Абель под фамилией Мартина Коллинза, ворвались к нему в номер и взяли с поличным: в карандашах-тайниках нашли микро пленку с письмами от родных на русском языке (он так любил жену и дочку, что не в силах был их уничтожить, соблюдая конспирацию, – ничто человеческое не чуждо и разведчику), расписание радиосеансов с Центром, мощный радиопередатчик и коды. ФБР с ходу предложило сотрудничество, но полковник отказался.

На суде выяснилось, что его завалил помощник, по национальности финн, который спился и спутался с проститутками, об этом Абель хорошо знал и планировал отправить его в Москву. Предчувствуя такой исход, этот подонок явился с повинной в ФБР и рассказал всё, что знал. Судебный процесс над Абелем всколыхнул всю Америку. Москва, естественно, отмалчивалась, лишь инспирировала статью в «Литературной газете» о провокации ФБР и «превращении некоего фотографа Абеля в главу шпионского центра, естественно, существующего на золото Москвы».

Впервые в истории публично судили нелегала КГБ, который совсем не выглядел как исчадие ада, а больше походил на честного и скромного семьянина. Допрашивали свидетелей (у него было много друзей), дававших ему отменные характеристики, зачитывали вслух письма от дочери: «Дорогой папочка! Уже три месяца, как ты уехал... я собираюсь замуж... у нас новость: собираемся получить квартиру из двух комнат... как ты живешь? как твой желудок? ...все друзья желают тебе здоровья и счастья, счастливого и быстрого возвращения домой».

Абель ни в чем не признался, отрицал свою связь с разведкой, хотя признал, что являлся гражданином СССР. Ему впаяли тридцать лет, он чудом избежал смертной казни (незадолго до его ареста американцы повесили чету Розенберг, обвиненных в шпионаже на СССР): ему сохранили жизнь лишь как заложника на случай ареста в СССР американского агента.

Как в воду глядели: через несколько лет наши ракетчики сбили американский разведывательный самолет и захватили в плен пилота Пауэrsa, над которым тоже состоялся публичный процесс. В конце концов на него в Берлине обменяли Абеля, который благополучно возвратился в Москву, получил награду, занимался в основном преподавательской работой внутри КГБ. Повышать его не стали, так и остался полковником. Умер через несколько лет от рака горла, оставив после себя двухкомнатную квартиру на проспекте Мира и убогую дачку.

Фильм «Мертвый сезон» начинается с выступления этого скромного, незаметного человека, который совершенно не похож на героя-разведчика в советских или иностранных филь-

мах, скорее его можно принять за бухгалтера или мелкого клерка, но именно таким и должен быть нелегал: стараться не выделяться из толпы, не привлекать внимания.

В основе этого фильма лежит деятельность другого советского разведчика Гордона Лонсдейла, в миру подполковника Конона Трофимовича Молодого, русского по национальности.

Он родился в небольшом городке в Сибири, затем родители переехали в Москву, отец преподавал физику в Московском университете, мать, дочь высокопоставленного царского чиновника, была известным профессором, специалистом по протезированию. Высокий образовательный и культурный уровень семьи Молодых отличал Конона от его сверстников того времени. Он говорил по-английски, читал и писал по-немецки. Когда ему исполнилось десять лет, мать направила его жить к тетке в Беркли (штат Калифорния), где он пошел в престижную частную школу и в совершенстве овладел английским. В 1938 году, вместо того чтобы принять американское гражданство, он вернулся в СССР, окончил школу и в 1940 году был призван в армию. В годы войны он служил сначала рядовым в разведывательном дивизионе, а затем помощником начальника штаба дивизиона, осуществлявшего фронтную разведку. Лейтенант Молодой неоднократно переходил линию фронта, добывал языков и вел визуальную разведку. Все это требовало смелости, находчивости, быстрой, точной реакции и физической силы. Был награжден орденом Красной Звезды, орденами Отечественной войны первой и второй степени, многими медалями.

После войны Конон поступил в Институт внешней торговли, окончил его и остался преподавать китайский язык в стенах альма-матер.

В 1952 году ему сделали предложение перейти на работу в разведку, которое он охотно принял, – тогда ему было 30 лет. Подготовку он проходил по сокращенной программе, ибо язык знал в совершенстве. В 1954 году Молодой прибыл по фальшивому паспорту в Канаду, где достал метрику умершего канадца финского происхождения Гордона Арнольда Лонсдейла и присвоил себе его имя.

В 1955 году новоиспеченный канадский гражданин приехал в Лондон и записался на курсы китайского языка в Школе стран изучения Востока и Африки при Лондонском университете и на средства КГБ открыл собственный бизнес, став директором нескольких компаний по прокату игровых, музыкальных и торговых автоматов. Как он потом сообщил в интервью с журналистом, «напомню: весь оборотный капитал и прибыль моих четырех фирм (а это миллионы фунтов стерлингов!), умножаемые каждый год не без моей помощи, были «социалистическим имуществом».

На курсах вместе с Молодым училось множество западных разведчиков, один сокурсник как-то сказал ему: «Гордон, наверное, кроме нас с вами, остальные здесь все шпионы».

В Лондоне Лонсдейл имел на связи ценных агентов – клерка в Управлении подводных вооружений в Портленде Гарри Хафтона и его любовницу Этель Джи, работавшую там же, от них регулярно поступала совершенно секретная информация о противолодочной обороне и ядерных подводных лодках.

До Лонсдейла советские разведчики работали с Хафтоном «под польским флагом», но затем решили перейти под «советский флаг» и признались, что они русские и служат в нашем посольстве в Лондоне. Хафтон заметил, что он уже давно сомневался в том, что с ним контактируют поляки: он немного знал польский, долго жил в Варшаве и наши «поляки» постоянно «прокалывались» в разговорах, никак не реагировали на польские идиоматические выражения, которые он знал, уклонялись от перехода на польский язык.

Интересно, что Лонсдейл не хотел, чтобы Хафтон знал о его нелегальном положении, и представился как сотрудник советского посольства. Однако Хафтон, наученный горьким опытом с «поляками», не поверил ни в русское происхождение Молодого, ни в его принадлежность к советской разведке: на английском он говорил как на родном, по-западному одевался и имел хорошие манеры джентльмена, этим он резко отличался от посольских товарищей.

Собственно, Хафтон и явился косвенной причиной провала Лонсдейла в 1961 году: он был завербован в Польше с участием польской разведки (отсюда и «польский флаг»), а через несколько лет поляк, знавший об этом, деранул на Запад и выдал агента.

Англичане очень тщательно подготовили операцию по захвату Лонсдейла, арестовали и его радистов – чету Крогеров (Коэнов), старых нелегалов, работавших до этого в США с Абелем по добыче атомных секретов. На суде Лонсдейл держался мужественно, не признал ни своей вины, ни принадлежности к КГБ. Он получил срок – 25 лет, более трех лет просидел в тюрьме и в 1964 году был обменен на английского бизнесмена Винна, арестованного за связь с английским шпионом, полковником ГРУ Пеньковским.

Нелегалов, особенно посидевших в тюрьме, не принято выдвигать на повышение, и Конон Молодой, как и Абель, занимался преподавательской работой, написал по заданию КГБ и издал на Западе книгу мемуаров «Шпион». Молодой неожиданно умер в 1970 году, ему было только 48 лет...

Речь шла лишь о разведчиках-нелегалах, о которых по той или иной причине стало известно. А сколько героев осталось в тени!

Мне довелось крепко дружить с Виталием Шлыковым, мы учились на одном курсе в МГИМО, там у нас сложилась небольшая компания. По окончании института меня взяли в МИД (через год я перешел в разведку КГБ), а Виталия рекрутировало Министерство обороны, определив его в нелегальную разведку ГРУ. Виталий родом из Воронежа, весьма бедно жил в коммунальной комнате вместе с мамой (лет через 15 министерство сделало ему квартиру). Мы частенько проводили время в компании прелестных девочек (он до них был весьма охоч, о себе из скромности молчу), ездили купаться в Химки, трапезничали и у меня, и у него. Отметим, что Шлыков пил очень мало, говорил, что у него от спиртного болит голова. Спецподготовку он проходил на отдельных конспиративных квартирах, и, вернувшись из Англии, я очень удивился, услышав его безукоризненную английскую, точнее американскую, речь (в институте он изучал немецкий). Мы никогда в жизни не обсуждали оперативные вопросы, хотя были прекрасно осведомлены, кто где работает. Однажды Виталий исчез почти на год, впоследствии оказалось, что его арестовала швейцарская полиция и он несколько месяцев просидел в тюрьме – ею оказался знаменитый Шильонский замок, воспетый Байроном. Швейцарцам не удалось установить его виновность, его выпустили. Гораздо позже арестовали двух наших агентов в ЮАР – чету Герхардов, передававших нам секреты ядерного вооружения ЮАР. Оказалось, что с ними поддерживал связь Виталий Шлыков, периодически выезжая на эти встречи за кордон. Как я понимаю, от нелегальной работы его отодвинули, но назначили начальником информационного направления, в перестройку он неожиданно занял пост заместителя министра обороны России (СССР еще существовал). Виталий Шлыков обладал исключительными научными способностями, блистательно знал военные дела и особенно экономику США. Будучи кандидатом военных наук, он неоднократно выступал в печати с весьма неординарными статьями, вызывавшими острую дискуссию. (Известный писатель Леонид Млечин снял о нем фильм, имеющийся в Интернете.) Отличался большой скромностью и аккуратностью, помнится, присылал мне в Данию (я там трудился) в химчистку свою шикарную дубленку, боялся, что в Союзе ее испортят. Близкие друзья постоянно упрекали Витеньку – так мы его звали – за чрезмерную бережливость, в частности он закупил в «Березке» несколько ящиков коньяка «реми мартен», однако на наших сходках выставлял не больше пары бутылок, это возмущало до слез. Я тогда увлекался эпиграммами на друзей, и вот о Шлыкове с его большими рыками:

То Кеннеди, то Збигнев он,
Хитрейший тип, хамелеон.
Ах, Шлыков, лыком шиты Вы.

Мы все немного Штырлицы.

Последние годы стал жаловаться на сердце, иногда заезжал ко мне на дачу (как правило, с очередной пассией). Очень значительная личность, по-своему уникальная, чрезвычайно конспиративен, умен, уверен в себе. Умер внезапно – тромб. ГРУ и вся страна должны гордиться такими героями. Но помалкивают.

Однако не следует думать, что весь мир нашпигован бизнесменами, сапожниками и художниками, которые на самом деле работают в российской разведке. Нелегал – это «штучный товар», подготовить его сложно, стоит это очень дорого и далеко не всегда окупается. Один поиск русского, который, допустим, походил бы на француза, изучил бы в деталях прелести «родной» кухни, хорошо знал бы «свое» место рождения и жительства где-нибудь в Провансе и всю свою легенду-биографию, – задача трудная.

Тем не менее, хотя у нас в стране разрешили упоминать без санкции КГБ о разведке лишь со времен перестройки, в народе имеется свой любимый нелегал – великолепный Штырлиц, он же полковник Максим Максимович Исаев. Вера в Штырлица настолько велика, что российская разведка в своих официальных очерках опровергает сам факт существования русского нелегала в высших кругах гитлеровской Германии. Были блестящие агенты-немцы («Красная капелла»), были высокопоставленные английские разведчики Филби и Берджесс – асы своего дела, было множество других ценных агентов, но вот Максима Максимова не воспитали.

Вообще внезапное нападение Гитлера и чистка Сталиным нашей разведки привели к хаосу в работе резидентур во время войны. Сложно было со связью в оккупированных Гитлером странах, гестапо удалось запеленговать и арестовать нелегалов военной разведки в Бельгии и Франции. Парижскому нелегалу Трепперу удалось убежать и примкнуть к Сопротивлению, однако после войны его и бельгийского нелегала Гуревича ожидала тюрьма Лубянки. Такая же участь ожидала и резидента ГРУ в Швейцарии Шандора Радо, его резидентура оказалась единственной нелегальной точкой в Европе. Так что руководство страны «отблагодарило» своих героев.

Тем не менее, шла важная информация о Германии из нейтральной Швейцарии, из Англии, из США – например, наши агенты в Англии («кембриджская пятерка») передавали шифровки абвера, которые расшифровали англичане.

Фольклор о Штырлице подмечает много черт, свойственных разведчикам, в жизни, например, был случай, когда нелегал плыл саженками у Лазурного Берега, а с пляжа кричали: «Это русский! Только в России плавают саженками!»

Очень обиден и несправедлив анекдот о том, что русского нелегала можно определить при выходе на улицу из общественного туалета: он обычно застегивает ширинку. Сколько я видел французов и испанцев, поступающих таким образом!

О Штырлице:

Штырлиц получил шифровку: «У вас родился сын». Скупая слеза скатилась по щеке разведчика. Двадцать лет, как он не был на Родине.

Или: – Штырлиц, где вы научились так хорошо водить машину?

– В ДОСААФ, – сказал Штырлиц и подумал, а не сболтнул ли он лишнего.

Или: Штырлиц подошел к окну и высморкался в занавеску. Ему еще раз хотелось почувствовать себя полковником Исаевым.

Другой анекдот: Штырлиц заметил связную сразу. Она была в красном купальнике с яркой звездой на груди. В руке она держала газету «Правда». Он незаметно подошел к девушке.

– Который час? – игриво спросил он.

– Я забыла часы на Лубянке, – улыбнулась девушка. Это был пароль.

Кстати, пароли в разведке бывают очень странными, вот, например, пароль при установлении контакта с упомянутым Хафтоном у входа в Далвичскую картинную галерею в южной

части Лондона. Наш разведчик: «Не откажите в любезности сказать, как можно отсюда попасть в Вестминстер?» (центр Лондона). Хафтон: «Думаю, лучше всего добираться в Вестминстер через Вашингтон».

Абсурд, но зато исключено, что по ошибке будет установлен контакт с другим человеком. А ведь такие нелепости случались!

Мир населен разведчиками-нелегалами. Так что, наступая на ногу в бельгийском автобусе или задевая плечом пассажира нью-йоркского метро, стоит помнить, что это может быть российский разведчик. Менее вероятно, что, передвигаясь по Сахаре на верблюде, вы наткнетесь на бедуина, на самом деле – майора Службы внешней разведки, но это тоже не исключено...

Секретная миссия

Прекрасны, ох как прекрасны секретные миссии за рубеж – не рутинные инспекционные поездки с занудными совещаниями в резидентуре и метаниями по магазинам во имя семьи, а именно Секретные Миссии. От гордости надуваются щеки и пружинят ноги на ковровых дорожках учреждения. «На днях уезжаю, важное дело», – роняешь небрежно, не говоришь ни куда, ни когда, ни зачем, коллега все это понимает и лишних вопросов не задает. Дома на время стихает суматоха будней, жену распирает любопытство, она напряжена, она незаметно для себя играет амплу Спутницы Героя («Когда ты вернешься?» – «Не знаю, не от меня зависит...» – «Будь осторожен!») Пожатие мускулистых плеч, сдержанная улыбка). Наконец, служебный автомобиль у подъезда, легкий саквояж, Шереметьево – и туда, туда, во вражеский стан...

А начиналось вот так.

Однажды прилетела неприметная депеша из провинции о том, что кустарь-одиночка Федор уже многие годы ведет переписку с некой Марлен, сотрудницей западнобельгийского посольства в Дании. Предыстория: в конце войны переселенка Марлен и красноармеец Федор были схвачены за прелюбодеяния в городе Кракове грозным Смершем, неисповедимо узревшим в этом страстном акте руку западных спецслужб. У Марлен отобрали расписку как условие возвращения на земли родной Западной Бельгии: «Я, Марлен, даю обещание секретно сотрудничать с Красной армией, обязуюсь работать честно и добросовестно и т. д.». Смерш смотрел далеко вперед, расписки клепали под диктовку в массовом порядке, кто знает, может, на эти клятвы появился бы особый спрос в момент победы мирового коммунизма и создания глобального Министерства Любви? Нагрешивший Федор по приговору военного трибунала отсидел два года в лагерях и благополучно вернулся домой, обнаружив на столе тревожные письма от своей возлюбленной. Его тут же завербовал местный КГБ, возрадовавшийся «заграничному каналу», столь редкому в глубинке. Однако проку для местных органов от этого дела не было никакого, Марлен работала в какой-то захудалой конторе, переписка шла ни шатко ни валко, секретных сведений (о ходе сеноуборки?) Федор ей не пересылал. И вдруг... вдруг Марлен поступила в западнобельгийский МИД и вскоре получила место секретарши в посольстве в Дании. Органы провинции, естественно, сами наострились в страну Андерсена, однако энтузиастам дали по носу, ибо тут требовался опытный зубр с иностранным языком и заграничным опытом, а не малограмотный провинциальный опер. Кто подходил на эту роль больше, чем ваш покорный слуга, шеф датского направления и партайгеноссе отдела?

И вот на героя невидимого фронта белый плащ, кашне модной шотландской расцветки, в руках – изящный «самсонайт», набитый икрой и прочей отечественной гордостью, в боковом кармане пиджака (рядом с горячим сердцем) – расписка Марлен, страстное письмо Федора своей возлюбленной. Весьма не хватало для понта крошечного бельгийского браунинга в кобуре под мышкой (приятно вроде бы случайно сбросить пиджак в компании друзей перед отъездом!), впрочем, дипломатический паспорт при таких миссиях надежнее любого оружия.

Самолет взвился к небесам и через несколько часов уже сделал первый круг над Копенгагеном.

Резидент встретил меня прохладно (кому понравится, если боевая операция родилась не в окопах на передовой, а в комфортабельных кабинетах Центра!), а контрразведка, прекрасно знавшая меня по положительному вкладу в датско-советскую дружбу, просто расвирипела, будто в мои планы входила по крайней мере высадка советских войск на Ютландии или взрыв фолькетинга. Взяли меня, бедного, в такой оборот, который не приснится разведчику в самых страшных снах: мощнейшее наблюдение днем и глубокой ночью, плотный и жесткий контроль,

когда служба сыска не считает нужным особо маскироваться, а демонстративно идет сзади почти «бампер в бампер» и ставит цель не выследить, а сорвать операцию.

Мои активные походы к старым друзьям в надежде, что мышки-норушки усмотрят в моем вояже лишь желание попить «туборг» с креветками в хорошей компании, успеха не имели: машины исправно дежурили у подъезда и четко провожали меня до гостиницы. Последовать примеру Шерлока Холмса, загримироваться под бродягу на костылях? Сесть на метлу и вылететь в трубу? Или залезть в бутылку, которую выбросят из машины у синего моря? Как назло, в инспекционную поездку приехал сам генерал, курирующий отдел, он не прочь был заодно тряхнуть стариной, поруководить на месте и урвать у меня часть лавров в случае успеха. Какие безумные сны виделись, должно быть, шефу датской контрразведки, ломавшему голову над тайной приезда двух волкодавов...

Что делать в этом железном мешке, как вырваться на волю? Лучшие лбы резидентуры мучительно размышляли об этом и пришли к единственному выводу: только тайный вывоз, причем в машине «чистых», то бишь мидовцев. А дальше? Домашний телефон Марлен заполучить нам не удалось, звонить в посольство было опасно, оставалось переть прямо на квартиру – вариант рискованный. Разработали легенду: я – отныне советский гражданин Семен, друг Федора и провинциальный простак, оказался в датском королевстве во время туристского круиза и по просьбе Феди без всяких церемоний решил забросить его старой подружке личное письмецо и сувениры. Моветон, конечно, но мы в гимназиях не обучались и обожаем у себя в деревне запросто хаживать друг к другу, запасшись водкой и зернистой икрой. Изобретательный генерал неожиданно предложил мне записать беседу на портативный магнитофон: идея прозрачная – доверяй, но проверяй, да и запись всегда пригодится как «закрепляющий фактор» в вербовке. К нашей родной подслушивающей технике, способной издавать самые страдальческие звуки в самые неподходящие моменты, я относился без всякого пьетета, правда, я об этом умолчал, но заметил, что дама может выкинуть неожиданные фортели, вплоть до вызова полиции, которая весьма удивится, обнаружив под моими кальсонами вершины научно-технической революции. Аргумент этот за спиной интерпретировался как позорная трусость и был отвергнут.

Всё уперлось в проблему преодоления «хвоста». Конечно, при желании мы с водителем-профессионалом из московской «семерки» (службы слежки) могли от «хвоста» и оторваться, бешено прокрутившись по переулкам, презрев и одностороннее движение, и светофоры (и зазевавшихся инвалидов), водитель знал город получше датчан и мгновенно определял мышек-норушек своим натренированным оком. Однако такие грубые трюки считались непозволительными: зачем приводить контрразведку в ярость? Ведь она могла мобилизовать все ресурсы, подключить полицию и начать тотальный поиск по всему городу. Зачем размахивать красной тряпкой у носа быка? Итак, порешили: «чистая» машина, бросок в никуда, и, по Бродскому, «он взял букет и в будуар девицы отправился. Унд вени, види, вици».

Долго примеривали меня к багажнику завхозной «Волги», куда брненное тело умещалось, лишь преломившись вдвое, как складной стул, но посольство, увы, не имело ни «Линкольна», ни «Шевроле» – в их багажниках можно было бы запрятать целые резидентуры.

В результате приняли соломоново решение и уложили меня на пол у заднего сиденья, покрыв сверху зловонным ковром, на который бросили пустые картонные ящики. За руль уселся трепетавший завхоз, который вечно метался между рынками и магазинами, выглядел затурканным и никак не походил на Джеймса Бонда. «Волга» тронулась, и мы резво выехали из ворот.

– Что-нибудь видите сзади? – спросил я, подыхая от тошнотворных запахов.

– Вроде идут за нами! Идут! – хрипло забормотал завхоз. Он нервничал и чувствовал себя участником операции, равной по масштабу вывозу из Италии Муссолини отрядом эсэсовца Отто Скорцени.

– Где мы сейчас? – Вопрос из удушливого космоса.

– В Сёборге! – лопотал завхоз. – За нами прут три машины! Вот гады! Что же делать?! Ах, батюшки... ведь выгонят меня датчане...

– Держитесь спокойно, не дергайтесь, вы отобьете мне все бока! Не нервничайте, внимательно следите за машинами!

Я уже прикидывал, как скупоманно опишу всю эту проверку в отчете и потом генерал где-нибудь на высоком совещании скажет: «Вот в каких условиях нам приходится работать, товарищи!»

– Я не нервничаю! – дергался завхоз. – Они действительно идут! – Он так мандражил, что я даже испугался: как бы он не врезался в столб.

– Поверните направо в переулок, но не давайте заранее сигнала поворота. Пошли за нами машины?

– Идут... – Он шумно сглотнул слюну. – Нет, кажется, ушли в сторону. Нет, идут! Капут!

– Еще направо и налево! – приказывал я, входя в роль то ли раненого Чапаева, ведущего за собою отряд, то ли попавшего в переплет д'Артаньяна.

После получасовых кружений стало ясно, что затея удалась и страхи завхоза напрасны. Кстати, даже профессионал-новичок на первых порах дрожит от страха, видя слежку на каждом углу, – со временем этот синдром уступает место беспечности. В районе Багсверда, вдохнув более приятные запахи креветочного ресторана, я пересел к нашему виртуозу-водителю. Еще час поколесили мы по пустым окраинам, где только слепой не увидит «хвоста», и свернули к лесу. Там я, друг природы, и был высажен, не хватало лишь сачка для ловли бабочек.

До вечера оставалось часа четыре, я побродил по полянам, усеянным белыми грибами (разборчивые датчане ели только шампиньоны, зато мы и поляки белыми отнюдь не брезговали, наоборот, мощно укрепляли подножным кормом семейные бюджеты и даже, засолив, высылали в банках голодным родственникам на родину). Потом сел в автобус, добрался до «нон-стопа», подремал на какой-то киноерунде и часов в семь направился на randevu, изящно помахая «самсонайтом» с сувенирами от пламенного Федора. Сердце, однако, изрядно колотилось, и умнейшая голова проигрывала вариант за вариантом. Вдруг Марлен надолго задержится и мне придется топтаться у ее дома? Рядом лишь одно кро (пивная), но дом оттуда не виден, да и каким образом идентифицировать Марлен? Фотография отсутствовала, имелись лишь описания Федора, расплывчатые, как передовицы: «интересная блондинка», «хорошо улыбается», «карие глаза» и «вроде бы полная». А что, если Марлен вообще откажется со мной говорить или, допустим, выползет из ванной в халате, густо намазанная кремом, а рядом джентльмен с дубиной в руке? Незванный гость хуже татарина, даже если это уважаемый во всем мире советский турист. Догорал рабочий день. Я пополз к городу на автобусе, тревожась, что на пути от остановки к дому Марлен случайно столкнусь с наружником, спешившим домой и знавшим мой прекрасный лик, – центр города всегда опасен, там больше всего уголовщины, а потому и полиции.

А вот и дом заветный, обыкновенный семиэтажный дом, открытый подъезд. На пятый этаж я поднимался пешком – вдруг в лифте окажется соседка по площадке или еще кто и заговорит со мной по-датски... У двери я замешкался, перевел дух и вспотевшей от волнения рукой нажал на звонок. Дверь отворила чуть пухловатая, но складная, с голубыми (!) глазами, совсем не дряхлая блондинка, отнюдь не Сивилла со вставной челюстью и ниспадающей на живот грудью. Дрожа от страха, я вошел. Слепительно улыбаясь и глупо переминаясь с ноги на ногу – как мне казалось, именно так ведут себя жители провинции, залетевшие в западную столицу, – я представился как Сема – друг Феде, вывалил роскошные сувениры, передал письмо и приготовился к лучшему. Блондинка залучилась от счастья (думается, от вида черной икры) и потащила меня в комнату. К моему ужасу, там сидела хмурая пожилая пара (хорошо, что не в полицейской форме), как оказалось, родители моей Марлен, приехавшие на побывку

из Западной Бельгии именно в день операции. Все рухнуло, не обсуждать же любовь и страдания заброшенного Феди в таком широком составе? Однако минут десять пришлось пожурчать о неповторимости Копенгагена, сослаться на неотложные дела, а уже в коридоре попытаться вытянуть блондинку на randevу в этот же вечер. Договорились с Марлен на следующий вечер. Путь обратно в посольство был не менее тернист, чем выезд оттуда: снова автобус, оперативная машина, перегрузка в «Волгу» под родимый ковер и счастливое возвращение.

В резидентуре царило напряжение – так ожидают разведчика с ценным языком перед началом наступления. Я доложил об итогах дня самому генералу, озабоченному, как Кутузов на Бородино при прорыве правого фланга неприятельской конницей, вышел из здания посольства под очи наружки (показался!), как невинный агнец, будто бы и не покидавший его, и вальяжным шагом дошел до гостиницы.

На следующий день премьеру пришлось повторить. Правда, генерал, желая явственнее обозначить свой вклад в операцию (после установления контакта с Марлен как-то сами собой забрезжили розовые перспективы в виде ливня орденов и благодарностей), высказал заботу о моей безопасности и повелел выставить наблюдателя за местом встречи с Марлен: мало ли что! Правда, было неизвестно, что делать наблюдателю, если вдруг участников операции закуют в кандалы блюстителю порядка? Выхватить «маузер» из деревянной кобуры и отбивать коллегу? Кричать «караул» (по-русски?), обращаясь к прохожим? Звонить в посольство и условной фразой «Прачечная уже закрыта» предупредить резидента о ЧП, дабы он, как в добротном чекистском фильме, не мучился всю ночь от бессоницы?

Погрузившись на дно «Волги», я вскоре почувствовал, что в завхозе проснулся великий разведчик. Трепет новичка исчез, и он мчался, как ковбой на мустанге, преследовавший бедных индейцев, смело шел на светофоры и резко поворачивал, совершенно не заботясь о моих боках. Завхоз вошел во вкус оперативной работы, обобщал и критически осмысливал вслух и методы проверки, и маршрут (совсем недавно он видел фильм, где преступника заматывали в бинты и уносили на носилках, обманув полицию). «Все чисто! Все чисто! Хвоста нет!» – ликующе орал он, быстро усвоив профессиональный новояз. «Мы же на автостраде, они могут отстать на километр!» – сдерживал я его. «Куда они от меня денутся? У меня ведь глаз – как ватерпас!» – «Не гоните, давайте сойдем с автострады в сторону!» – «Нет никого за нами, что вы боитесь? Нет «хвоста», я вам гарантирую, я слов на ветер не бросаю!» Так, купаясь в диалогах, мы добрались до машины аса – дальше все повторилось.

Марлен явилась на randevу в темном платье, шею обвивали нити жемчуга, платье стягивала на груди белая камея. Ресторан я подобрал дорогой, с интимной полутьмой. Стены украшали натюрморты, доводящие аппетит до кипения, горели свечи на столе, горели свечи... По высочайшему указанию генерала ужин надлежало провести широко, как требовала необъятная и загадочная русская душа, известная на Западе из Достоевского: она, душа, любит жечь деньги, рыдать, когда все хохочет, стрелять и стреляться в момент счастья, прожигать состояние, пить днями и ночами у цыган... Сёма хоть и советский турист, но ничем не хуже ублюдков дворян.

Начали мы с французского шампанского, чокнулись за здоровье Федора (чокнулись! какой пассаж! – ведь это словно плавать саженьками в океане у Рио-де-Жанейро или застегивать штаны при выходе из парижского писсуара – вдруг заорут: «Это русский!»), закусили хвостами лангустов, далее был живописный кусок мяса, именуемый на родине неаппетитным словом «вырезка». Это чудо официант жарил прямо рядом с нами на спиртовке, поливал коньяком, поджигал, и вверх вздымалось голубое пламя.

Я не спешил развертывать все декорации, наоборот, создавал, как говорится, непринужденную атмосферу, когда легка душа, светел ум и мир кажется прекрасным. Разумеется, стержнем беседы были незабвенный Федор и его доброе сердце, в котором и целые рощи березок, и милые церквушки, и бездны щедрости (икра произвела впечатление на Марлен, а я тут же

вспомнил отзыв о жлобе Федьке). Ну а стоит ли говорить о его беспредельной верности старым подругам? (Похотливый старый козел, покрывший весь городок, – это тоже было в характеристике.) От изысканных вин и нежных воспоминаний глаза Марлен как-то зеленовато (!) заискрились, она окунулась в прошлое и вспомнила военную юность: как все было прекрасно, когда молодой освободитель случайно проходил мимо домика, где две девушки пели под гитару, сунул голову в окно, наполнил комнату своею улыбкой и быстро проник в комнаты...

Но меня беспокоили не воспоминания, я все прикидывал, как ее вербовать? Как подвести к пресловутой расписке? И как на это она отреагирует? Аполитичный Федор не оставил впечатления о ее политических взглядах, в письмах этот центральный вопрос не поднимали. Вдруг... вдруг Марлен сердцем со всем прогрессивным человечеством? Тогда все проще.

Но увы, через пятнадцать минут стало ясно, что Марлен наплевать на политику и тем более на коммунистов, да и оплот мира, Советский Союз, она не жаловала, зато ценила свое место в посольстве, где неплохо зарабатывала. Оставалась надежда, что у нее сдвинутые и экзальтированные мозги – ведь в практике бывали случаи, когда и на почве комплекса неполноценности или просто из мести сослуживцам соглашались работать на чужую разведку. Рухнула надежда, что она – сексуальная психопатка или маниакальная однолюбка (почему, почему она вела долгую переписку с этим дурнем?!), преданная Федору до гробовой доски, – тут бы мы ее живо заарканили. Устроили бы встречу где-нибудь в пансионате на швейцарских лугах, где жуют жирную траву добродушные коровы с колокольчиками на шеях, втащили бы туда пейзажа Федьку, приодев его в твидовый пиджак и нахлобучив тирольскую шляпу с пером, и, конечно же, закадычного его дружка Сёму-путешественника...

Была замужем, родила дочь, потом развелась – обыкновенная скучная история, на которой разведке не сыграть. Пила умеренно (ах, если бы надралась! Излила бы душу!), на нищенскую жизнь и долги не жаловалась (а ведь в письмах намекала, что еле сводит концы с концами), свое правительство не ругала. Не рви волосы на голове! Неужели ты вернешься в столицу ни с чем?! Оставалось (о, дьявол!), оставалось (неприятный холодок в животе), оставалось... хотя, конечно, такой разворот был предусмотрен (недаром же я снял копию с расписки). Оставалось приступить к плавному исполнению. Пианиссимо. Без удара волосатым кулаком по столу («Если откажетесь, то пожалеете...»). Я трусил, но, не сознаваясь в этом, прикрывал свой страх жалостью к бедняжке Марлен, такой непосредственной, наивной и честной.

Но Рубикон следовало переходить.

Начал пианиссимо: «Все мы о Федоре да о Федоре, хороший он человек, Федор, конечно, стоит о нем говорить, ведь он славный парень (размазывал кашу по тарелке, мазал и мазал...), но у вас ведь еще были друзья из нашей страны, правда?» – «Конечно, конечно (то ли усекла, то ли нет), вы долго будете в Копенгагене?» (Куда поехала, задница, при чем тут это?) – «Несколько дней... а друзья вас помнят...» (Жми, старина, не слезай с кобылки!) – «Кто помнит?» (Ну и мадам!) – «Как кто? Друзья!» – «Ах, друзья...» – «Ну да! Они просили передать вам привет...» Шаг сделан, пауза, она задумалась – неужели отшибло память? Не спеши, дай ей шанс адаптироваться к неожиданному ходу – ведь не каждый день она давала расписки Смершу, чтобы об этом забыть, – все равно что Фауст забыл бы о расписке кровью Мефистофелю. «Спасибо...» – растерялась, чуть побледнела, но еле-еле, совсем незаметно, – и вот рука легко коснулась бусинок жемчуга и прошлась по ним тонкими пальцами, прошлась и задержалась, и как будто ничего не произошло...

«Вы раньше бывали в Копенгагене, Сэм?» – «Никогда не был, чудесный город!» Опять, черт побери, ушла в сторону, скользкая бабища! А вдруг она хлопнет меня бокалом по лбу? (Такое у меня бывало – правда, в обстоятельствах неоперативных.) «Друзья вспоминали, как вы работали вместе, Марлен...» Карты на стол, я выдержал паузу, сейчас бы заглотить стакан, чтобы снять напряг. «Работали?» – Она выигрывала время, пытаясь прикинуть, что же мне стало известно.

В этот кульминационный момент в наш разговор и вперся официант с кофе, испортил песню, дурак, бряцанием чашек и блюдца, все сломал, негодяй, словно чеховский злой мальчик. Официант отошел, я уже в отчаянии, все уже в печенках, сколько можно тянуть кота за хвост?

И тут ва-банк: «Марлен, вы обещали работать, вы обещали помогать делу мира! (Ха-ха.) Друзья помнят о вас и хотят вам добра...» Ежу все понятно, а она удивленно улыбалась. Боже, я удавил бы ее салфеткой, если бы она вновь спросила, как мне понравился Копенгаген, и посоветовала обязательно посетить бы Эльсинор, где жил Гамлет, принц датский, о котором знаменитый английский драматург Шекспир написал трагедию. Так наживают инсульты и инфаркты.

Я вспотел от напряжения и вытер лоб платком. Что делать, если она притворяется, что не понимает? А вдруг это какая-то страшная путаница – ведь прошло так много лет! Послушай, а на фига тебе приключений на жо? Не поняла, значит, не поняла. Забудь об этом деле, закажи еще шампанского, фокус не удался, в разведке это бывает.

Стоп.

А долг перед Родиной? А офицерская честь? Где же твоя совесть?

Гордыня поборола трусливый здравый смысл, рука сама потянулась за распиской: «Не узнаете этот документ?» Марлен побледнела (я тоже, наверное, напоминал тень отца Гамлета – так, во всяком случае, хочется думать), допила шампанское и встала. Глаза у нее потемнели (!!!). «Какой вы мерзавец! Сейчас я вызову полицию!» Она пружинисто пошла к выходу, жемчуга подрагивали на открытой шее, она шла к выходу, а я семенил сзади, хватал за руки, бормотал, что пошутил, и просил вернуться к столу. Все очень напоминало семейный скандал. Как ни странно, она возвратилась, и только тут я заметил печать утомления, даже изнеможения на ее лице – в один момент пробились на свет все прилежно замаскированные морщины и складки, глаза потеряли всякий цвет и поблекли, она вмиг постарела на сто лет и уже годилась мне в бабушки. Кофе она пила скорбно, как на поминках, я бормотал нечто светское и общее, будто ничего и не произошло, нет, надежда еще теплилась во мне, еще жила – ведь глупо ожидать мгновенного согласия на сотрудничество.

Вспомним клерка английского адмиралтейства Джона Вассала, которого прихватили в Москве на гомосеках, его ломали, его шантажировали целый вечер, ему в нос совали фото, а он отказался, чуть не застрелился, возвратившись домой. А потом? Потом подумал трезво и дал согласие. И блестяще таскал секретные документы целых 9 лет.

Спокойно, пусть она привыкнет, главное – расстаться друзьями. Выждать, дать успокоиться, потом подойти снова, не потерять контакт, плод еще вызревает, и требуется время, чтобы он упал на землю, прямо к ботфортам. Она пила кофе, пожилая некрасивая женщина с тусклым взглядом, слушала меня и равнодушно кивала. Наконец попытка окончилась, я усадил ее в такси, пообещав позвонить на следующий день. Она лишь вяло улыбнулась в ответ.

– Прощайте...

Я звонил ей два дня подряд, но к телефону никто не подходил, наконец услышал ее голос, но от встречи она отказалась, правда, говорила вежливо, полицией больше не грозила и скандала не затевала. Дело рухнуло (скорее всего, она призналась в своих прошлых грехах посольскому офицеру безопасности). Оставалось лишь завернуться в пресловутый белый плащ, купить пару бутылок датского аквавита и восвояси отправиться, домой.

В Москве меня не ругали. Пути разведки усеяны шипами, а не только розами, и если бы все вербовки удавались, то на этой прекрасной планете яблоку некуда было бы упасть: одни агенты, все население Земли – агенты! И мамы, и папы, и дети, и внуки! Не жалея красок, я расписал всю героическую эпопею начальнику отдела, у старого волка даже пасть опустилась после рассказа о катаниях под слезкой, не говоря уже о смертельной конфронтации в ресторане.

«Хорошо, когда секретарь парторганизации показывает пример другим коммунистам!» – заметил он удовлетворенно.

В тот же вечер мы зверски накачались датским аквавитом.

Метаморфозы киллера

*Нет больших радостей, нет лучших музык,
Чем хруст ломаемых жизней и костей.
Вот отчего, когда томятся наши взоры
И начинает бурно страсть в пути вскипать,
Черкнуть мне хочется на вашем приговоре
Одно бестрепетное: «К стенке! Расстрелять!»*

В. Эйдук. «Улыбка ЧК».
Тифлис, 1922 год

Только идиоты считают, что убийцы не имеют ни нервов, ни сердца, только круглые дураки убеждены, что убийцы не страдают, переламывая шейные позвонки.

Стояла поздняя осень, в подъезде дома было душно, как в аду, солоноватый пот ручьями тек по лицу, руки словно слезились, и приходилось вытирать их о брюки, он менял площадки, всматривался в окно, непрерывно глядел на часы, ожидая Льва Ребета. Подъехала грохочущая машина, он встрепенулся, ощупал мокрой рукой баллончик со смертельным газом, напрягся, словно Ребет уже был рядом, но машина оказалась совсем другой марки, и не объект вылез оттуда, а чахлая дама с зонтом.

Он с ненавистью наблюдал, как она вошла в подъезд, он слышал гудение лифта и на всякий случай перебрался на площадку между этажами. Мелькнула кабина, почти рядом запахнулась дверь, и прямо на него покатился по лестнице юный шалопай, пролетел, даже не взглянув на Богдана, хотя тот успел набросить на лицо маску равнодушия. Сердце билось так громко, как будто в голове орудовал кувалдой кузнец.

И тут бесшумно подкатил «Опель» с Ребетом, толстым, лысым, благодушным и совсем не подозревавшим, что это его последняя поездка на этом свете перед переселением в департамент иной. За руку видный бонза ОУН (организация украинских националистов) попросился с телохранителями, отпуская, по-видимому, веселые шутки, ибо спина его тряслась от хохота, повернулся и медленно, вразвалку зашагал к подъезду.

Загудел лифт, захлопнулась дверца, снова гудение, гудение и гудение, которому нет конца. Богдан подтянулся к третьему этажу, на котором проживал Ребет, тот лениво вывалился из лифта, доставая на ходу из кармана ключи, увидел Богдана и сразу понял, что это – конец.

Даже вскрикнуть не успел – невидимая ядовитая пыль окутала и нос, и глаза, и главный идеолог украинского национализма мягко развалился на площадке, раскинув руки.

Богдан слетел вниз по ступеням, как на крыльях, быстро добежал до автомобиля, запаркованного метрах в пятистах от дома, уселся за руль. Заметил, что рукав пиджака вымазан в штукатурке, достал из-под сиденья щеточку с мельхиоровой ручкой и тщательно очистил пиджак, а заодно и брюки, приобретенные во франкфуртском филиале английского магазина Остин Рид. Он посмотрел в зеркальце и поправил галстук такой прозрачной голубизны, какая бывает у раннего утреннего неба, и не в какой-нибудь пошлой Германии, а далеко-далеко, где просторно и легко, и солнце выползает из-за укрытого дымкой горизонта, словно недовольное тем, что его разбудили, и плещет море у Николаева, куда он часто выезжал из родного Львова.

Включил мотор, и тут его вырвало прямо на переднее стекло. Все это произошло настолько неожиданно, что он сначала ничего не понял. Добрался до вокзала, оставил машину на стоянке и сел в электричку до аэропорта. Там ему снова стало плохо, пришлось выйти в тамбур. В памяти встали огромные, неимоверно расширенные от ужаса глаза Льва Ребета, и от этого сделалось еще тоскливее.

Утром Богдан уже сидел в самолете Франкфурт – Берлин, радио радостно докладывало о невероятной высоте полета, словно с нее гораздо приятнее падать, особенно когда за бортом минус пятьдесят по Цельсию, стюардесса с механичностью заводной куклы демонстрировала все прелести надутного жилета, а потом вывезла на тележке стопку свежих журналов и газет.

Он схватил самую толстую газету и помчался по страницам, задерживаясь на крупных заголовках и траурных объявлениях. И тут опять его прихватило, да еще прямо в газету – хорошо, что гул самолета заглушал. Брезгливый сосед, наверняка проклятый немец, нажал кнопку вызова и пересел на другое место, придав физиономии рассеянный вид. Вот они, немцы! Богдан Сташинский не любил их еще со времен оккупации Львова, правда, ничего особо дурного они ему не сделали.

Подлетела стюардесса, протянула пакет, побежала за нашатырным спиртом и еще какими-то снадобьями, которые совала ему прямо с руки, как малому ребенку, а он сидел, беспомощный, бледный и совершенно мокрый, тяжело дышал и слабо улыбался – не хотелось выглядеть совсем слабаком перед милой дамой. Она погладила его по руке, заботливо и очень профессионально, как и подобает хорошо вымуштрованным стюардессам, которые даже во сне видят только безупречный сервис. Исполнив свой долг, Инге Польш – так было написано на пластиковой карточке, приколотой к лацкану пиджака, – встала, оставив у него в ноздрях некий весенний аромат, блеснула улыбкой, исчезла, а Богдан закрыл глаза и подумал, что, в сущности, он никому не нужен: одинокая птица без гнезда, летучий голландец, бродяга.

Фрейлейн Польш высоко оценила качество костюма на заболевшем молодом человеке и весьма удивилась, когда увидела, что в Берлине прямо к трапу самолета подъехал «Фольксваген» и забрал пассажира – такое случалось лишь при прибытии очень важных персон...

Огромный, рыжий, жизнерадостный, как солнце, Петровский до боли сжал ему руку в машине:

– Поздравляю!

– Но в газетах ничего нет!

– Чего фрицам писать о разном дерьме? – успокоил он. – Эмигрантский листок уже сообщил сегодня, что пан Ребет внезапно умер от инфаркта при выходе из лифта в собственном доме. Они уже успели сделать вскрытие, но никаких следов! Тебя ждут в Москве! Чистая работа!

Но тут на Богдана поползли, надвинулись, словно локомотив, тоскливо-предсмертные, слезящиеся глаза Ребета, вдруг все поплыло, и он потерял сознание.

В Москве его направили в ведомственный госпиталь, выстроенный в добротном стиле сталинского классицизма.

– Ничего не понимаю, – бормотал бородатый профессор. – Анализы превосходные. Что за приступы рвоты?

Богдан пожал плечами, а профессор, уже легко подыхая от страха (еще со времен «дела врачей»), сформулировал вопрос гладко и пристойно, как и полагалось в столь богоугодном заведении.

– А может, была какая-нибудь внешняя причина? Вы не употребляли алкоголь? – он был деликатен, как врачи в рассказах Чехова, предупредительные и всегда страдавшие, если им прямо в руку совали деньги. – Впрочем, и невропатолог дал отличное заключение, – продолжал профессор вроде бы про себя...

Двери резко отворились, словно от удара сапога, и на пороге появился полковник Петровский, полный необузданной энергии и с горящими от ретивости глазами.

– Немедленно одевайся, тебя ждет сам председатель!

– Но у меня тут нет приличного костюма, – возразил Богдан. – Надо заехать домой и переодеться.

– Я тебе приказываю! – заорал Петровский голосом протодиакона. – Ты понимаешь, что нам будет за опоздание?!

– Я должен переодеться... – настаивал Богдан, упрямый от рождения и доводивший этим мать до слез.

Петровский зашелся от злости, даже его рыжая шевелюра встала торчком, глаза его метнули в Богдана громы и молнии, он подошел к телефону и осторожно, словно священнодействуя, набрал номер.

– Товарищ генерал, он в этот момент проходит рентген, мы опоздаем на полчаса.

В трубке прозвучало нечто матоподобное, увесистое, но выслушанное Петровским с должным почтением.

Поехали переодеваться.

Визит к председателю планировали использовать для выбивания ресурсов на расширение отдела «мокрых дел». Враги советской власти были, есть и будут, никуда они не переведутся, традиции и опыт у органов в этом трудном деле – дай бог каждой спецслужбе, убирали красиво и не совсем, убирали Савинкова, Рейли, Петлюру, вывозили из Парижа и пристреливали генералов Кутепова и Миллера, славно почистили еврейчиков-троцкистов в республиканской Испании и самому папаше Льву проломали голову ледорубом, агентуру подозрительную и некоторых своих сотрудников тоже отправили к праотцам, после войны пошуровали среди русских антисоветчиков, кое-кого выдернули, сейчас дошла очередь до националистов украинских, которых и раньше били, пора пришить, точнее, зашить эту «самостийную дирку».

На Лубянку подкатили к солидному председательскому подъезду, выходящему прямо на площадь Дзержинского, там стояла специально подобранная охрана, там лифт пахнул одеколоном, дабы главу безопасности не раздражали запахи старательных подчиненных, там на этаже лежал не линолеум, как во всем здании, а толстые паласы, там сортиры сияли белизной и даже имели рулоны с туалетной бумагой, будто соревновались с «Националем» или «Метрополем», где жили злодеи-иностранцы.

В приемной уже ожидал генерал Густов, начальник отдела, ведавшего мокрыми делами, он вопросительно и даже с некоторым страхом поглядывал на величественного помощника председателя, тот осторожно, словно входя к тяжелобольному, открыл дверь, на цыпочках вошел в кабинет, вернулся и мягко промолвил: «Заходите!» И они двинулись все втроем: впереди приосанившийся генерал Густов, худой верзила, известный в прошлом борец общества «Динамо», за ним – виновник торжества, успевший переодеться дома в костюм от Остин Рида, не в тот, облеваный, а в другой, тоже мышинного цвета. Выглядел он намного моложе своих двадцати шести, совсем школьник, и Петровский опасался, что это вызовет удивление большого шефа.

Председатель Шелепин, известный в узких кругах как «железный Шурик», эрудит на тусклом фоне своих малограмотных коллег из ЦК (все-таки окончил Институт философии и литературы, знаменитый ИФЛИ, откуда вышла целая плеяда советских писателей), сановно поднялся из-за стола. Слыл он демократом, хотя был жесток и надменен, невыразительное лицо, волосы, словно каракулевая шапка, бесцветный взгляд.

Руки пожимал значительно и смотрел прямо в глаза, зная хорошо, что это производит впечатление прямоты и проницательности. Затем взял с письменного стола маленькую коробочку, раскрыл ее, вынул оттуда орден Красного Знамени на планке, сдвинул брови (все уже боялись даже дышать) и торжественно приколол его прямо к лацкану остинридовского пиджака – у Богдана на миг мелькнула мысль, что такую дырку не заштопать, пиджак погиб.

– Поздравляю вас, товарищ Сташинский! Вы сделали большое дело для нашей родины и для нашей партии!

– Служу Советскому Союзу! – ответил Богдан, как учили.

Пока Густов и Петровский присоединялись к поздравлениям, Шелепин возвратился к себе на трон, привычно пошелестел бумагами и царственным жестом указал всем на стулья, стоявшие у длинного совещательного стола, перпендикуляром упиравшегося в массивный хозяйский.

– Коммунисты, как известно, не успокаиваются на достигнутом и не упиваются победами, – мягко начал председатель. – Еще много существует мерзавцев и за границей, и здесь, которые спят и видят гибель советской власти. Но есть один самый большой мерзавец из мерзавцев, который погубил тысячи наших людей... – тут председатель сделал небольшую паузу, чтобы все прочувствовали драматизм фразы, он умел обращаться с аудиторией и всегда, когда выступал на важных форумах, собирал самые бурные аплодисменты. – Имя его вам хорошо известно: это Степан Бандера. Ему вынесен приговор советского суда. Остальное вы продумаете сами, на то вы и профессионалы...

Проводив подчиненных до двери (!), Шелепин позвонил Хрущеву:

– Никита Сергеевич, только сейчас принимал нашего героя, специалиста по националистам. Как договорились, поставил задание по Бандере.

Украинец Хрущев, немало сделавший для превращения Украины в колхозную житницу страны (сколько на этом потеряли голов, никто не считал, да и зачем?), лично организовывал борьбу с бандеровцами после войны и не раз получал от Сталина крупные втыки за неэффективность. Бандеровское движение на Западной Украине ушло в леса и катакомбы, националисты получали поддержку от некоторых селян и беспощадно изничтожали советских районных и прочих начальников. Дело дошло до того, что прямо около рыночной площади боевик националистов застрелил униатского священника Костельника, чуть позже на квартире зарубили топором яростного борца против украинской самостийности писателя Ярослава Галана. Только к началу пятидесятых годов все бандеровское движение было беспощадно выкурено из сельской местности: войска вместе с танками прочесали всю Западную Украину.

Чекисты, взволнованные приемом у председателя, прошествовали в другой конец здания, где обитал генерал Густов. Хозяин кабинета достал из холодильника бутылку водки и два больших блюда с разнообразными бутербродами, лично открыл и разлил.

– За успех!

Гост был незамысловат, шеф террористического отдела умом не блистал, но любил читать стихи и кое-что знал наизусть. А вообще отличался немногословностью – лучшим качеством бойца невидимого фронта.

Петровский и Богдан вскочили (первый при этом чуть не опрокинул стол), засияли, резво чокнулись и выпили до дна.

– Степан Бандера, – говорил генерал, – это не просто враг, это чудовище, это изувер. Во время войны бандеровцы нас не щадили, верно служили рейху и гестапо в обмен на посулы получить свою самостийну Украину. Я впервые столкнулся с ними уже после войны в Ужгороде, когда служил в контрразведке Прикарпатского военного округа. Злее мерзавцев я не встречал, хотя к тому времени мы уже загнали их в подполье, в глухие деревни и в горы. Однажды я выехал в командировку в один городок, забыл название, черт, ну не городок, а большая деревня, короче, пошел в сортир во дворе, деревянная такая, недавно построенная будка, сел там как полагается орлом, и вдруг... доски подо мной скрипят – и лечу прямо в дерьмо! Подпилили, гады, совершили маленькую диверсию. Чуть не утонул, хорошо, что рост у меня приличный...

Густов налил еще по одной, смачно выпил, кривясь, словно только что выполз из подстроенной западни, и заключил:

– Так что вы должны понимать всю ответственность предстоящего задания.

Оставив Петровского у себя, генерал отпустил Богдана домой: у начальства свои, более тонкие, более секретные дела, к тому же Богдан, как ни странно, не состоял в кадрах КГБ, а

числился специальным агентом, а статус таил в себе неуловимые нюансы. Львовский Смерш завербовал Богдана еще в студенческие годы, причем на мякине: бедный студент часто ездил «зайцем», за что и поплатился. Прекрасно знал и польский, и немецкий, был находчив и решителен, потому им и заинтересовались, стали выращивать боевика, идейно выдержанного и морально устойчивого. На следующий день Богдан и Петровский вылетели на военном самолете в Восточный Берлин, оттуда их подвезли к двухэтажному особняку на самой окраине города.

– Вот здесь ты будешь жить, – сказал Петровский. – Вот новые документы: Казимир Бубка, поляк, ранее проживал в Лондоне, отец служил в армии генерала Андерса. По профессии – коммерсант самого широкого профиля.

Дверь отворила экономка, мрачная старая карга, чем-то напоминавшая Гиммлера, она проводила обоих на второй этаж, где находились покои Богдана.

– Отдыхай, не забывай делать зарядку, ходи в кино, в театр. Видеться будем с тобой каждый день на стрельбище. Тем временем резидентура соберет информацию о режиме дня Бандеры. В рестораны ходить не надо, там много случайной публики, вообще лишних контактов остерегайся...

После этих напутствий Петровский удалился, а Богдан разобрал чемодан с вещами и выглянул в окно. Улица была пустынная, в ухоженном садике зеленела трава, подстриженная, очевидно, старательным Гиммлером, по деревьям весело прыгали и чирикали воробьи.

Переодевшись в новый костюм (на этот раз в яркую клетку), тщательно выбрив щеки и обдав себя истинно кельнской водой, он вышел из особняка и через полчаса уже находился в центре Берлина, тогда еще не разделенного стеной, народу толпилось тьма, особенно молодежи, слонявшейся у витрин.

И вдруг увидел знакомое лицо, мелькнувшее и исчезнувшее за углом, не поленился завернуть за угол и увидел узкую спину фрейлейн Поль. Некоторое время, словно опытный филер, шел за нею: в душе боролись заветы Петровского и здоровые инстинкты.

– Вы меня не узнаете?

Она растерялась и пожала плечами:

– Нет...

– Мы летели вместе из Франкфурта... мне тогда еще стало плохо...

– Да-да, конечно, я помню... Ну и как вы сейчас? Лучше?

– Все в порядке. Может, куда-нибудь зайдем? Меня зовут Казимир Бубка. – Он расплылся в улыбку и слегка поклонился.

– Откуда у вас такой хороший немецкий?

– Это долгая история. Так, может быть, пойдём в кино?

Такой вариант вполне устраивал, ибо не нарушал устрашающих инструкций Петровского по поводу ресторанов, переполненных иностранцами и шпионами.

Завернули в кинотеатр и попали на шедевр соцреализма о передовике колхоза, которому мешает хозяйствовать председатель и буквально преследует передовика за то, что он, отец пятерых детей, по уши и совершенно безответственно влюбился в сельскую учительницу, милую интеллигентку, приехавшую из города, дабы сеять разумное, доброе, вечное. Фильм шел с субтитрами, Богдан с интересом смотрел картину, даже рот приоткрыл от удовольствия.

Инге откровенно скучала.

– Может, выйдем на улицу? У меня страшно заболела голова, – попросила она.

Богдан не стал спорить, хотя ему страшно хотелось узнать, добьет ли председатель передовика или же восторжествует истина, естественно, с помощью секретаря партийной организации, который всей своей мимикой давал понять, что поддерживает передовика, конечно, при условии, что он честно разрешит свой семейный конфликт.

– Вам не понравился фильм? – спросил он на улице.

– Полная чушь!

– Это потому, что вы не знаете русского языка.

– Возможно. А где вы изучали русский?

– Отец прекрасно говорил по-русски, и вообще для поляка этот язык – не проблема.

– Вы коммунист? – когда она задавала вопросы, бровь ее иронически изгибалась.

– Меня политика не интересует, я предпочитаю бизнес...

Красива до чертиков, подумал он, и пахнет лавром – запахи заслоняли у него все, с запаха он составлял свое мнение, словно собака.

Шли по улице, иногда он брал ее за руку и гладил запястье, кожа была тонкой и беззащитной.

– У вас костюм – как у английского джентльмена...

О, этот клетчатый костюм, он так им гордился! Но что делать дальше? Пригласить в особняк с Гиммлером? Исключено. В отель? Невозможно.

Свернули в переулок, уставленный домами из красного кирпича, остановилась у подъезда, вот и финал.

– Пока! – и шмыгнула в свою нору, оставив замешкавшегося любовника наедине со своими грезами.

Он рванулся было за нею, но замок брамы щелкнул, и вдали застучали каблучки...

Петровский появился ровно в девять, огромная домна, пышущая огненным здоровьем, великолепно рыжий и намазанный тошнотворным «Кармен».

– Как провел вечер? – бросил дежурно, словно ему это совершенно было до фени.

– Немного проветрился в центре.

Правда, Петровский был уже прекрасно осведомлен обо всех передвижениях Богдана, за которым сразу же пустили три бригады наружного наблюдения, аккуратно фиксировавшие каждый шаг. Уже в архивы восточногерманской контрразведки была запущена бумага с просьбой установить личность дамы, далее следовали приблизительные описания.

Конечно, Петровский отметил про себя момент умолчания в легко брошенном «проветрился», однако он был многоопытен, циничен и разумен: весь мир врет или чего-то недоговаривает, человек по своей природе порочен, это касается даже самых надежных сотрудников разведки, и важно, чтобы плюсы перевешивали минусы...

– Вот фотография Бандеры. – Богдан увидел волевое лицо и массивный лысоватый череп (опять лысый!). – Через несколько дней он будет присутствовать на годовщине смерти полковника Коновальца, основателя движения. Его мы кокнули в Роттердаме перед войной, наш парень преподнес ему коробочку конфет, которая разнесла не только полковника, но и весь квартал. Вылетишь в Мюнхен, потолкаешься там среди самостийников. Будь осторожен: у Бандеры мощная служба безопасности – безпека. Посмотри, как двигается этот подонок, как жестикулирует, как поворачивает голову, короче, изучи свою мишень, полюби ее, в конце концов! – он хохотнул. – Ты же своего рода художник, который любит свою картину... Старайся не попадаться ему на глаза, не дай бог, он тебя запомнит.

В Мюнхене на него напала тоска, совершенно черная меланхолия. Как обычно, в башку лезла разная чепуха: муравьи, ползущие по его собственному телу, изогнутая бровь Инге, вдруг отделившаяся от лица и улетевшая в небо, надпись черным углем на подмосковном доме недалеко от стрельбища: «Весь мир – дерьмо, все бабы – шлюхи, а солнце – е...й фонарь».

На мюнхенском кладбище, где собрались человек сто националистов, налетела нервозность, и казалось, что все знают о его намерении убить Бандеру, и смотрят, и вот-вот укажут пальцем, и сам Степан Бандера, мрачный и торжественный, казалось, только и норовит высмотреть Богдана в толпе, впериться тяжелым взглядом ему в лоб и заорать оглушительным басом: «Взять его!»

Бандера говорил медленно, не дергался и не размахивал руками – это радовало: голова легко войдет, и остановится в прицеле, и сядет на мушку, а потом с нее свалится. Это не дерганый, никогда не стоявший на одном месте Лев Ребет, царство ему небесное!

Что смогут сделать телохранители? Заслонить? Не успеют, все будет сделано неожиданно и мгновенно. И смерть будет мгновенной. Как и жизнь.

В тот же вечер Сташинский вылетел в Берлин, прибыл поздно, неожиданно для самого себя купил букет махровых роз, хотел сменить костюм в клетку на костюм в полоску, но решил не терять время: взял такси, добрался до дома Инге, изучил список жильцов на доске с кнопками, подождал, пока кто-то не открыл подъезд, и решительно поднялся по лестнице.

Удивленная фрейлейн (на сей раз изогнутыми оказались обе брови) в длинном махровом халате осторожно открыла дверь.

– Вы? – Бровь выпрямилась, но тут же изогнулась опять. – Что-нибудь случилось? – Впрочем, вопросы звучали лицемерно, ибо букет роскошных роз говорил сам за себя. – Извините, я уже собралась спать...

Попыталась захлопнуть дверь, но Богдан с неожиданной проворностью сунул ногу в щель, протиснулся в прихожую и с ходу заключил ее в объятия. Уперлась сжатыми кулачками ему в грудь, пытаюсь освободиться, розы мешали ему и кололись.

– Нахал! Кто тебя сюда звал?!

Он глупо затоптался на месте, не зная, куда деть цветы, все выглядело безумно нелепо.

– А ты так умеешь?

И Сташинский начал шевелить ушами – искусство, дарованное ему природой и успешно развитое во время детских дворовых игр, – это было так неожиданно и выглядело так смешно, что Инге расхохоталась и сменила гнев на милость.

– Заходите, если уж так случилось. Садитесь, я сейчас поставлю чай...

Переделалась в красивое платье в пандан джентльменскому костюму своего кавалера, подала чай с кексом, достала бутылку мозельвейн, включила музыку.

На фокстроте они совсем расслабились и били ногами по паркету, как стреноженные кони. И конечно же, Богдан потешал ее своими мобильными ушами.

Он проснулся рано утром и, как в сентиментальных романах, разбудил ее поцелуем.

– Ты что так рано? С ума сойти!

– Теперь ты будешь просыпаться в это время до конца жизни, – сказал он искренне.

– Спасибо, что осчастливил... Куда же это ты помчался, как заяц?

– Важные дела. Извини! – Он быстро оделся и отправился на виллу, управляемую женским близнецом Гиммлера.

Утро Петровский целиком посвятил беседе с Головановым, ведавшим сыском, установками и прочими техническими, но чрезвычайно важными в деле разведки сферами.

Всю жизнь Голованов проработал в московской «семерке», охотясь за шпионами и антисоветчиками, постоянная беготня без перерывов на обед или ужин напрочь испортила ему желудок (уже два раза оперировали язву) и сделала физиономию худой и язвительно-желчной, словно у записного сатирика.

– Инге Поль, – докладывал Голованов, – работает стюардессой в авиакомпании, иногда вылетает за границу. На работе характеризуется положительно: исполнительна, аккуратна, внимательна к пассажирам. Замужем не была, ведет довольно замкнутую жизнь, ее контакты сейчас устанавливаются с помощью немецких друзей.

– А какова ее политическая физиономия? Коммунистка? Общественница?

– По нашим данным, весьма аполитична и нейтральна. Не член партии, даже не была в ихнем комсомоле. В общественных мероприятиях участвует, но, как сообщают источники, без души. – Голованов скривил такую кислую физиономию, будто у него разрывалось сердце от общественной пассивности Инге.

– Фото имеется?

Голованов молча положил перед Петровским фотографию, и тот начал ее рассматривать так внимательно, словно ему попался в руки любимый «Плейбой».

– Ничего особенного, баба как баба. И что он к ней повадился?

– Любовь – это загадочное королевство, – важно заметил Голованов, который много читал и считал себя интеллектуалом. – Любовь и голод правят миром, – добавил он и рассказал страшную историю о том, как искали одного преступника, наконец, по его, Голованова, совету додумались поставить пост у квартиры его дамы сердца. Контролировали целый месяц, не спали ночами, словно выжидая зверя, и в итоге он вошел в капкан, не выдержало либидо.

– Да хрен с ней, с любовью! – махнул рукой Петровский. – Парень он молодой, пусть себе кобелит. Беда в том, что он об этом не доложил!

– Да, это плохо, – согласился Голованов. – В нашем деле биография должна быть чистой, скрывать от начальства нельзя. Сначала скрывают по мелочи, потом по-крупному, а дальше уже и преступлением может запахнуть.

– Пока что наружку не снимайте, собирайте о ней дополнительные данные, кроме того, попросите немецких друзей отстранить ее от заграничных поездок. На всякий случай. Кашу маслом не испортишь.

– Будет сделано.

Голованов встал и покинул кабинет, а Петровский поехал на стрельбище, где его уже ожидал пунктуальный Сташинский. Стреляли и по движущейся мишени, и по тарелочкам, и из разных поз, и из автомобиля. Богдан формы не потерял, наоборот, бил точно в яблочко, уверенно и весело, как и подобает настоящему боевику и спортсмену, несанкционированная ночь с немкой на точность попадания не повлияла.

Отстрелявшись, набросили брезентовые куртки, надели резиновые охотничьи сапоги и с двумя овчарками двинулись погулять по лесу. Деревья тревожно гудели под порывами ветра, солнце слабо пробивалось сквозь сосновые ветки, тут же уходя в сырь, резвились белки, сновали тут и там, весело помахивая пушистыми хвостиками, забирались на верхушки, прыгали и перепрыгивали, вертели мордочками, словно подглядывали и подслушивали.

– Больше всего меня беспокоит охрана, – говорил Богдан. – Заслоняют ли они его сразу же после выхода из машины? Доводят ли до двери?

– Только вчера мы получили из резидентуры описание местожительства Бандеры, по их данным, он часто приезжает домой без всякой охраны. Надо лично посмотреть, как выглядит все на месте.

Богдан улыбался, глядел на солнце, продиравшееся сквозь деревья, согласно кивал и думал, что неплохо было бы поймать одну такую белку и подарить Инге.

– В Берлине тут неплохие девочки, правда? Я вчера с одной неплохо провел вечер... – провоцировал на откровенность Петровский и блаженно улыбался.

– И все-таки мне до конца неясно: каким образом я буду убирать Бандеру?

– Скорее всего, так же как и Ребета.

Затошнило. Нет, он не пойдет в подъезд, он задохнется там, он потеряет сознание.

– Лучше стрелять. В подъезде бегают люди.

Богдан вынул из кармана миниатюрный «браунинг» и произвел три выстрела по деревьям. Три белки камнем пали на траву и замерли, дрыгая лапками, одну он поднял и положил в рюкзачок.

– В твоих способностях я не сомневаюсь.

Ничего не рассказал об Инге, думал Петровский, ни слова не сказал, сукин сын, за это ведь можно в двадцать четыре часа выставить в Москву, а оттуда и еще подальше, в какой-нибудь Конотоп, в местное управление. Там и в глаза не видели иностранцев, но зато усердно против них работают, захлебываясь от счастья в водке. С другой стороны, не такой уж это

и великий грех, сам год назад по пьянке переспал с одной немкой, большой мастерицей по этому делу, тряся потом целый год, все боялся, что кто-нибудь стукнет, но пронесло, отделался гонореей. И все же, и все же...

– Как твои личные дела? – теперь уже прямо и серьезно.

– Да никак!

– Говорят, что ты дома не всегда ночуешь...

– Гиммлер не дремлет, – улыбнулся Богдан. – Есть одна женщина, довольно приятная...

– Как ее зовут?

– Инге Польш. – И Сташинский рассказал все без утайки.

– Черт! Была бы украинка или русская...

Богдан промолчал, его самого тяготило, что влюбился в немку, хотя... коллеги говорили об интернационализме, что же тогда плохого в немцах? Даже среди евреев попадались приличные люди, он до сих пор с теплом вспоминал своего друга-портного, уехавшего из Львова в Израиль.

– Ладно, парень ты молодой, без бабы тебе нельзя. Но напиши о ней справку, особенно об обстоятельствах знакомства.

Богдана это не шокировало, в органах было принято сообщать не только о своих родственниках и друзьях (их список он составил много лет назад), но и о новоприобретенных связях.

– Она коммунистка? – проверял Петровский, на сей раз уже информацию Голованова.

– Она политикой не интересуется...

– Это тоже политика. Не вздумай раскрываться перед нею!

– Я же не полный идиот.

Если бы она была не немка, думал Петровский, если бы только она была не немка... Впрочем, в разведке работали немцы, кое-кого он знал лично, например Вилли Фишера – немца, сына коминтерновца, родившегося в Лондоне (не еврея ли?), во время войны обучавшего на Лубянке радиоделу партизан. Но это исключение из правил. Как бы из-за этого его кандидатуру не сняли, ищи потом другого боевика...

– Знаешь анекдот? О том, как немец подтирает задницу? Берет трамвайный билет, отрывает от него кусочек, продельывает в оставшейся части дырку, засовывает туда палец, вытирает им задницу, а потом палец. Оторванным кусочком чистит ногти.

Петровский призывно захохотал, колыхая своим мощным животом, Богдан слабо улыбнулся, ему стало обидно за немцев, которые таким причудливым способом вытирали свои задницы.

От Петровского не укрылась дымка замешательства на лице у его подопечного, и он добавил:

– Конечно, я не обо всех немцах... ведь были Маркс, Энгельс... Роза Люксембург... Эти люди были совсем не жадные, а самоотверженные, преданные делу революции.

Богдан расстался с Петровским в превосходном настроении: все сошло с рук, никаких табу на встречи с Инге, а он-то ожидал если не скандала, то сурового порицания, и далеко не в форме того невинного анекдота, никак прямо не связанного с Инге, все-таки его шеф – превосходный мужик, и это надо ценить.

Теперь он уже не мыслил своей жизни без Инге, не существовало в мире девушек красивее и умнее ее.

Однажды пришла дурная весть.

– Меня отставили от заграничных полетов...

– Почему?

– Не знаю.

– Но так не бывает, должна быть причина!

– Не смей меня, Казимир! Где ты живешь? В Англии? В этой системе увольняют, если ты даже косо посмотрел на портрет Ленина...

Богдан любил образ вождя, простого как правда, решительного, как на картине, где он обращался к толпам с броневика, всегда чуткого к людям, особенно к крестьянам-ходакам.

Он хотел подарить ей убитую белку – ведь из шкурки, наверное, можно что-то сделать, – но передумал.

Они прошли в кафе, унылое настроение не помешало Инге съесть огромный, утопавший в жире айсбайн. В конце концов, все в этом мире временно, включая полеты за границу. Плохое всегда уравнивается хорошим, не исключено, что после этой неудачи она найдет на дороге бриллиантовое кольцо. Главное, что они здоровы и любят друг друга.

– Могу я задать тебе вопрос? Я об этом тебя никогда не спрашивала. Что это за «Фольксваген» приезжал за тобою, когда ты прилетел в Берлин? Машина к трапу – это привилегия больших шишек. Или полиции.

– Когда это было? – он выигрывал время, мучительно придумывая вразумительный ответ.

– Не делай вид, что забыл. У тебя все написано на физиономии. Разве ты не помнишь, когда тебя выворачивало?

– Этого я тебе не могу сказать. – Богдану не хотелось врать.

Расплатились, молча пришли к ней на квартиру.

– Тогда еще один вопрос. – Инге не унималась. – Ты знаешь, что частенько говоришь во сне?

Эта была новость, не отраженная даже в его служебных характеристиках. Неужели он говорит во сне? Сны ему только снились, но там он помалкивал и больше наблюдал. Случались и сны-праздники: карнавальный вечер во львовском Политехническом, где у него во время танца лопнула бечевка в шароварах запорожского казака. Или сны-фантазии: совсем недавно он попал под проливной дождь, в котором каждая капля была мертвой белкой...

– Что же я говорил?

– Ты говорил по-русски, иногда по-украински... Зачем ты притворяешься поляком?

– Ты меня удивляешь, Инге! Ну какой поляк не говорит на этих языках? Мой отец воспитывался в Российской империи.

– Во сне люди говорят на своем языке.

– Ты просто сегодня в плохом настроении.

Он возмутился, оделся и вышел, хлопнув дверью так громко, что посыпалась штукатурка, успев на прощание бросить уж совершенно абсурдное:

– Ты шпионишь за мною! Шпионишь!

На улице, возмущенный и разгоряченный, он попал под ливень (белки, к счастью, не сыпались), пыл его постепенно остывал, на сердце стало горько, он заскочил в гостиницу, выпил рюмку, затем другую, взял целую бутылку, удивив официанта, пить не умел и знал это, однажды во Львове еще студентом после попойки ухватил на улице Коперника толстую тетку, подбросил ее вверх и поймал. Дело закончилось в милиции.

Еле выбрался из гостиницы, качало, как на корабле во время страшного шторма, шарахались прохожие, уступая дорогу, долго ловил такси, прыгая на проезжей части, наконец какой-то добряк водитель смиловился, и вскоре он предстал перед Инге, растерзанный, с заплаканными глазами.

– Ильза, меня зовут Богдан Сташинский, я вовсе не поляк, я украинец и гражданин СССР.

Хватило ума не рассказать всего.

– Где ты работаешь?

– Я не хочу тебя обманывать, Инге, это государственная тайна, но обязательно расскажу тебе об этом.

– Когда?

– Когда ты станешь моей женою...

Она промолчала, и это придало ему силы.

– Я люблю тебя, я не могу жить без тебя, – лепетал боевик, стоя на коленях и целуя ей ноги.

Она погладила его по голове, это был знак прощения.

Он улыбнулся и в ответ пошевелил ушами, он любил ее, как любит пес свою госпожу.

Тем временем дело Сташинского всерьез исследовалось в кабинете генерала Густова на Лубянке.

Петровский внимательно следил за выражением лица своего шефа, листавшего дело Инге Поль, добытое у немецких друзей.

– Неужели этот дурак хочет жениться?

– Он совсем спятил, я просто не знаю, что с ним делать. Либо отзывать и ставить на нем крест, либо заставить ее порвать с ним, вплоть до угрозы выселения ее из Берлина.

– Но это уже слишком. К тому же нет гарантии успеха, любовь ведь, как известно, зла... Как бы мы не погубили все дело, – сказал Густов, думая о том, что, пожалуй, ему пора начать курить трубку, к черту «Беломор», купить трубку и набивать ее табаком папирос «Герцеговина флор», разламывая папиросину за папиросиной, как покойный Иосиф Виссарионович.

– Но он раскрылся, оправдан ли такой риск? – настаивал Петровский, радуясь про себя мнению шефа, но в то же время страхуясь на случай негативного поворота всего дела.

– Вообще должен вам сказать, боевики – люди необычные и часто непредсказуемые. Не всякому дано убить человека. Все это нужно понимать. Кстати, что вы имеете против этой немки? Она неблагонадежна?

– Этого я не говорил. Беда лишь в том, что она немка, у нас же нет случаев таких браков.

– Из любого правила есть исключения. Кстати, у заместителя Дзержинского Петерса жена была англичанкой.

Густов насчет Дзержинского имел особое мнение, генерал в свое время работал в архивах, куда допускались лишь одиночки, и вычитал, что Дзержинский – наполовину еврей, наполовину поляк, любитель красивой жизни и заграничных курортов. Он раскопал меню, предписанное Железному Феликсу врачами (он был мнителен и постоянно лечился): совсем не черный хлеб и водица, как рассказывалось в советских учебниках, а супы из спаржи, телячьи котлетки, стерлядка паровая, цыпленок маренго, похлебка боярская. Густов не выносил евреев, заполонивших ЧК-ОГПУ, и почитал только латыша Петерса.

– Но тогда были совсем другие времена, – возразил Петровский. – Тогда вообще в разведке служили одни евреи и латыши... – он осекся, вспомнив, что Густов ведет свою родословную с Северного Кавказа, национальности его Петровский точно не знал, хотя ходили слухи о ратных подвигах – депортациях чеченцев и ингушей, совершенных генералом вместе с недавним шефом всей службы Иваном Серовым, возможно, и сам он был чеченцем, а может, и евреем, от которых органы еще не очистились.

– Давайте будем реалистами, – продолжал рассуждать генерал. – Разве плохо нам иметь боевика-нелегала, женатого на немке? Чудная легенда, легко осесть в любой стране. Вы верите Сташинскому?

– Верю, насколько может верить чекист. Главное, что уже закреплен на боевом деле...

– Да... Как писал поэт, «дело прочно, когда под ним струится кровь». – Густов подивился своей памяти, вытянувшей неожиданно строчки из «Алеко», все-таки не зря работал над собой. – И в воспитательных целях им надо организовать медовый месяц в Советском Союзе. По классу «люкс».

Густов пожал Петровскому через стол руку и, оставшись один, залез в ящик и достал блокнот. В свободное, а иногда и в не свободное от тяжких и ответственных трудов время

генерал писал стихи, причем проникновенно лирические, и история Сташинского живо родила в его утонченной голове идею конфликта между долгом и любовью. Набросал несколько строк, получалось плохо. Чтобы зажечься, достал «Балладу Редингской тюрьмы» Оскара Уайльда, недавно взятую в служебной библиотеке, составленной из книг арестованных.

Не в красном был Он в этот час,
Он кровью залит был,
Да, красной кровью и вином
Он руки обагрил,
Когда любимую свою
В постели Он убил.

Здорово написано, хотя автор – педераст.

Самому писать расхотелось...

Богдан любил Мюнхен, хотя и считал, что баварцы слишком горласты и агрессивны, он быстро установил по фотографии дом, в котором проживал Степан Бандера, – место ему не понравилось: слишком людное, слишком бойкое, правда, в случае чего весьма просто скрыться в толпе. Много учреждений в доме напротив, сплошные фирмы и фирмы, рядом стройка, уже возведены три этажа.

Сначала боевик решил осмотреть сам дом изнутри, открыл подъезд собственным ключом (его специально изготовили для операции), доехал на лифте до третьего этажа и поднялся пешком до этажа шестого, где проживал вождь националистов, скрывшись под фамилией «Бровка», сиявшей на медной пластинке над щелью для почты.

Богдан прикинул, откуда удобнее прыснуть газом (неужели опять ждать недалеко от двери?), но вдруг ему почудились налитые ужасом глаза Ребета, и его затошнило.

Проклятие! Нет, надо стрелять!

Злясь на самого себя, он выскочил на улицу, вытер платком выступивший на лбу холодный пот, перебежал на противоположную сторону и занял место в кафе, откуда хорошо просматривался подъезд бандеровского дома.

Заказал содовой, тошнота постепенно улетучилась, зато фантазия проделывала фортели: то он видел, как Бандера медленно, чуть-чуть покачиваясь, шел к подъезду, выстрел – и голова взрывалась, словно бомба, и осколки летели вокруг, снова выстрел – и из тела Бандеры бил в небо кровавый фонтан...

Боевик расплатился с официантом и перешел в дом с фирмами. Обзор с третьего этажа оставлял желать лучшего, повсюду сновали люди, из двери вдруг вышел расплывчатый толстяк, улыбчиво осведомился:

– Вы кого-нибудь ищите?

– Где тут фирма «Диор»? (Между прочим, любимые духи Инге.)

– «Диор»? Работаю здесь двадцать лет и никогда не слышал... – он с подозрением оглядел незнакомца.

– Значит, мне дали не тот адрес, – вздохнул Богдан и нарочито медленно (не давать же деру из-за подозрительного идиота? Тогда он вообще спятит и позвонит в полицию!) пошел вниз по лестнице, уходил без всякого сожаления, ибо и обзор был плох, и людишки вокруг, судя по толстяку, достаточно гнусные.

Стройка его заинтересовала, рабочих уже не было, место же для стрельбы было просто идеальным: второй этаж, рядом с грудой кирпичей и не надо возиться с окном, стекло, естественно, никто не вставлял, настоящая бойница, специально созданная для стрельбы.

Он уже твердо решил под любым предлогом уклониться от проведения «экса» в подъезде, а провести его именно на этой социалистической стройке, прилег, мысленно взял в руки

винтовку, прицелился – бах! – Бандера, маша руками, словно ангел крыльями, легко и изящно взвился в небо.

Хмыкнул от удовольствия, отряхнулся и вышел на улицу, ангельский вид Бандеры настраивал на благодушный лад, и самое главное: не было проклятой мути в груди...

Наставник встретил свое детище прямо в аэропорту и угостил в баре «редебергером», Богдан настроился на детальный отчет о командировке, но шеф только замахал руками:

– Сегодня я тебя трогать не буду, поезжай-ка, браток, к своей Инге. Кстати, когда вы собираетесь расписаться?

Сама доброта, само благоразумие, слава богу, что в системе работают трезвомыслящие люди, а не дундуки, портящие кровь!

– Мы пока еще не решили... – сердце Богдана наполнилось жаром благодарности, значит, ему дали зеленый свет.

На следующее утро Богдан докладывал все варианты «экса», вычертив мелом план улицы и дома на школьной доске, взятой в трофей и наконец нашедшей достойное применение.

– Почему тебе не нравится вариант прямо в подъезде? – допытывался Петровский.

– Там бродит народ... Да и вообще любой посторонний на площадке вызывает подозрение!

– Но в прошлый раз все прошло блестяще! – настаивал Петровский. – Струя почти в упор, стопроцентная гарантия!

– Я еле выбрался из подъезда, видимо, тоже хлебнул газа... И вообще, лучше не пытаться войти в одну реку два раза, – упорствовал Сташинский.

– Такого не может быть, ты же принял специальную превентивную таблетку.

– Как будто вы не знаете этим таблеткам цену!

Яды и прочие химикалии часто подводили, хотя их готовил цвет советской науки. У каждого подопытного кролика свое психическое состояние, некоторых и банкой таблеток не собьешь, а иные и от одного запаха валятся как подкошенные.

Надо стрелять.

– На стройке совершенно спокойно, нет ни души, удобная опора для стрельбы. Идеальный вариант.

– Допустим... – медленно уступал Петровский. – А отход там удобный?

Отход был прост и безупречен: иди в любую сторону, это не душный подъезд с людьми, черт побери! И у лифта могут скопиться, и у двери стоять, и по лестнице бегать...

– Значит, не баллон... Что ты предлагаешь?

– Разборную снайперскую винтовку, потом я ее выброшу, недалеко пруд.

Остановились на немецкой модели, сразу же возникла проблема транспортировки – не тащить же такую дуру, даже разобранный, через границу! Решили, что винтовку с глушителем заложит в тайник надежный агент в Мюнхене.

Еще раз прошлись по режиму дня Бандеры и выбрали для «экса» пятницу: в этот день объект возвращался домой в 6–6.30, отклонения случались крайне редко.

Итак, бесшумный выстрел, объект поражен. А дальше?

Богдан не мыслил всей операции без помощника, циркулировавшего в районе операции на машине, Петровского такой вариант не устраивал: зачем расширять круг участников операции? Разве не известно, что чем больше людей, тем больше риск?

– Но в прошлый раз ты работал без напарника! – гнул свою линию шеф.

– С напарником надежнее. Он ожидает с включенным мотором, и никаких проблем! (И не кружится голова за рулем, и не тошнит – но об этом он промолчал.)

– Может, к тебе целую резидентуру подключить? Никаких напарников! И больше эту тему не поднимаем, хватит!

Петровский побарабанил пальцами по столу, чуть выждал, пока пена спора сама собой не осела, и порадовал приятной новостью: руководство решило отправить его вместе с Инге на Кавказ. Отдохнуть на лучшем курорте. По фальшивым документам. При полной конспирации со стороны Инге (родителям и знакомым – ни слова).

– Медовый месяц! – заключил свою речь Петровский.

На следующий день Сташинский привел на конспиративную квартиру свою будущую половину и оставил наедине с Петровским для конфиденциальной беседы – мужьям присутствовать не полагалось. Инге держалась вежливо и напряженно, что не укрылось от Петровского, впрочем, все это было легко объяснимо.

– Что ж, давайте познакомимся поближе... – Петровский пустил в ход все свое обаяние, словно само солнце излучало свет из-за стола. – Я очень рад, что у вас будет семья. Однако есть один деликатный вопрос. Богдан связан с очень секретной организацией, которая борется с империалистическими силами. Мы помогаем немцам строить социализм, это не так просто. Вы меня понимаете?

– Я не такая глупая, хотя, честно говоря, очень слабо разбираюсь в политике.

– Что значит «слабо»? Вы читаете газеты?

– Иногда.

– Напрасно, там есть много интересного. А что вы вообще читаете? Анну Зегерс? Энциклопедия Бергера? Ходите ли вы в Берлинер ансамбль? Любите ли Брехта?

– Я предпочитаю классику... Шиллера, Гете, Томаса Манна.

Петровский, конечно, никого из упомянутых авторов и в руки не брал, однако он всегда тщательно готовился к встречам и прикидывал, каким образом поразить собеседника эрудицией. Это было нетрудно – достаточно поднять последние «Литературную газету» и «Иностранную литературу». Блеснув познаниями в области культуры, Петровский в расплывчатых тонах начал вещать о необходимости строжайшей конспирации, нарушение которой могло бы привести даже к смерти Богдана.

Она возненавидела его сразу и навсегда...

Медовый месяц сначала провели под Москвой, на пышной спецдаче, побывали в Горках, где жил Ильич, не забыли посетить и Оружейную палату, вечерами – Большой, где Богдан, далекий от театра, дремал, приводя в негодование Инге.

Инге столица показалась разбросанной, неуютной и испоганенной новостройками.

– Пойдем в Мавзолей? – предложил он однажды.

– Я не люблю мертвецов...

– Но это же не мертвец, это же сам Ленин! – Богдан возмутился, услышав такой отзыв о великом вожде.

– Я устала, Богдан...

Она действительно устала, правда, не понимала отчего.

После Москвы – гостеприимный Кавказ, сановный коттедж недалеко от Сочи, назойливо-улыбчивая, тайно ненавидевшая прислуга, икра черная, икра красная, белуга, севрюга et cetera, экскурсии по живописным местам и по достижениям советской власти.

– Только после Октябрьской революции трудящиеся получили право не только на труд, но и на отдых, – гордо говорил гид, простирая руку в сторону помпезных статуй и фонтанов. – Каждый год сюда выезжают сотни тысяч простых людей.

И действительно, по Сочи бегали толпы, скучивались в длинные очереди у редких закусок и ресторанов, задевали друг друга локтями на пляжах.

Инге впервые в жизни увидела море – «придается все, лишь тебе не дано примелькаться!» – и полюбила его, часто брали лодку и уплывали подальше, там можно было спокойно говорить, не опасаясь подслушивания.

Отдыхали беззаботно, но однажды грянул конфликт.

– Поедем сегодня на винный завод? – предложил Богдан.

– Я устала от достижений социализма, милый...

Сказано было нежно, но затронуло идейную преданность.

– Но они действительно существуют! – загорячился Богдан. – У нас нет ни помещиков, ни капиталистов, у нас все равны... Конечно, мы живем беднее, чем вы или Запад, но это временно, мы все-таки много потеряли во время войны... Не все так просто, Инге, давай говорить начистоту: кто бежит в Западный Берлин? Идеалисты? Хорошие люди? Ничего подобного! Бегут подонки и жулье, бегут потому, что хотят делать деньги. Разве они думают о других? Разве это лучшая часть нации?

Он волновался и размахивал руками.

– Но все равно любая свобода лучше рабства. Хотя бы потому, что свободное общество можно критиковать и улучшать!

Удар в самое сердце. Он сам частенько об этом думал.

Поругались, затем помирились.

Москва – Берлин, там тренировки на стрельбище, проработка всех вариантов операции. Наконец час настал.

– Если что случится, Богдан, ты должен вести себя как мужчина, – напутствовал Петровский, сдвинув брови и пронзительно глядя в глаза своему подопечному.

Захват боевика с поличным исключался: на этот случай имелся перстень с ядом, штука полезная, даже сам шеф фашистской разведки Вальтер Шелленберг вставлял себе зуб с цианистым калием перед рискованной операцией.

– Все будет в порядке, мы всегда с тобой, Богдан. В случае чего мы позаботимся и об Инге, – успокоил его куратор и крепко обнял на прощание. – Ни пуха ни пера!

– К черту! – по традиции отозвался Сташинский.

В Мюнхен прибыл в полдень, нашел машину, специально арендованную для него агентом, сразу же вынул из тайника винтовку, в 5.30 вечера запарковался недалеко от стройки, быстро прошел к недостроенной стене, раскрыл атташе-кейс и собрал винтовку. Баллончик со смертельным газом прихватил с собой – мало ли что?

Все дышало покоем, вокруг ничего не изменилось, лишь дом увеличился на два этажа и исчезли кирпичи у бойницы.

Сбросил куртку, положил ее на пол и залег с винтовкой, чуть выставив ствол из окна. Мешали мухи и особенно волосатый шмель, круживший над головой, словно над бочкой меда, шмель гудел и мешал сосредоточиться, шмель ныл и ныл, проклятое надоедливое насекомое!

Бандера все не появлялся, хотя часы уже показывали 6.10, неужели именно в этот день он надумал пойти в кино или поразвлечься в ресторане с друзьями? Шмель ревел, как корова, Богдан попытался прибить его газетой, но тот ловко взмыл вверх и снова пошел на снижение, дразня боевика.

В разгар битвы со шмелем и подъехала машина, Бандера вышел и медленно пошел к подъезду, взять его на мушку не составляло никакого труда, палец мягко нажимал на курок... и тут раздался громкий визгливый лай!

Винтовка дернулась и глухо выпалила метра на три выше головы Бандеры, а он сам спокойно скрылся в подъезде.

Гнусная кривоногая такса, как она сюда попала?

– Молли! Где ты, миленькая? – послышался дребезжащий голос.

Сташинский метнулся в сторону, боясь попасться на глаза, Молли еще вяло полаяла и сбежала вниз к хозяйке.

Неожиданно послышались звуки сирены, но полиция проехала мимо. Он выскочил из укрытия, добрался до автомобиля, доехал до пруда и выбросил оружие, затем оставил машину, взял такси и поехал на аэродром. Трясло, словно он только что своими руками задушил чело-

века, боялся потерять сознание, голова горела, мутило, но, к счастью, не рвало. Что-то случилось, что-то лопнуло внутри...

Самолет прибыл в Берлин поздно ночью, Инге спала, он начал тихо раздеваться, но зацепился за стул.

Проснулась и зажгла свет.

– Богдан, что с тобой? Что с тобой?! – от ее крика у него сжалось сердце.

– Что такое?

– Ты белый как полотно.

Он взглянул в зеркало и увидел бледное до белизны лицо, синеватые губы, глаза, торчавшие, как прозрачные фонари.

– Что случилось, Богдан?

– Я не могу рассказать.

Она заплакала, это доконало его, он тоже заплакал, неумело, словно тихо смеясь, заплакал и рассказал ей все: и о том, что он профессиональный убийца, и о том, как он убил Ребета и до сих пор видит его страшные глаза, и о рвоте, и о выстреле в Бандеру, и даже о таксе и ее хозяйке, из-за которых он промазал по цели.

– Богдан, это ужасно! Надо что-то делать. Ты что? Хочешь гореть вечным пламенем в аду? Ты сойдешь с ума, и я сойду с ума тоже.

– Но что я могу сделать? Уже поздно.

– Нужно уехать, разорвать с ними.

– Куда? Куда?

– Как – куда? На Запад.

– Ты понимаешь, что говоришь? Меня там тут же посадят за решетку. А если не посадят, то наши найдут через несколько дней и прикончат, как собаку.

На следующий день Богдан связался с Петровским, ожидая страшного нагоняя, однако куратор спокойно выслушал его рассказ, сумев не показать своего недовольства, наоборот, дружески похлопал по плечу, ободрил, успокоил.

– Я же тебе говорил, что надежнее работать в подъезде... Уже есть положительный опыт, зачем мудрить?

– Не лежит у меня душа...

– Превозмоги, наступи на горло собственной песне, как учил Маяковский. И вообще душа – это понятие абстрактное, тем более в нашей профессии. Времени у нас в обрез, политбюро уже давно приняло решение об «эксе», если затянем – с нас снимут штаны.

Снова вылетел в Мюнхен...

В тот же день начальник сыска Голованов положил перед Петровским стопку документов.

– У меня времени нет на твои бумажки.

– Это записи беседы Сташинского с женою. Только что обработали...

Прочитал и охнул: криминал, причем неоспоримый. Все рассказать и о себе, и о своих «эксах» – это же грубое разглашение государственной тайны! И достанется за это прежде всего куратору и наставнику, прошляпившему потенциального предателя. Почему прошляпившего? Он ведь сам сигнализировал Густову об этой проклятущей немке, разве он не выступал резко против брака? М-да, но никаких бумаг на этот счет не осталось, состоялся лишь обмен мнениями с генералом, который, естественно, сразу же отречется от своих слов и все взвалит на своего подчиненного.

Потянулся к телефону «ВЧ», набрал московский телефон генерала и детально рассказал о прегрешениях боевика, предложив срочно его отозвать.

Однако Петровский не знал закулисья в большой политике. Когда дело стоит на контроле в политбюро, то отзывать главного персонажа похоже на порку самой себя унтер-офицерской вдовой.

Довести «экс» до логического конца. Если выгорит, поощрить исполнителя, а затем под благовидным предлогом отправить подальше в провинцию, возможно, даже на Украину.

– А эту дамочку возьмите на особый контроль. Регулярно докладывайте. На вас возлагается персональная ответственность, – заключил Густов...

Прибыв в Мюнхен, Сташинский заметался.

Что делать? Прямо прийти к западным немцам и американцам, отдать оружие со смертоносным газом и все рассказать? Поверят ли ему? Или решат, что провокатор? Что потом? Потом придется работать на врагов, имитировать неудачное покушение на Бандеру, вернуться в Берлин к Инге. А дальше? Дальше – готовить побег на Запад всей семьей. Но как? Вот-вот в городе построят стену, сделают за одну ночь, он сам читал секретный документ о необходимости оградить страну социализма от разрушительного воздействия западногерманских спекулянтов, скупающих дешевые вещи в ГДР, а затем перепродающих их на своем капиталистическом рынке. Опасно, рискованно.

Нет! Он не станет предателем, но и убивать Бандеру не будет: вернется в Берлин, доложит, что Бандера опоздал, а торчать и ждать его в подъезде было рискованно. Что дальше? Несомненно, задумают новый «экс» – ведь решение принято на самом верху. А что, если заручиться поддержкой самого Бандеры? Гениальная идея, однако как это сделать?

В 17.30 Сташинский уселся в кафе напротив дома Бандеры, заказал бокал рейнского, вино леденило зубы до боли.

Баллончик с газом мирно покоился в кармане, он думал об Инге и о том, как они счастливо переберутся в какой-нибудь американский городок, сменят фамилию и начнут новую жизнь. Смотрел на подъезд, потягивал винцо, думал о своем и очнулся, лишь увидев автомобиль. Дверца отворилась, оттуда медленно выполз сам хозяин, за ним – телохранители, все, дружески улыбаясь, распрощались, охрана уселась обратно, автомобиль газанул и укатил, а Бандера вошел в подъезд.

Время было упущено, Богдан вбежал в подъезд, помчался вверх по ступеням и неожиданно чуть не врезался в Бандеру, перебиравшего связку ключей у входа в квартиру.

– Господин Бандера... меня послали... убить вас! – Сташинский говорил нервно и протягивал своей жертве баллон.

И тут случилось ужасное: Бандера вдруг закричал истошным голосом и вырвал из кармана «вальтер». Все произошло в считанные доли секунды, черное дуло пистолета взметнулось вверх, на уровень глаз Богдана, и тому ничего не оставалось, как пустить газ. Мелкие частицы брызгами заплясали над верхней губой Бандеры, прямо у носа, Сташинский инстинктивно отпрянул подальше, а вождь националистов безмолвно рухнул наземь.

Ноги сами несли его куда-то в сторону, и совсем не к оставленной машине, он бежал и бежал, как загнанный зверь, бросив на ходу баллончик в пруд, он бежал и не мог передохнуть, он бежал, пока не почувствовал, что сейчас потеряет сознание и умрет.

Рухнул на газон в небольшом сквере, пролежал несколько минут, потом собрался с мыслями, привел себя в порядок, схватил на дороге такси и поехал на аэродром.

Берлин встретил его ярким солнцем, словно празднуя победу, Богдан еле-еле добрался до дома и упал в постель, не сказав Инге ни слова.

К вечеру превозмог себя и позвонил Петровскому, тот уже все знал: западногерманские газеты затрубили о гибели украинского вождя, причем, в отличие от случая с Ребетом, власти произвели вскрытие и обнаружили следы яда. Никто не сомневался, что произошло убийство, одни писали, что это дело рук КГБ, другие приписывали акцию западногерманской разведке, третьи видели причину во внутренних разборках в ОУН.

Снова Москва, высочайшие объятия, новый орден, блестящая карьера впереди.

Но Густов твердо решил расстроить опасный брак и не отпускал прославленного боевика в Берлин, где Инге ожидала ребенка.

– Тут тебе нужно много поработать, перед тобою открываются большие перспективы. Ты зачислен на курсы усовершенствования, я планирую передать тебе в подчинение несколько молодых ребят для подготовки по нашей линии.

Тем временем Инге разрешилась от бремени, родился маленький Конрад, но увидеть дитя счастливому отцу не разрешали: получена, мол, сверхсекретная информация об активном поиске националистами убийцы своего вождя, и среди прочих имен фигурирует Сташинский. Хитроумный тезис придумал лично Густов, в его голове роились и другие смелые идеи, достойные специалиста по депортации народов: тайно вывезти Инге с сыном в Сибирь и поселить под контролем органов, а все это дело приписать козням западногерманской разведки.

Вообще творческого начала генерал не был лишен:

– Я не хотел тебе говорить... но у нас имеется информация о том, что твоя Инге связана с БНД... сейчас мы перепроверяем эти сведения... – Еще один блестящий ход.

– Что же делать? – Богдан был потрясен, хотя чувствовал сердцем, что все это ложь.

А не послать ли Сташинского в Латинскую Америку для легализации, думал генерал. Подобрать ему в партнеры умопомрачительную красавицу, которой Инге в подметки не годится... А не еврейка ли Инге? Жаль, что почил Отец Родной и не довел до конца дело врачей...

Сташинский мучился в Москве, и вдруг звонок из Берлина.

– Богдан, милый, Конрад тяжело болен, у него пневмония. – Инге захлебывалась от слез. – Приезжай!

Самая гуманная в мире организация дрогнула, узнав об этой весте: не пустить отца к умирающему ребенку – это чрезвычайное происшествие, оно не вписывалось в моральный кодекс строителя коммунизма, решили дать зеленый свет, но взять всю семью под плотный контроль.

Судьба не щадила Сташинского: в день его прибытия ребенок умер. За что? Почему так сурова к нему судьба? – думал он. – Неужели это плата за трупы тех двоих? И это не конец, никто не знает, какая кара уготована впереди...

Молча возвращались из морга, через день планировались похороны. Наружка нудно тянулась сзади.

– На днях построят стену. Так что теперь на Запад просто не убежишь... – сказала она и посмотрела на него, изогнув бровь.

Он молча шел, засунув в карманы руки, он думал о том же и обнял ее.

– Давай уйдем сегодня, выйдем через черный ход, который они не знают, – сказала она тихо. – Мне известны здесь все закоулки, я же провела тут всю жизнь.

– А как же похороны?

– Его похоронят родители. Богдан, неужели ты не понимаешь, что нас арестуют? Посмотри на этих бандитов сзади нас, вокруг нашего дома! Арестуют сразу же после похорон!

В тот же вечер они ловко обманули наружное наблюдение и выскользнули в Западный Берлин.

Полиция, услышав чистосердечные признания Сташинского, засуетилась в панике и тут же передала чету американской разведке. Но и там ему не поверили, решили, что либо сумасшедший, либо провокатор, отправили на военную базу близ Франкфурта, подвергли допросам на детекторе лжи и медобследованиям.

Где вещественные доказательства? На слово верить нельзя, по миру бродит масса психов, утверждавших, что совершили убийство.

И тут удача: полиция неожиданно наткнулась на свидетелей, которые видели, как Сташинский бежал со стройки и как бросал оружие в пруд.

Вскоре водолазы обнаружили и винтовку, и баллончик – все стало на свое место.

Состоялся суд, процесс гремел на весь мир, показания боевика перепечатывали все газеты, считавшие главным подсудимым в этом деле вездесущий КГБ. Напрасно Густов и компания пустили слух, что Бандера убит по заданию западногерманской разведки, которой надоел вышедший из-под контроля агент, ничего из этого не вышло, и генерала с позором выгнали из любимых органов, не принимая во внимание его заслуг перед Родиной. Петровского тоже выставили и лишили пенсии, хотя он бегал по инстанциям, доказывая, что никогда не доверял Сташинскому и пал жертвой интриг.

Главный герой получил на суде восемь лет тюрьмы, отсидел в прекрасных условиях лишь один год, затем получил амнистию и вместе с Инге словно исчез с лица земли. Говорили, что оба сделали пластическую операцию и мирно поселились в Калифорнии в купленном ЦРУ особняке прямо на берегу океана.

Председателю КГБ крепко врезали на политбюро за потерю бдительности и неспособность выращивать преданные и надежные кадры, возмущенный Хрущев прямо заявил, что от терактов нет никакого проку, ибо их исполнители – слабаки и дерьмо. И вообще «мокрые дела» за границей бросают тень на международное коммунистическое движение и компрометируют великую идею. Так что пусть органы стреляют у себя дома, где все шито-крыто, отныне на закордонный террор наложено табу.

Политбюро поддержало, тем более что сам великий Ленин на словах не признавал террор и беспощадно ругал за это заблудших народовольцев и эсеров.

И никто не понял, что любовь победила смерть.

Сталин и его команда

Лучший способ проверить близкого друга – это посадить его жену и посмотреть, как он себя поведет. Каждый ведет себя по-своему. Когда в 1938 году посадили за антипартийные связи жену Калинина, эстонку Катю, всесоюзный староста сначала вспыхнул, а потом даже обрадовался – пошел по балеринкам Большого. Вернулась в 45-м, но не к нему, а к дочке. А вот попробуй Клима Ворошилова лишить его жены Голды (после крещения – тоже Катька), он и дня без нее не проживет, да и зачем лишать? Он предан делу, храбр и надежен, хотя и звезд с неба не хватает, и командир хреновый – не зря я его со всех фронтов снимал. А вот с Вячеславом вышло сложнее. Почти всю жизнь душа в душу, думал его, Молотова, преемником сделать. Предан делу, но финтит иногда. Вдруг стал пропускать из Москвы без цензуры статьи иностранцев о нашем правительстве. Покаялся, конечно, а скоро Полина, жена его, тоже товарищ надежный, вдруг спуталась с евреями, докладывали, что чуть ли не Крым обещала им передать. Чего это ради? Пришлось посадить, и Вячеслав стерпел. Убрал я его из наркоминдела, но в политбюро оставил, Молотов – человек заслуженный. Я все ждал, что начнет меня умолять свою Перл (Полину) освободить, а он молчит. Затаился и молчит, руку жмет, с днем рождения поздравляет, улыбается, когда надо, но молчит. Однажды прорвалось, почти прошептал: «Коба, отпусти Полину...» Я не церемонился: «Ты ее не перевоспитал, так пусть Берия перевоспитает!» Полина еще перед войной с оппозицией путалась, ее предупреждали, а тут – подумать только! – на идиш говорила с Голдой Меир, посланником Израиля, да еще брякнула, что я плохо отношусь к евреям. Да я сам ее, жиловку, нарокомшей рыбного хозяйства сделал! Да и вокруг меня одни евреи, еврей евреем погоняет. Дело не в евреях, а в том, что настоящий революционер за родственников не цепляется, а строже к ним, чем к другим. Разве я защищал оппортуниста Сандро Сванидзе, брата первой жены Като? Разве я не позволил его расстрелять, как требовал суд? Разве ограждал Аллилуевых, родственников покойной жены Нади, от репрессий? Разве крестного и почти брата, близкого друга Авеля Енукидзе не приказал расстрелять, когда он отклонился от линии партии? Сына Якова, попавшего в плен, поменял на фашистского генерала, как предлагали? Сына Ваську разве не снимал с должностей за пьянство и глупость? Ох уж эти родственники. Даже сам Ильич однажды дал маху: обвинил меня в грубости к своей жене Крупской. Чуть с преданным учеником не поссорился из-за бабы. Но ладно. Я извинился, он болел тогда, утряслось.

...Шел он от дома к дому,
В двери чужие стучал.
Под старый дубовый пандури
Нехитрый мотив звучал.
В напеве его и в песне,
Как солнечный луч, чиста,
Жила великая правда –
Божественная мечта.

И это написал юный Иосиф Джугашвили, великий поэт Чавчавадзе восторгался стихами. Грузия – прекрасная страна, тут хорошо поют и еще лучше пьют, но все это убого для настоящего революционера, призванного изменить мир, это – живописное захолустье, где негде развернуться. Ненавидел умиленные толстые морды, сливавшиеся в хоровом пении, а потом выклевывавшие друг у друга печенки, за всей этой лирической блевотиной скрывались когти злата, да, люди гибнут за металл, вьются мотыльками над ним, опаляя крылышки, жалкое племя рабов. Виною всему капитал и частная собственность, уничтожив их навек, челове-

чество обретет свободу и счастье! Но без всяких мечтаний наподобие Сен-Симона и Фурье, а путем революции, которая должна вздыбить весь мир, поставить его с головы на ноги! У Прудона красиво: собственность – это кража! Собственность вообще не ощущал никогда, к дворцам и роскоши совершенно равнодушен – где там свет интеллекта? – одни лишь тупость и бессмысленность. В РСДРП с пятнадцати лет, Робин Гуд в душе, марксизм лишь слегка понюхал (тогда), обожал подполье, конспирацию, тайные сходки, маевки, кружки. Дружил с террористом Камо, восторгался им. Тот вообще не понимал, где мое, где наше. Считалось, что он, Коба, в 1907 году организовал «экс» на Эриванской площади в Тифлисе, когда налетчики увели огромные банковские деньги. Не отрицал своего участия, но и не признавал. Завидовал отчаянной смелости Камо, только Камо мог не одергивать руку, когда ее прожигают огнем. Наверное, он не притворялся, он действительно был сумасшедшим. Но в одиночку террором капитал не одолеть – только могучая партия способна на это. Партия – это Ленин.

Ленина впервые встретил в Таммерфорсе в 1905 году и очаровался, а в следующем году на съезде в Стокгольме даже полемизировал с ним по аграрному вопросу. Поближе сошлись на съезде в Лондоне в 1907 году, Лондон Кобе по душе не пришелся, английского не знал, а все вокруг только на нем и лопотали, огромные дома, соборы и дворцы придавливали своим величием, едкие смоги раздражали, все эти галереи, памятники и прочие художества – не для человека дела. Жил в истэндском районе Степни («чудовищная ночлежка» – Джек Лондон), ютился по-бедняцки в одной комнатухе с двумя кавказцами, жрали тухлую рыбешку с картошкой, очень напоминали бродяг-кокни, собственно, они и были бродягами. Правда, удалось понравиться Ленину, даже попивал с ним эль в пабе «Корона и шерсть», Ленин тоже расположился к «чудесному грузину» (потом в письме к Крупской так и назвал), болтать в партии умели все, а тот экспроприатор, практик. Как назло, Троцкий провел на съезде резолюцию, запрещающую грабить банки, – это был удар по Кобе. Но никто не отменял ленинское указание экспроприировать у экспроприаторов, по-русски – грабить награбленное. Что главное в Ленине? Марксизм – это не догма, а руководство к действию. Это значит, что все должно подчиняться делу революции, похоже на Гете: «Теория, мой друг, суха, но вечно зелено дерево жизни». Это значит, что даже сам марксизм можно перевернуть, разве Маркс мыслил о революции в отсталой России? Ленин быстренько объяснил ее «слабым звеном» в системе империализма, ожидал – не дождался революции мировой, Сталину ничего не оставалось, как строить социализм в одной стране. Никто, кроме Ленина, не был способен доказать, что Октябрь – лишь воплощение в жизнь марксовой диктатуры пролетариата (это отрицали ренегаты вроде Каутского), да так убедительно, что все поверили, будто Карл Маркс чуть ли не лично рубил топором головы капиталистам.

Первый арест грянул в 1908 году, а дальше понеслось: ссылки, побеги, аресты, снова ссылка, и так до Февральской революции. Ильич, увы, ее не предвидел, признавался в своем цюриховском приюте, что не доживет до революции, но не растерялся и уже в апреле прибыл в Россию, да еще с призывами к окончанию войны и к социалистической революции. Керенский, слабак, поднял вой, мол, германский шпионаж, пришлось скрываться в шалаше в Розливе вместе с Зиновьевым, это, наверное, главный вклад Гришки в дело революции, которую, кстати, он с Каменевым заложил после сходки на квартире Суханова, предав гласности сроки восстания.

«Капитал» чертов грыз долго и трудно, прогрыз насквозь, но понимал кусками, потом штудировал популярное изложение Каутским, Гегеля сразу отбросил – зачем забираться в заоблачные выси революционеру-практику? Профессорская метафизика рассчитана на таких же скучных сухарей, оторванных от жизни, разве можно сравнить с ленинским «Материализмом и эмпириокритицизмом»? Дал Ильич по шапке епископу Беркли, отшлепал Маха и Авенариуса, как непослушных детей, и, главное, все аргументы кристально ясны и понятны для широких масс. Разделался одним ударом со всем идеализмом: коли мир дан в ощущениях, то значит, без вас он не существует! Солипсизм, батенька, вот и все дела. Главное, все понятно,

разжевано, именно так и должен понимать материализм пролетарий. Политические кульбиты Ленина поражали и восхищали всю жизнь. Плевал на раскол, главное – революция, а во время Брестского мира вообще выступил против всей партии, потеряв Украину. Дал волю прибалтийцам и Финляндии. А НЭП? Кто ожидал такой поворот к капитализму?

Учредилку сначала поддерживали, но прошли выборы – и вместо большинства... черт возьми этих эсеров! Пришлось разгонять, раскрутилась Гражданская война, вмешалась Антанта, положение было аховое, умница Яша Свердлов держал в сейфе загранпаспорта и золото на случай бегства руководства из России. Но выдюжили. Но все же тогда все было просто: война на всех фронтах, тиф, смерть на каждом углу, красный, белый террор, разруха. Но после всего этого хаоса – главный вопрос: что делать? Как строить социализм и коммунизм? Ведь у классиков ни шиша не написано, кроме общей болтовни. Ленин тоже не успел оставить заготовок, одно время вообще склонялся к отмене денег – эх, если бы это было возможно... Когда заявил о НЭПе, почти вся партия встала на дыбы, да еще добавил, что «это всерьез и надолго», но, конечно, не мог он допустить буржуазию к власти, просто жрать народу надо, а жрать нечего. К несчастью, в самый острый момент сбила его болезнь. Смерть Ленина не стала неожиданностью, но потрясла. Произносил клятву над гробом, повторял, как мантру, «товарищ Ленин завещал нам...», повторял и думал: именно так и нужно говорить и писать, вдальблывать в головы простых людей истины, словно молотком по гвоздю, иначе простые люди не поймут ни хрена или поймут неверно, все должно быть коротко и ясно! Работал над речью, на съездах и пленумах говорил негромко (тогда слушают внимательнее), без излишней патетики и завываний, как Троцкий, обязательно вставлял шутки, разные там пословицы-поговорки или из Салтыкова-Щедрина и Гоголя, иногда шутил грубовато – во время войны сказал начальнику по нефти Байбакову: «Будет нефть – будет Байбаков, не будет нефти – нет Байбакову», но шутить нужно осторожно, особенно политику, всегда помнил, что Яков Свердлов до конца дней не забыл, как Сталин в ссылке шутя плюнул ему в тарелку супа. А потом съел сам. Оратору нелишне в меру блеснуть эрудицией (только не переборщить), однажды всем пленумом открыли рот, когда он процитировал американского поэта Уитмена: «Мы живы, горит наша алая кровь огнем неистраченных сил».

Ленин умер, остались лишь лозунги – индустриализация, кооперация, культурная революция – но как? как? Как свершить вековую мечту человечества, да еще когда вокруг злобные враги, белогвардейцы, империалисты, и все готовы на интервенцию. А внутри какая свара! Один иудушка Троцкий чего стоит! Соратники-большевички улыбаются, руки жмут, льстивые речи толкают, а за спиной точат кинжалы и норовят ударить при первом же удобном случае. Индустриализацию провели ударно, даже на проклятом Западе ухитрились добыть кредиты и станки, инженеров иностранных выписали, Эрмитаж и прочие коллекции распродавали на Запад почем зря, ради великого дела ничего не жалко, пролетариат еще создаст свое искусство. У Церкви еще с 20-х вытянули все, даже одно время колокольный звон запретили, дабы он не мешал трудящимся спокойно отдыхать, попы затаились, но уничтожение религии – это стратегическая задача, на долгие годы. С верой шутить нельзя, действовать надо осторожно, но решительно, церкви закрывать постепенно. Сейчас главное – индустриализация! А что делать, если трудящиеся не хотят себя индустриализировать? Не поняли, не осознали еще, значит, надо их подстегивать, организовывать силами партии, пусть строят будущее себе и детям. Хуже с колхозами, да это и понятно. Ильич всегда считал крестьянство мелкобуржуазной поганью, почти таким же дерьмом, как интеллигенция. Правда, бедняков не отвергал, и то, наверное, потому, что его достали вечно чего-то просящие ходоки. Если пролетариат не имеет ничего, кроме своих цепей, то у крестьян есть земля, притягивающая как магнит. Не желают идти в колхозы? Сопротивляются ножницам в ценах и не продают хлеб? Заставим, на то мы и большевики, авангард человечества, загоним туда собственников, как стадо баранов, а недовольных – в Сибирь или в расход. Когда почувствовал, что зреет крестьянское восстание, тут же осадил автор особо

рьяных статьей «Головокружение от успехов». Почему мы должны жалеть людей, не понимающих своего счастья? Почему вообще нужно жалеть такое тупое человечество? Мы, большевики, призваны перевернуть мир, неужели сейчас отступить? Большевики в массе культуры и не нюхали, большинство полуграмотно, новая культура не появилась, а старая вся прогнила и деградировала, разные там развратные Арцыбашевы и Ахматова, распутная девка, строящая из себя невинность, со своей богемной «Бродячей собакой». За культурой всегда следил, как сторожевой пес, народные массы неискушенны и могут клюнуть на любую контрреволюционную дрянь, чаще всего замаскированную. Громокипящего Маяковского не понимал и видел в нем попутчика, а не коммуниста, вяло поддерживал Шолохова, магически притягивал Булгаков (чем? не белогвардейщиной же? скорее всего правдой, м-да, правдой ли?), Мандельштам был таинственен и певуч, но, подумать только, написать, что у него, Сталина, мол, «малина и широкая грудь осетина»! Перечитывал Пушкина, Тютчева... Наводил шорох в театрах, к чему большевикам сугубо буржуазный Таиров с его Камерным или давно выскочивший из революции троцкист Мейерхольд? В партии продолжался бардак: сначала мешал Троцкий, раскалывал партию, но удалось вместе с Зиновьевым и Каменевым оттеснить его от власти, а в 1927 году взяли возмущенного Левушку под белые руки в его Архангельском, вывезли аж в Алма-Ату, а потом выслали (зря, нужно было сразу отправить его к праотцам). Потом принялся за тайных ненавистников – Каменева с Зиновьевым, вошел в блок с наивным Бухариным, даже подружился с ним. Бухарчик хоть и мягок, но вероломен, в Париже в поисках архивов партии снюхался с меньшевиком Николаевским, в Москве стал шептаться на квартире у Каменева, в правоте Сталина сомневаться – будто не знал, дурачок, что у ЧК везде уши! Романтик хуже врага, а еще создавал ЧК вместе с Феликсом! Разные теоретики верещали: при социализме классовая борьба затухнет, государство постепенно отомрет – ха-ха! Это у них все затухнет, а у нас борьба – это сама жизнь, и она идет по нарастающей! Государство, конечно, отомрет, сами Маркс и Ленин об этом писали, но отомрет путем его максимального усиления, так усилится, что головы полетят – что там Дантон с Робеспьером! И палачом будет не какой-то там Сансон, а боевая организация ЧК-ОГПУ-НКВД, отряд безжалостных, преданных делу отрубателей голов, они и пошерстят оппозицию и иже с ней, они и сами себя отстреляют, безумцы, их держать на коротком поводке, глаз не спускать.

Когда в 1932 году жена Надежда покончила с собой, в душе лопнула какая-то струна, казалось, что жизнь кончилась, все потемнело вокруг. Долго не мог поверить, плакал и кусал подушку, что же она наделала? Ругались бесконечно (а в каких семьях не ругаются?), в последнее время из-за проклятых оппозиционеров, так называемых старых большевиков, всех этих ублюдков Каменевых и Зиновьевых, она доходила до неистовства в своем диком, цыганском темпераменте, он часто не сдерживался... Но чтобы ухнуть себе в висок из дареного «вальтера»? Ах Надя, Надька, нет слов. Но убила она себя из-за них, из-за всей этой партийной шелупони, по сути, она его предала. После смерти Аллилуевой он внутренне омертвел, долго не приходил в себя и все думал, как известить всю эту оппортунистическую сволочь?

Подарочек поднесли на съезде победителей 1934 года: подсчитали, мухлевщики, что одна треть голосовала против товарища Сталина. Что поделаешь? Всегда найдутся заблуждающиеся товарищи. Их можно поправить.

Повод явился неожиданно: в Ленинграде убили Кирова. Мироныча он любил больше других, всегда двигал, и тот отвечал ему взаимностью. Горе обрушилось, как снежная лавина с гор, на прощании он так целовал в губы труп Кирова, что чуть не вытянул его тело из гроба.

Сажать! Настоящий человек обязан хоть раз в жизни посидеть, а настоящего большевика не сломить, если даже посадят не враги, а свои. Выйдет и станет еще крепче! Вот Рокоссовского пообломали в тюрьме, но в начале войны выпустили. И что? Храбро командовал фронтами, стал маршалом – и никаких обид на партию. В деле Промпартии профессору Рамзину тоже дали срок, зато потом амнистировали и вручили Сталинскую премию за изобретение

парового котла. Многие спецы, проходившие по Шахтинскому делу, потом прославили себя на ниве социалистического строительства. Кроме, конечно, расстрелянных – но что делать? Лес рубят – щепки летят! Вообще не все процессы проходили гладко, ну что это за приговор по делу Пулковской обсерватории: «Саботаж наблюдения солнечных затмений» – ха-ха! Нашим судьям еще поучиться у проклятого царизма. Вообще ученые хорошо перевоспитываются в условиях тюрьмы, питаются без излишеств, поэтому меньше болеют, если не умирают, то живут до глубокой старости... Туполев и вся его шарашка чудеса творила во время войны, показали себя как настоящие патриоты. А швейцарец Фриц Платтен, организовавший рывок в Россию Ленина и со товарищи, разве не герой? Когда арестовали его жену как врага народа, особо не возмущался, когда взяли его самого за связь с женой – врагом народа, стойко держался на всех допросах, подписывал любые признания о связях с иностранными разведками, кроме германской. Почему? Не из-за собственной шкуры. Опасался, что враги партии изобразят приезд Ленина в России как ход германской разведки (в этом его обвинял еще Керенский). Отделался четырьмя годами в лагере, где измученные заключенные делали себе ботинки из автомобильных шин, там и умер во время войны, может, и расстреляли случайно, время было военное.

Мируныч, Мируныч, дружище, вся эта сволочь ответит за твою смерть! Поставил во главе НКВД Ягоду, старого чекиста, сподвижника Дзержинского, организатора ГУЛАГа, официально «первого инициатора, организатора и идейного руководителя социалистической индустрии тайги и Севера». Заслужил тридцатиметровый памятник на последнем шлюзе Беломоро-Балтийского канала, с каким блеском он проводил по этим местам слабохарактерного Максима Горького, вместе радовались перевоспитанию и счастью заключенных! В 1936 году процесс над давно арестованными Каменевым и Зиновьевым, последний валялся в ногах и молил о пощаде, расстреляли целую группу – страна восприняла это с восторгом, еще бы! Их обвиняли в шпионаже, в убийстве Кирова, в подготовке убийства самого Сталина. Но Енох (он же Генрих) Ягода оказался двурушником, тут нужна была рука покрепче, дело в свои ежовые рукавицы взял Ежов, звезд с неба не хватал, даже хуже, карлик и алкаш, возомнивший себя революционером, он заранее был обречен на расстрел, еще до назначения под него Берия. Во время ареста Ягоды бывший его подчиненный Михаил Фриновский (потом расстрелян вместе с женой и сыном) заехал своему начальнику в морду. «Что вы делаете? Это же запрещено!» – возмутился Ягода. «Вчера товарищ Сталин подписал приказ о разрешении применения физического воздействия к преступникам». Второй московский процесс 1937 года тоже прошел без сучка без задоринки, казнили Пятакова и Сокольников, отправили в тюрьму Радека. На третьем московском отправили на тот свет Бухарина, Рыкова и Ягоду, развернулся настоящий красный террор, вместе с руководителями уничтожали и сотни старых партийцев, тайно сочувствующих оппортунистам, заодно прикончили не шибко устойчивых иностранных коммунистов-коминтерновцев. Военные оказались слабаками, а ведь полка бы хватило, чтобы овладеть Кремлем и расстрелять на месте все политбюро! Конечно, заговора не было, но мысли такие были! И даже предлог имелся: документ о сотрудничестве Сталина с царской охранкой. Закололи как наивных агнцев, те даже не пикнули – хлопнули маршалов Тухачевского, Уборевича, Егорова и прочих, маршал Блюхер, дурачок, еще закричал перед расстрелом: «Да здравствует товарищ Сталин!» – мечтал, наверное, что сейчас прилетит гонец от вождя с помилованием. Предатели схоронились за каждым углом, прикончили их не только дома, но и за границей – беглецов вроде чекиста Агабекова или нелегала Рейсса нейтрализовали почти сразу же, первый налет на крепость Льва Троцкого в Койоаване провалился: хитрый Лев с женой спрятался под кроватью, зато потом Меркадер не промахнулся своей альпийской киркой и раскрыл Троцкому голову.

Войну ждали давно, к войне готовились, вся экономика была мобилизационной. Разведку Сталин держал под личным контролем и, как правило, разносил на пленумах. Все доносили о приближении войны, и все с чужих слов – реальных агентов в гитлеровском руководстве не

было, откуда было знать сотруднику Министерства авиации Шульце-Бойзену или сотруднику Министерства экономики Харнаку о нападении Гитлера? И Черчилль сообщал, но разве можно верить заклятому врагу, который мечтает втянуть в войну первое в мире рабоче-крестьянское государство? Сталин любил лично читать документы в переводе, особенно стенографические записи английского кабинета, сам и выводы делал. Считал, что Гитлер начнет войну в 1942-м, не раньше, не думал, что фюрер такой дурак, что рискнет воевать на два фронта. В нападение Германии 22 июня 1941 года вначале не поверил, в отчаянии наблюдал, как все распадается на куски, это его слова соратникам: «Мы просрали то, что оставил нам Ленин!» Такой боли, такой муки не испытывал никогда, даже после гибели жены, все военачальники оказались дерьмом, фронт катился к Москве, и он уже приказал Берия зондировать сепаратный мир с Гитлером. Ну и что? Ленин не побрезговал заключить Брестский мир и подарить кайзеру Украину – а он был верным учеником Ленина. Займут Москву? Заминировать ее, взорвать Кремль, метро, всю спалить к чертям – чтобы дошли фрицы на морозе от голода! Ленинград не сдадим, хоть все жители от голода пожрут друг друга! Большевики – не из породы трусов, отступим в Куйбышев, если надо, уползем в Сибирь, но власти немцам не отдадим! Когда перешли в контрнаступление, напряжение не спадало, ожидал подвоха от союзничков – сепаратного мира. Коминтерн распустил без сожаления, в 1944-м отменил «Интернационал» как национальный гимн, но это были тактические уступки буржуям. Война сжигала его, работал по ночам на износ, горечь никогда не покидала его, и даже победа не смягчила, не случайно же он в тосте за русский народ сказал, что другой бы народ выгнал к черту такое правительство. Говорил от души, совершенно искренне, ненавидел самого себя. День Победы отметил, но праздником не сделал – все разрушено, потери невероятные, видел из окна машины толпы калек на каждом шагу, хмурых женщин, беспризорных детей, народ опять голодает, какая тут радость? Какой тут социализм – первый этап на пути к коммунизму? Да это хуже, чем при царе. Мировой революции пока не произошло, но Британская империя на издыхании, национально-освободительные движения крепнут, ну а страны народной демократии – разве не движение по пути, начертанному Ильичом? Новые обстоятельства, новый путь. У власти в Восточной Европе проверенные коминтерновцы – Димитров в Болгарии, Тито в Югославии, Берут в Польше, Ходжа в Албании, Вильгельм Пик и Вальтер Ульбрихт в ГДР, Готвальд в Чехословакии, Ракоши в Венгрии, Анна Паукер в Румынии (пришлось изгнать кавалера ордена Победы короля Михая). Дальше все по матрице Октября – национализация, коллективизация, неприменная чистка партии как в 37-м (Костов в Болгарии, Райк в Венгрии, Сланский в Чехословакии, главарей раскольников казнить, лучше вешать, некоторых в тюрьму).

После войны появились совершенно новые люди, они увидели Европу, отравились тем, что люди живут там лучше, чем в Стране Советов, проник в них тлетворный дух свободы, но не пролетарской, а буржуазной, появился вкус к частной собственности, тащили трофейные мешками и вагонами. Он с тоской вспоминал энтузиазм Уралмаша и Днепрогэса, ликующие толпы, встречавшие челюскинцев, героические полеты Чкалова... куда все делось? Будто и не строили социализм. Дать по рукам и по мозгам, прозападных ученых, всех этих вейсманистов и морганистов – в тюрьму или на задворки, Ахматовой и Зощенко – по мордасам, не забыть о заблудших композиторах, разных там Мурадели и Шостаковича с их какофониями вместо музыки, ну а сионисты совсем обнаглели, Еврейский Антисионистский комитет разогнать и расстрелять, актера Михоэlsa – под грузовик. Врачи – под особый контроль, им никогда не доверял, разве кавказские долгожители видели врачей? Особо на подозрении врачи-евреи, правильно ли они его лечат? А тут залечили Жданова, закрутилось дело, начались аресты. И как всегда, призыв бороться с врачами-вредителями вылился в антисемитскую кампанию, евреев стали из автобусов высаживать, избивать, орать «жидовская морда». Всегда перегибы, хотя как отличить еврея от сиониста? В партии тоже бардак: только возвысил Вознесенского и Кузнецова, как они ударились в великорусский шовинизм и затеяли создать русскую партию. Ленина на них нет,

пришлось расстрелять, а ведь жаль молодых ребят, ставку на них делал. Устал, от войны устал, от всего этого чертова строительства коммунизма устал, от морд соратников устал, да не просто устал – обрыдли эти морды. Устарели они, обюрократились, потеряли веру в коммунизм. Настоящий большевик остается большевиком и в жизни, ему плевать на роскошь, не случайно Ленин говорил, что из золота мы будем делать унитазы, истинный революционер не станет унижать пальцы перстнями и вешать на шею бриллианты. Вот Троцкий, как стал нарком-военмором, придумал ставку себе сделать не где-нибудь, а в юсуповском дворце в Архангельском – другого места в Москве не нашел! Вспомнил угодя своего папаша – херсонского помещика! Жил как царь со своей Натальей Седовой, она в Наркомпросе работала, хорошо богатые усадьбы знала, подсказала муженьку. Вокруг сосны, полезный для здоровья воздух, шикарная мебель, картинная галерея с шедеврами, плавательный бассейн. Конечно, прикрылся домом отдыха для красных командиров, однако жил там до самой ссылки. И одевался особо, придумал себе форму – кожанку и всю свою шантрапу, по сути опрочину, в кожу одел, вроде бы вызов буржуйам, а на самом деле чистой воды буржуиство! Ну а за границей, естественно, шляпу носил, поближе чтобы к своим. Беда с этими шляпами! Молотов долго упирался, все кепку натягивал с косовороткой, стал наркоминделом, пришлось надавить – зачем выделяться среди буржуев? Надел шляпу, постепенно привык, вроде подходит к пенсне и к должности, самому понравилось, и до конца жизни не снимал. Вообще перед народом вожди обязаны входить в свой образ, как хорошие актеры: Ворошилов – в военной форме и с орденами, Калинин в косоворотке, под лапотного крестьянина, Молотов – в шляпе для заграницы и говяной интеллигенции, и Сталин в полувоенном кителе и, конечно, в сапогах, вроде бы всегда в походе, с трубкой мудрости, когда надо. Но быт – дело житейское, а в политике нельзя долго засиживаться.

Молотова (не зря Ильич назвал его «каменной жопой») отстранил, попал под влияние сионистов, Микоян увяз в торговле и обуржуазился, Маленков – рыхлая баба, хотя исполнитель, но какой из него преемник? Ворошилов недалек, Каганович туповат, Хрущев мудоват, хотя энергичный, Берия прекрасный организатор (атомные дела вытянул, молодчага), но может в любую сторону потянуть, беспринципен. Никого не осталось, а нужна твердая рука, которая завершила бы социалистическое строительство. Ничего, и не такие крепости приходилось брать большевикам. Убрать все политбюро? Народ не поймет. Хотя... если сделать красиво. На девятнадцатом съезде сделал неожиданный ход: предложил президиум ЦК числом 25 членов и 11 кандидатов вместо политбюро, которое «растворил» в президиуме – включил молодых министров, влил свежую кровь. Старая гвардия тайно заволновалась: вождь явно готовил что-то недоброе, следующий ход был по старой матрице, старых соратников на убой, что с ними мудохаться, слепыми котятками, да и что они могут со своим начальным образованием? Давно пора отобрать у партии хозяйственные функции, пусть занимается политпросветом. Господи, что за государство получилось?! Крестьяне паспортов не имеют, живут как крепостные – ну ладно, еще не доросли, граница на железном замке – это тоже правильно, буржуи не дадут нам коммунизм построить, лагерей много, повсюду органы – это временно, пока классовая борьба, но вот почему партийцы, даже сам Жуков, трофейное имущество после войны вагонами повезли? На хрена под 1 мая «Правда» печатает лозунги? Для кого они? На задницы клеить? Неужели прав был Иудушка, когда писал о перерождении партии?

Ночью тихо шагал по кунцевской даче, размышлял. На каждом углу охранник, черт побери! Глядишь, и пультнет в спину ненароком. Или спереди голову снесет. В саду тоже что-то шевелится, то ли коты, то ли убийцы. Охрану бериевскую разогнать, ездят шаблонными маршрутами, мозгов не хватает, останавливаются в людных местах, плохое дежурство на трассе, нет сотрудников на крышах. Перешел в соседнюю комнату к столу, выпил стаканчик нарзана и... потерял сознание. Очнулся от холода, понял, что лежит в луже мочи, хотел позвать, но ничего не получилось. Наконец, захлопотали охранники – хватились, дураки! – зажужжали, перенесли на диван, позвонили Игнатьеву, тот наложил в штаны, переадресовал Берия. Что же произо-

шло? Отравили, но кто? когда? Неужели отравили? Посмели отравить? Ждал долго, наконец появились соратнички: перепуганный до смерти Маленков, хитрожопый лапотник Никита и сам Берия, предводитель всей компашки, глаза смотрят холодно и злобно. Вскричал: «Что мешаете отдыхать товарищу Сталину?!» Ничего себе – отдыхать! Распек охрану – и все отбыли досыпать, а его, Вождя, оставили умирать. Ничего, выживу, кавказцы – долгожители, думал он, а когда поднимусь, они у меня запляшут, шуты гороховые! Они еще повоюют под жуткими пытками, живых крыс запущу им в кишки, они еще захрипят и забьются в муках, они еще покачаются в петлях на виселице, как главари рейха, как подонки Власов и Краснов! Докторов и в помине не было, лежал, и являлось ему в тумане разное. Всплыл телохранитель Карл Паукер, венгерский коминтерновец, в прошлом брадобрей и артист оперетты, как он умело шил сапоги, надставляя каблуки, чтобы вождь был выше! Вспомнил, как талантливо во время застолья изображал Карл Гришку Зиновьева перед расстрелом: двое охранников его держали, а он ползал в ногах, рыдал, лизал сапоги, просил пощады, ярко играл Карлушка, а еще лучше он брил его ежедневно, жаль, что его пришлось расстрелять. Тогда было смешно, а сейчас затошнило. «Рвота с кровью», – это доктор, появились наконец суки. «Надо обследовать на яд», – сказал врач. Все в дымке и где-то далеко-далеко из перешептываний понял, что уже состоялся пленум и его сняли со всех постов, хватило ума оставить хоть в членах ЦК. Вдруг вспомнил мальчишку в Сочи: «Как тебя зовут, сынок?» – «Валька!» – «А меня Оська рябой». Ха-ха. Катя Ворошилова просила врачей, чтобы не говорили мужу о ее заболевании раком. Любил ли его кто-нибудь так же? Промелькнула вся в черном мать, всегда жалевшая, что он не стал священником. А вот и любимая жена Надя, хохочущая, бросающая в него хлебными шариками в ответ, а потом – из «вальтера» себе в висок. Вот и дочурка Светка, Светка – хозяйка, своенравная, умная, и Васька непокорный – загубят эти сволочи его, загубят! И снова Ильич, полный энергии, как тогда, за кружкой пива в Лондоне, а не такой, как в Горках, измученный болезнью. Нет, он не умрет. Не умрет! Не умрет!

А дальше – тишина.

С Натальей Фатеевой в графстве Кент

*Ведь тридцать лет – почти что жизнь.
Залейся смехом мне в ответ,
Как будто мы еще кружим
На перекрестках графства Кент...*

Октябрь 1964 года, седоватые здания старого Лондона, конечно же, графство Кент. Британская столица еще купалась в своем имперском величии, оставался нетронутым гордый Сити, туда еще не воткнули новые кварталы с театром Барбикэн, не воздвигли, безумцы, колесо обозрения London Eye почти рядом с могучим Биг-Беном (под стать нашим колесам в парке культуры и на ВДНХ), не перекинули в крематорий галерею «Модерн Тейт» и не усеяли город безвкусными стеклянными небоскребами. Еще встречались кебы с кучерами, из которых вытряхивались почтенные джентльмены в цилиндрах, серые клерки носили мышинового цвета котелки, в ресторанах типа знаменитого «Рица» служили отставные королевские гвардейцы (ныне там суетливые итальянцы), и невиданной редкостью было увидеть за столиком чернокожего с сигарой, пальцем подзывающего к себе бледнолицего официанта.

В этом загадочном городе, пропитанном дымом каминов и трубочного табака, овеванном добрым элем и вересковым Джоном Ячменное Зерно, я уже четвертый год трудился на благородной ниве разведки под личиной второго секретаря советского посольства. И грянул День! В суровую тягомотину будней ворвалась киноделегация во главе с кинематографическим начальником и великолепным режиссером Львом Кулиджановым в сопровождении двух кинозвезд – Нины Меншиковой и Натальи Фатеевой. Лев Александрович, осанистый и благородный, оказался таким же фронтовиком, как и мой друг, советник по культуре Всеволод Софинский, так что вклиниться в делегацию было несложно. Церемония знакомства, обмен любезностями и прочее цирлих-манирлих, небольшой прием, мы предлагаем очаровательным актрисам осмотреть город – и через некоторое время мы уже в самом злачном заведении столицы Cafe de Paris, почти рядом со знаменитой Пикадилли. Ребята мы были шустрые и размашистые, на столике появились французское шампанское, а также бутылка шотландского виски с измерительными рисочками (цены на спиртное зашкаливали, как во всех подобных кабаках). На сцене дрыгали ножками, мой друг по русской привычке непрерывно подливал виски, не замечая буржуазных рисочек (англичане обычно не позволяли более 1–2 рисочек, мы же ухнули целую бутылку). Я временами посматривал на Наташу и даже что-то плел для поддержания общего счастья, но вдруг почувствовал, что таинственные флюиды сначала пощипывали, потом начали покалывать, и к концу ужина уже застряли в горящем сердце. Это было ново, такого в жизни еще не наблюдалось. Беседовали о разном – от Бисмарка до насморка, – к концу трапезы принесли счет, равный одной месячной зарплате, но я расплатился так небрежно, словно шикавал в этом заведении чуть ли не каждый день. Писать о красоте Натальи Фатеевой стыдно, это уже говорили и писали тысячи. Что это было? Обаяние, ведьмины чары? В любом случае капкан захлопнулся, моя бедная голова атрофировалась, и на следующий день мы уже метались на моей юркой «Форд» – газели по графству Кент (в него входит большая часть Лондона), благо жена уехала в Москву, отпустив козла в огороды. Сначала надлежало потрясти Наташу чудом архитектуры Кристофера Рена, собором Святого Павла, затрапезными улочками, где бродили Диккенс и Джек Потрошитель, ухоженными аллеями Гайд-парка, по которым скакали элегантные принцессы и герцогини, и ослепительным бурлеском Риджент-стрит и Пикадилли... Позднее я сложил свои страстные стансы:

Заиндевшая в мехах,
Твоя чертовская улыбка,
И блеск огней, как Темза, зыбкий,
Застывший вдруг в твоих глазах.
Толпа с бокалами ревет,
Машина рвется влево, вправо,
Нам запеченного омара
Гаваец через зал несет.
Как жаль, что это не кино,
Что я не тот герой повеса,
Что нет той дымовой завесы,
Чтоб отделиться от всего!
Ты на меня глядишь в упор –
О, взгляд твой, синий и осенний!
Так крокодилы разговор
Ведут в игрушечном бассейне...

Да, именно туда, в гавайский ресторан «Бичкомер» в аристократическом районе Мэй-фер вело нас, очарованных странников, провидение. Ресторан действительно потрясал своей необычностью: в вестибюле располагался мини-зоопарк, там среди лиан чирикали райские птички, ворчали тигрята, важно извивался удав и барахтались в прудике крокодилы. И разноцветные, подобно китайским фонарикам, симпатичные попугаи вокруг! Ну как тут без омара? Помните у Николая Гумилева? «Дело важное нам тут есть, / Без него целый день был пуст – / На террасе отеля сесть / И спросить печеный лангуст!»

И прибыл омар. Крокодилы смотрели друг на друга, пили шампанское «Вдова Клико», улыбались. Повеса – это не я, а мой соперник, английский шпик Джеймс Бонд из фильма «Голдфингер», однако о моей принадлежности к секретной службе Наташа могла только догадываться, поскольку большинство интеллигенции считало (и считает), что в посольствах служат одни шпионы. (Всю жизнь я представлялся сотрудником МИДа.) А у нас уже горели глаза и без омара. Далее события развивались пламенно и стремительно: на машине мы домчались до моего дома (недалеко от Гайд-парка, снимали на две семьи особнячок с гостиной внизу и тремя комнатами на втором этаже), на пути я профессионально проверялся на случай следования вездесущей английской наружки, было уже за полночь, по мягкому ковру мы осторожно ступили в дом, боясь потревожить спящих наверху соседей, шампанское пить не стали, уютно расположились на ковре... О, этот счастливый, пушистый ковер!

На следующий день делегация отбывала в Москву. Прощание в скромном отеле больше напоминало похороны – Наташа была безмолвно грустна, а я чувствовал себя как тень отца Гамлета, потерявшая голову. Утешала лишь подаренная Наташей фотография (такие фотооткрытки продавались во всех киосках Союзпечати) с загадочным автографом – «Лучшему водителю», если бы в Москве у меня имелась машина, я стал бы любимцем ГАИ и ездил на красный свет. Но тогда было не до шуток. *Finita la comedia*. Москва планировалась лишь через год, а что такое год в жизни кинозвезды? Прощай, любовь моя, навеки прощай! Ноябрьские праздники я провел в мрачной депрессии, правда, вскоре прибыла жена с маленьким сыном, и это, конечно, подняло мой угнетенный дух.

Но фортуна непредсказуема, и ей угодно было повернуться ко мне неожиданной стороной. В конце ноября ко мне подкатилась коварная английская контрразведка с вербовочным предложением (между прочим, когда я сидел меж двух непрезентабельных мужланов-вербовщиков, мелькнула мысль: а вдруг выложат компры? вдруг в гостиной в ковер вмонтированы

прослушки и гляделки? Но обошлось). Английские домогательства я отверг и вскоре после обмена дипломатическими колкостями был объявлен персоной нон грата, подлежащей изгнанию из доброго старого Альбиона. В начале января 1965 года мы пересекли бурно рыдающий Ла-Манш, преодолели Восточную Европу и воссоединились с Отечеством.

В Москве уже на второй день я был у Наташи. Она уже развелась с актером Владимиром Басовым, но они еще не разъехались и проживали в двухкомнатной квартире на Мосфильмовской, правда, имели два отдельных телефонных аппарата. Басов бывал там редко и всегда вежливо подзывал Наташу к телефону, и наоборот. Скромная квартирка – это в наше время трудно представить мегазвезд без замка, виллы в Майами и яхты, бороздящей моря и океаны. Личное авто? Или с шофером? В то время это было крайней редкостью, и Наташа ездила на метро и такси. Всегда шагала быстро, частично чтобы избежать приставаний поклонников, которые возникали на каждом шагу, как фантомы. Первая наша встреча была отмечена радостью внезапности приезда и нежностью, свидания продолжались. Это было удивительно сладкое и горькое время, это поймет лишь тот, кто разрывался между двумя домами. Днем я – на работе, Наташа – на студии имени Горького, встречались вечером (моя жена, драматическая актриса, по вечерам играла в театре), в разных местах. Одно время – в комнатке друга-геолога у Ленинского проспекта, но вскоре уже весь двор знал, что тут бывает знаменитая Наталья Фатеева. Дома у Наташи тоже встречались, пару раз шли пешком через мост в ресторан «Юность», но и там доставали вездесущие поклонники. Хорошо еще, что в то время не существовали смартфоны и нагло не приставали с селфи! Январь, февраль, март, апрель... Никогда в жизни, ни до ни после, я не ощущал себя таким бумажным корабликом, без руля и без ветрил! Никакой воли – лишь вихри неумолимой страсти, лишь желание увидеть, обнять... Из маститого разведчика, порою волкодава, я превратился в жалкого кролика, я часами ожидал выхода Наташи из киностудии, я перехватывал ее в метро у Киевской, вся жизнь моя превратилась в поиск свиданий. Какое счастье было наблюдать, как она варит на кухне кофе, как внимательно следит, чтобы он не вылился из турки, как плотно сжимает губки и лицо становится озабоченным и серьезным. Расставаться было нестерпимо трудно, почти невозможно, ноги не слушались меня, и только в голове (если она была) требовательно призывал уйти повелительный сигнал. Каждый раз, когда в одиннадцать вечера я захлопывал дверь Наташиной квартиры, я словно отлетал в никуда, я уже рвался обратно, я чувствовал, как за дверью стучит ее сердце. Сарафанное радио работало вполне эффективно, вскоре дома начались осложнения. Буриданов осел между двумя охапками сена? Уходить из семьи я не хотел, я любил и жену, и сына, да и прекрасно отдавал себе отчет, что на моей карьере будет поставлена точка: на черта звезде Фатеевой роль домохозяйки в советской колонии за рубежом? Да и мне роль бархотки в доме кинодивы не светила, кроме того, известно, что мужья красавиц – это самоубийцы. Помните аргентинский фильм, где неразделенная любовь дипломата и Лолиты Торрес, поющей: «Песня спета или не допета, очевидно, нам не по пути»? Да, да, нам было не по пути! Но как с него свернуть, если как магнитом тянет обратно? Если бы я писал на Наташу профсоюзную характеристику (надеюсь, уже не придется), то начертал бы: властная, деловая, трудолюбивая, быстро влюбляется и так же быстро разочаровывается, тяги к красивой жизни не имеет, любит путешествовать, к спиртному и табаку равнодушна – в общем, прекрасная характеристика и для запуска в космос, и для рекомендации на должность директора больницы. Но какая к черту характеристика, если все гибнет, все разлетается на куски? Вот я и метался в этих рассыпающихся руинах. Причем на сверхзвуковых скоростях. Наташа была всецело поглощена работой, постоянно спешила, все делала быстро, наскоро готовила, чтобы перекусить (какие в ту пору рестораны?), об украинских борщах с салом, чесноком и пампушками можно было только мечтать. Домработницы у нее не было, стирала и гладила сама, мгновенно наводила марафет и переодевалась. Какое счастье, что в то время у нее не водились табуны любопытствующих кошек и котов – иначе я вышвыривал бы их за хвост из окна! О чем мы говорили? Вопрос к спринтеру. Да летели мы

на крыльях – о чем тут, блин, говорить? Были, увы, и паузы. О политике не говорили, какая тут политика, туды ее в качель? Зато сейчас Наташа на переднем крае борьбы с правительством и нещадно мечет свои стрелы. Может, за искусство? Великая это радость – обсуждать в объятиях с красавицей беседу Хемингуэя и Фицджеральда в лионском отеле или читать наизусть Джойса! Не было этого, и не будет никогда, извините! Зато сейчас Наташа читает очень много, даже меня. Как-то вырвались на премьеру «Здравствуй, это я», весь фильм я проревновал к Джигарханяну, но после фильма домой сопровождал все же я. Кстати, о коллегах по кино и театру услышать что-либо от нее было крайне редко.

Наша любовь постепенно становилось бременем друг для друга. Не знаю, что думала обо всем этом Наташа и думала ли вообще. Роман продолжался в конвульсиях, порой мне мерещились ее страсти на стороне (мерещились ли? это ведь лучший способ выбить клин клином), помнится, вооружившись пистолетом Макарова, вместе с другом я на электричке мчался на дачу к родителям Ларисы Голубкиной, подруги Наташи, куда она приехала со своим приятелем. Наверное, я напоминал Отелло, зажатого в тиски ревности и преследовавшего неведомого соперника. Но дуэли не произошло, наоборот, мирно пили чай. В восемь утра наблюдал за ее подъездом: не выйдет ли оттуда подозрительный мужчина? (Вдруг вышел бы мой лучший друг?) Однажды поздно вечером ломился в дверь ее квартиры (там кто-то гужевался), но без успеха. (Вдруг вышел бы грозный амбал и спросил: «Ты кто такой?») Один раз нагрнулся неожиданно и попал в общество Муслима Магомаева и Леночки Скирды (потом Пырьевой), Наташа держалась вполне лояльно, но отчужденно. О, лишь бы увидеть ее! Московский кинофестиваль 1965 года, мы с моим верным другом, мидовцем Володей Васильевым, прорываемся в гостиницу «Москва», штаб-квартиру фестиваля. Жуткая охрана, первые кордоны преодолеваем с помощью Володиного мидовского удостоверения, но у самого входа в ресторан бульдогообразный цербер преграждает путь: «Где ваш спецпропуск? Тут же сам американский посол Гарриман!» Я достаю свою кагэбэшную книжцу: «Кстати, о господине Гарримане...» «Так бы вы сразу и сказали!» Зеленый свет – и мы уже за столиком с блистательными Наташей и Ларисой, распивающих сногшибательные коктейли.

Ведь тридцать лет – почти что жизнь.
Залейся смехом мне в ответ,
Как будто мы еще кружим
На перекрестках графства Кент.

Кружили, много кружили пешком по московским улицам и метро, и это было прекрасно. Но опустимся из сияющих небес в зловонные пучины Интернета, где четко записано, что мы с Наташей прожили несколько лет в гражданском браке. Гражданский муж? Ни разу у Наташи дома не ночевал. Вообще при слове «брак» у меня, страстотерпца, возникают странные ассоциации: «Милый, у тебя сегодня был стул?», «Дорогая, разогрей мне щи!», конечно же, кровать-аэродром с ортопедическим матрасом и балдахином, затасканные тапочки и ночной горшок. Грустный регулярный секс – именно с-е-к-с! – фу! как пилюля перед сном и утром натошак, невнятное «Милая, ты кончила?» – о боже, не хватает только родственников! Что же касается исчисления нашего шестимесячного «брака», то, если по гамбургскому счету исчислять их тоннами наших страданий (возможно, только моими), да еще, как в ядерной войне, один месяц считать за десять лет, то мы могли бы сыграть золотую свадьбу. Я люблю Интернет, но не выношу злобных человечков, которые вымещают свою зависть, свою несостоятельность на выдающихся людях нашего времени, и конечно же, дураков, но куда от них деться? К Наташе в Интернете масса претензий. Ну и что? У каждого человека своя судьба – и нечего совать длинный нос в чужие дела и бестактно публично обсуждать проблемы внука и его подселения в «огромную квартиру», непростые взаимоотношения членов семьи и, уж конечно, смену

мужей и возникновения любовниц и любовников. «В чужом глазу соломинку ты ищешь, когда в своем не видишь и бревна!» – писал Пушкин. Наташу Интернет очень жалует, и написано там о ней столько тягомотины, что не разберутся ни Господь Бог, ни сатана! Фатеева очень редко появлялась на телевидении, прежде всего потому, что в то время эра телевидения только начиналась, а популярности у нее было в избытке и без телевидения. Одевались тогда почти одинаково, не помню на Наташе ни роскошной норки, ни панбархатного платья – впрочем, для меня она была хороша во всех нарядах. Она, как и все мы, ценила и умела беречь деньги, но общество тогда не было поражено блеском золотого тельца и из денег не делало культа. Не представляю в то время передач о наших кинозвездах с разборками их личной жизни и накопленной собственности, я очень бы удивился, если бы услышал, как в программе «Как стать миллионером?»: «Вы *заработали* 300 тысяч!» Нет, не заработали! Работа есть работа! Игра есть игра, и Германн в «Пиковой даме» играл в карты, а не трудился вместе со старой графиней, и не на работу бегал в казино Федор Достоевский. У вечно занятой Наташи не видел я бриллиантов на каждом пальце и в отягощенных серьгами ушках! Хотя возможно, что под паркетом ее скромной квартирке таились несметные сокровища в молочных бидонах. Мне кажется, такие программы, как «Давай поженимся», напрочь убивают любовь и больше похожи на базар. – Что наезжаешь на популярную программу, старый козел?! – шепчет мне внутренний голос. – Хочешь жениться на Фатеевой, будучи женатым? Вспомни, как бегал на танцы, чтобы познакомиться, порой получая там по харе от соперников? А как клянчил у друзей компанку хотя бы на часок? – о, эта вечная проблема хаты! Как выискивал девушек на набережных Крыма и Кавказа, на городских пляжах! Как редки были вечера в институтах, где можно было законтачить девочку, как сложно было туда проникнуть! Познакомиться – это большая проблема, не говоря уж о женитьбе. Так что не надо ханжить, дай бог, чтобы хоть некоторым телевидение помогло найти вторую половину, а ты, старче, выключи ящик и опрокинь свой стакан! А о том, что одни деньги не приносят ни покоя, ни счастья, нам уши прожужжали еще классики... Но я все равно возмущаюсь, я сотрясаю воздух, я не выношу публичные показухи и разборки. – Ты не выносишь, а народ их любит – поучает меня проклятый внутренний голос. – Ты что, хочешь, чтобы, измотавшись на работе и на транспорте, человек раскрывал Рильке или слушал Шенберга? Чего ты требуешь от народа, пережившего революции, войны, дефицит, бесконечные малые и большие репрессии? – Я затыкаюсь, народ – это святое...

На самом деле меня больше волнует место наших кинозвезд, включая Наталью Фатееву, в мировом кино. Все охают, когда на экране Лорен, Тейлор, Монро, Бардо, но чем они лучше Орловой, Серовой, Самойловой, Быстрицкой и многих других? Да ничем, просто долгое время мы жили при железном занавесе, и все на Западе казалось сказкой. Да и наша культура отлична от западной, большинство любят душевное, чуть слезливое, хотя некоторым достаточно голых попок и завываний. Если честно, артисты – самая нежная, самая обаятельная профессия, не случайно их часто сравнивают с детьми. Они жаждут славы, они летят в ее обманчивые костры огромной массой и сгорают в беспощадном огне, лишь очень немногие достигают вершин, становятся узнаваемы и раздают автографы толпам поклонников. У большинства – утренние репетиции, возня на кухне, семейные заботы, дети, нехватка денег, вымотанность после спектакля или съемок, подработки на стороне, на елках, в клубах, на корпоративах, на концертных выездах в провинцию и пр. Большинство с годами постепенно уходят в обоз... многие терпят горькое разочарование. Мы стареем вместе с артистами, они – спутники нашей жизни, когда они умирают, нам кажется, что ушла и часть нашей души.

...Мы расставались и не в силах были расстаться. Мой бросок на уик-энд: Москва – Коктебель, там в известном всем приюте литераторов и артистов у Волошина отдыхала Наташа с сыном. Летел, добирался на такси, прибыл поздно вечером, Наташи в корпусе не оказалось, я нервно дожидался ее. И дождался, счастливцев! Маленький Володя спал (нет, не орал: выгони этого мерзкого дядьку!), Наташа приняла меня вполне радостно. Но я спешил обратно в сто-

лицу, общались мы недолго, разок удалось окунуться в море, артистический пляж созерцал нас со сдержанным любопытством – хороший повод для светских пересудов. Горькое окончательное прощание имело место чуть позже в ресторане сада «Эрмитаж». Уже навсегда, какое это бесконечное и тупое слово – «навсегда»! – на наших глазах блестели слезы. И прощай, навек прощай, крутится карусель жизни, пока не остановилась, крутится и крутится шарф голубой, годы превращаются в века и тут же – в мгновенья.

И вот летом 1996 года неожиданный подарок судьбы – и я оказался на кинофестивале «Кинотавр» в Сочи. Курорт еще не пережил всех потрясений 90-х, пляжи пустовали, море не нагрелось, и лишь отдельные смельчаки бороздили воды, уже возникли самодельные шалманчики с мангалом. В гостинице «Жемчужина» я случайно столкнулся с Наташей. Мы опешили, мы удивились, мы обрадовались, мы даже коснулись друг друга щеками, мы вышли к морю. Нам было когда-то по тридцать лет, и увиделись через тридцать. Как живешь? как дела? как здоровье? и прочие банальности. Мы изменились, и весьма. Я, дважды разведенный и счастливо женатый, ушедший в отставку в 1980 году, занимался журналистикой и литературой, о чем мечтал всю жизнь. Наташа тоже разводилась (на особом учете прогрессивной общественности ее возлюбленные), выглядела великолепно и, в отличие от многих пьющих и гулящих, каждое утро совершала чемпионские заплывы в холодных водах.

Так мы и смотрели друг на друга, уже совершенно чужие, словно с разных планет, – легкое любопытство, легкая симпатия, все очень легкое – и только. Серое безмолвное море, визг голодных чаек, сквозной, продувающий ветер, солнце светило надменно и холодно. Все прошло, да что там прошло – пролетело, промелькнуло, промчалось со свистом, как и вся жизнь, все унеслось в грохочущую пропасть времени. Одна надежда, что когда-нибудь в далеком графстве Кент поставят памятник с двумя человечками, пронзенными нежными стрелами Амура.

Усталость

О, дон Антонио, вы совсем не изменились! Сколько мы не виделись? Шесть лет? Нет, я насчитал семь. Неужели вам только шестьдесят два? А эта прекрасная сеньорита, подавшая нам меню, ваша дочь? У вас трое сыновей, ого! Один работает в соседнем баре. Жизнь течет, Антонио, мы медленно, но верно стареем, и что дальше? Помните, как мы напились у вас до чертиков, да еще прихватили с собой три бутылки риохи. Это было белое парфюм? Неужели я тогда любил белое? А тут на пляже великолепно, и ваш ресторанчик великолепен, и вы сами великолепны, дон Антонио... И тут мелодия:

Наутро в город ворвутся танки,
В ночном Мадриде – ни огонька.
И лишь в таверне бушует танго,
Щека к щеке, и в руке рука...

Это басовитый баритон вольнолюбивого Анатолия Головкова перекликается с всхлипами чаек и мерной поступью волн.

Это испанская война, это последнее братство народов против зла, это интербригады, наша помощь республиканцам, самоотверженные добровольцы и, конечно же, венгерский поэт Матэ Залка, писатель Михаил Кольцов, будущий маршал Родион Малиновский, их целая когорта...

Это моя юная вера в победу коммунизма!

Эта вера началась рано, еще во время страшной войны, в барачном доме, там я утягивал почитать Das Kapital у соседа, ни хрена не понимал, но чувствовал свою причастность, свою значительность, я писал папе на фронт, что ненавижу фашистов, я читал у Павла Антокольского: «Мой сын был коммунистом, твой фашистом, мой сын был человек, а твой палач!» И уже в куйбышевской школе в пятидесятые по утрам прибегал к райисполкому, там висела карта Кореи с флажками, показывавшими границы между «нашими» и американцами во время войны в Корее, ах, как я ждал, что мы скинем проклятых янки в море!

Но увы.

В Институте международных отношений, куда я поступил в 1952 году, на меня пали монбланы теории и безукоризненной партийной практики, в этих завалах я долго барахтался, к тому же умер вождь и горели костры яростных споров. Относительное и абсолютное обнищание пролетариата? Абсолютного, пожалуй, нет, а вот относительное... Почему у нас не отмирает государство? Ах, оказывается, оно отмирает путем своего укрепления, да и классовая борьба утихает путем своего обострения. Как только мозги выдерживали эти парадоксальные метаморфозы! Да, да, диалектика, все течет, единство противоположностей, превращение количества в качество.

В разведывательной школе на меня снова обрушились горы марксизма-ленинизма (а ведь так жаждал откровений о разведке, где они, черт побери? А марксизму обучал человек с ласковой фамилией Угрюмов, любивший закусить ливерной), это уже было скучно. Но я постоянно пытался втиснуться в прокрустово ложе теории, заставлял себя поверить в «нового советского человека», в правильность и неизбежность большевистского переворота. Это было ох как мучительно, мозги плавилась от натуги, но юноша изгилялся, но юноша поверил. Зато мировая практика была явно в пользу великой теории: Суэц и героический Насер в Египте, добродушный папаша Нкрума в Гане, менее добродушный Секу Туре в Гвинее, блистательный брат Карно, он же президент Индонезии Сукарно и бесстрашные Че Гевара и Фидель. Мир катился к социализму неясного образца (потом все скурвились, все продались золотому тельцу), везде

шли национально-освободительные войны (помнится, сам вручал на это благое дело фунты некоторым африканцам в Лондоне и Москве, обучал конспирации в здании ЦК).

Из всех учений я вышел во всеоружии, с Лениным в башке и с «наганом» в руке, как писал Маяк. Наступила живая жизнь. Уже в первые дни в разведке меня бросили переводчиком делегации левых лейбористов, визитировавших нашу страну по линии ЦК КПСС. В то время левые еще почитали Маркса, опирались на мощные тред-юнионы и отстаивали «4-й пункт» в программе о непрременной национализации при социализме (где вы теперь, кто вам целует пальцы?). Высокие лбы в международном отделе ЦК учили: имей в виду, что и левые, и коммунисты совсем не похожи на наших коммунистов, не поддавайся на их агитацию. Я и не поддавался, но видел, что они свободные люди. Пьянки в Москве проводились на высокой ноте (я, бедняга, страдал от трезвости и идиотизма тостов наших бонз, которые вынужден был переводить), в Сочи блаженства продолжались. Бешено втирали очки дутыми цифрами и шикарными санаториями для шахтеров (такие были), лейбористы впервые в жизни попали на обследования к врачам (на родине такое могли себе позволить лишь за большие деньги, а тут все бесплатно), последний аккорд – Грузия, где делегация утонула в реках водки с шашлычными берегами. Любимый ЦК обманывал себя, лейбористы своих взглядов не поменяли и коммунистов не возлюбили. Тогда (не впервые) я почувствовал гнусный привкус лжи, хотя веры в светлые идеалы не утратил (или не хотел утратить?).

И снова Голубка, la paloma:
...Не всех, наверно, дождутся дома,
Не всех запомнят, ну а пока –
Благословенна ты, о la paloma,
Вино в бокале, дым табака!

Битвы за Мадрид и Барселону, на Эбро и у Гвадалквивира, бескорыстные добровольцы и в коммунистических интербригадах, и в протроцкистском ПОУЭМе, и среди анархистов Дурутти, силы добра со всего мира против воинствующего фашизма, против Франко, Гитлера и Муссолини. Наверное, последний всплеск, последний крик! Великие Джордж Оруэлл, тогда левак, и Сент-Экзюпери (о, «Маленький принц», я упивался тобою!), писатель Андре Мальро, тоже левак, ставший потом министром у де Голля, американский классик Дос Пассос, сразивший меня своим телеграфно-газетным стилем, и тогда коммунист Артур Кестлер, забравшийся в тыл Франко, где был арестован. Оруэлла я прочитал поздно, а вот Кестлер с его «Слепящей мглой» меня перевернул. Боже, как он описал жуткие процессы 30-х годов, как глубоко он копнул эволюцию старых большевиков, которые ради единства партии давали ложные показания... Сейчас я думаю, что тут художественный вымысел: выбивали зубы, выпускали кишки, калечили жен и детей – вот цена этих показаний! Я возненавидел Сталина, но верил в Идею, клюнул на тезис о «попрании ленинских принципов». Ленин политиком был мощным, философом нулевым, менял взгляды на ходу, совершив переворот, тут же в «Государство и революция», превратил его в заветы Маркса, после Кронштадта и Тамбова (о, эти записочки сподвижникам с требованиями «расстрелять!»), правда засомневался и провозгласил НЭП.

В Англии я работал с двумя добровольными участниками Гражданской войны, оба занимали солидное место в английском истеблишменте (хотя и слева), один любил Троцкого и выпить, отличался авантюризмом, со вздохом вспоминал испанскую эпопею, и особенно как однажды повар сварил им на обед кошку. Другой был осторожнее, посматривал на меня, мальчишку, снисходительно, особенно когда я детализировал с ним связь через тайники, он прошел в Испании через самое жаркое время и еле уцелел. Английских коммунистов оба не любили и презирали (честно говоря, я коммунистов не знал, ведь с ними нам в разведке запрещалось работать, дабы не скомпрометировать, не дай бог, великую идею), как-то летел я рядом с чле-

ном ЦК КП Великобритании, он возвращался из цековского санатория в Сочи, курил кубинскую сигару и говорил о мире во всем мире. Но мои два героя были честными людьми, я преклоняюсь перед ними...

А наши добровольцы? Командующий противовоздушной обороной Мадрида генерал Дуглас, он же Яков Смушкевич, товарищ Пабло, он же генерал Дмитрий Павлов, начальник танковой бригады у республиканцев, оба получившие Героев Советского Союза, оба безжалостно расстрелянные хитроумным тираном. Я буквально дышал Хемингуэем, я бредил его «По ком звонит колокол» с проникновенным эпиграфом из Джона Донна: «Нет человека, который был бы как Остров, сам по себе, каждый человек есть часть Материка, часть Суши; и если волной снесёт в море береговой Утёс, меньше станет Европа, и так же, если смочит край мыса или разрушит Замок твой или друга твоего; смерть каждого Человека умаляет и меня, ибо я един со всем Человечеством, а потому не спрашивай, по ком звонит колокол: он звонит по Тебе». Разве это не коммунизм? Верю в эти слова и ныне. На квартирке у одного киношника, глотая стаканами портягу, поминали генерала-осетина Хаджи Мамсурова, замначальника ГРУ Генштаба, а в Испании военного советника анархиста Дурутти, «полковника Ксанти» и диверсанта, с ним и Романом Карменом Хем провел пару дней и выписал потом своего грустного подрывника Роберта Джордана.

Испанская трагедия осталась в сердце навсегда, а вот вера в коммунизм пошатнулась, да, пожалуй, не столько само учение, сколько печально-гнусная практика любимой партии. Развивалось все медленно, как у Горбачева, который в результате возненавидел свою партию. Сейчас дикими кажутся тогдашние лозунги «Партия наш рулевой», абракадабра «Коммунизм – это советская власть плюс электрификация всей страны», все эти «новое мышление» и «ускорение» – бред сивой кобылы. Но испанская война не исчезла, и сердце замирало, когда слышал светловскую «Гренаду» про хлопца, который «землю оставил, пошел умирать, чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать». Написано задолго до войны между республиканцами и франкистами, и ближе мне больше, чем наши рок-группы и пережравшие олигархи, считающие себя «солью земли».

Наше смутное время Горбачева и Ельцина останется в истории как великое, до сих пор чудом кажется, что удалось свалить такой жестокий и тупой режим, как власть советов. Ценой фатальных ошибок и вопиющих глупостей, ценой жульнической приватизации и развала СССР. Это счастье, что не случилось гражданской войны... Я поддерживал реформаторов, хотя и видел их ограниченность, демократическое движение развивалось контрастом к скуке мертвящего режима Брежнева – Андропова, к каменным мордам в президиумах, ко лжи о бесконечных достижениях, а уж коммунистическими идеалами в КПСС и не пахло. После отставки мне удалось прикрепиться к парторганизации в АПН (там над Московскими новостями трудился под этой крышей наш коллектив, строчивший тезисы для активных мероприятий разведки), но после бегства предателя Гордиевского, видимо, я угодил в число неугодных, посему был переведен в парторганизацию по месту жительства. После не слишком мучительных разводов и разменов мы с Татьяной оказались в уютной квартирке на улице Готвальда (ныне Чайнова), во дворе дома композиторов с живописной помойкой и мужиками, режущимися в домино. Сей дом попадал в партийную орбиту вместе с известным домом, где тогда жили Ельцин и многие номенклатурщики. В этой парторганизации меня даже назначили замом по идеологии, там я яростно выступал в защиту перестройки, иногда пугая некоторых старых партийцев. В 1989 году я уже не чувствовал себя коммунистом, хранить билет (то ли на вечную память, то ли на всякий случай) я не стал и честно сдал его и вышел из партии. Но наши победы при коммунистах не исчезли из моего сердца.

Благословенна ты, o la paloma,
Вино в бокале...

Мы сидим в уютном ресторанчике на Коста-Брава с моим приятелем Мигелем, сыном испанских эмигрантов, ныне солидным журналистом. Он вырос в России, он на себе прочувствовал советский режим, он и сейчас работает в Москве и живет на два дома. Городишко Святого Феликса очарователен, почти прямо у нашего носа по желтому песку бродит альбатрос, он весьма зажил и, наверное, не читал нашего «Буревестника», который гордо реял над морем. Я бросаю ему крошки, и он радостно их поклевывает. На курортах идет к концу летний сезон, большинство ставен в домах и модных кондоминиумах наглухо опущены. Рядом красавец отель «Ла Гавина» («Чайка»), в котором любил останавливаться диктатор Франко, вдоль моря тянется меж скал, оседланных живописными виллами, извилистая тропа, на ней можно жить и умереть. Альбатрос все бродит и бродит (что он там нашел среди песчинок? что-то драгоценное, невидимое нашему глазу?), добрый, жирный альбатрос... Гражданская война осталась где-то в закоулках истории, народ не бедствует, но и не жирует (кроме богачей), жизнь прекрасна, особенно когда нежное море и столь же ласковое солнце. Гражданская война... Мигель рассказывает, что, оказывается, мудрецы Сталин и Ворошилов разбирались в хозрасчете и аккуратно подсчитывали все советские расходы на Испанию. Как известно, с согласия испанцев в СССР с помощью разведки НКВД было вывезено в Союз испанское золото. Представляю, как оба вождя мусолили карандаши и вычитали из этого золота командировочные и отпускные нашим добровольцам, не говоря уже о военной технике. Очень разумно, говорят мне, откуда деньги у бедной Страны Советов? Наверное, разумно, разве американский ленд-лиз обошелся нам бесплатно? Но мне почему-то противно, словно измазали дерьмом, слава богу, что этого не знали герои-добровольцы – может, их и расстреливали за счет испанского золота?

Хорошо, что кончилась Гражданская война, почил Франко, появились прогрессивный король и демократия и, в конце концов, всё образовалось. Но куда делось единение сил добра против сил зла? Где великие писатели и ученые, открыто выступающие против войны? Куда ты исчез, прошлогодний снег? Что происходит с моими мозгами? Или в них усталость народа, побывавшего в мясорубке репрессий и огне войны, в постоянной нужде и неодолимом страхе?

Толстяк-буревестник бродит и бродит по песку, выскивая лакомые кусочки.

Гитарой, басом и мандолиной
Поют на сцене три старика,
Спитые лица, кривые спины,
И к черту Франко! и жизнь легка!
Рот Фронт, старики! жизнь и танго прекрасны!
Прекрасны всегда и везде.

Альбатрос тяжело поднял крылья и неохотно взлетел.

Как писал итальянец Иньяцио Силоне, «в результате в мире останутся только коммунисты и бывшие коммунисты».

Рреволюция. Похмельный рассказ

*«Говно может вылиться на улицы Москвы.
С той разницей, что запахи у нас гораздо хуже».*

*Андрей Бильжо о том, как он приватизировал Венецию
Журнал Story, ноябрь 2015*

– Архиважный вопрос, – сказал Владимир Ильич. – Но подходик беспринципный и внеклассовый. Так на него могут смотреть только либерасты! – И потер ручки.

– Абсолютно верно, Владимир Ильич! – воскликнул Троцкий. – Одно дело говно обуржуазившегося венецианского гондольера, а другое дело говно сраного русского мужика. – И поднял пальчик.

– Но нельзя забывать о национальных особенностях говна. Например, грузинское говно очень специфично на вкус, – заметил товарищ Сталин и закурил трубку.

– Но, товарищи, – вступил я. – Давайте спустимся на землю, иначе оторветесь от народа, как Герцен и примкнувший к нему Огарев. У нас серьезный вопрос: о Революции.

Я – это Михаил Ходорковский. А сам подумал: ведь и эту революцию прокакают, как Февральскую. Ведь вроде бы и прозорлив Ильич, но перед Февральской вещал, что не видать современникам революции, а тут она и грянула...

– Дорогой Мисаил, вы наш Парвус! – сказал Лев Давидович. – Надо опираться на реальность. Государь наш, император кровавый (тут он иронически скривил губы), сидит крепко, рейтинг у него заоблачный, механизм отлажен.

– Да разве в этом дело, Левушка? – прервал его Сталин. – Перед Николашкой, едри его в сациви, в четырнадцатом году тоже народ на коленях стоял, сопливился, поддерживал начало войны. А кончилось расстрелом в Ипатьевском доме. Рейтинг – дело наживное.

– Да кто спорит, Кобушка? – поморщился Троцкий.

– Вот я и говорю, что раскачивать лодку нужно начать мирно, с уговоров уйти спокойно, без крови. Помнишь, Гучков с Родзянко спокойно явились в вагон к царю, наговорили, запугали – он сдуру и отрекся! Надо выбрать удачный момент...

А ведь прав старик Давидович! Попробуй государя императора отловить, если он все время то в небесах с ангелами, то в клетке с уссурийскими тиграми, то в батискафе на дне морском с русалками, то войну затеет, то мир заключит, то во вторую столицу Сочи махнет, то в ООН речь толкнет. И всегда с народом!

– Так кого пошлем на переговоры с государем? – спросил я. Все глубоко задумались. Видные люди заняты на дебатах, особенно думцы. То у Пети Толстого, то у Вовы Соловьева.

– Можно мне слово, товарищ Ходорковский? – спросил Коба и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Предлагаю послать Жирика и Зюгу. Первый даже черту зубы заговорит, а товарищ Зюга ученостью тряхнет, о марксизме-ленинизме напомнит, на дальнобойщиков намекнет и, конечно же, заручится поддержкой православной церкви, церетели ему в печень! Все-таки Коба умен и хитер, хотя и тиран, знает, кого отправить на казнь. Жирика тут же бросят в президенты Биробиджана, а партию Зюганова вольют в «Единую Россию», тем паче, что разницы почти никакой. Конечно, императора на мякине не возьмешь, это не Николаша, который тут же заметался, задергался и – ах! – отрекся. Этот может использовать восточные единоборства и с ходу врезать обоим. Или всей Думе урезать зарплату. К тому же армия у него под контролем, гвардия своя, и Западом он крутить умеет. Великого Обаму чуть не схарчил, а после выборов наверняка Клинтоншу охмурит (знает, что любит ее муженек), как Кабаеву и

прочих несчастных матерей. В Германии у него полный короб агентуры, к тому же он – единственный из мировых лидеров – кумекает по-немецки с саксонским акцентом. А как он умеет сблизиться с народом! Тут интеллигентки до сих пор хохочут над «мочить в сортире», всё думают своим Мандельштамом народ привлечь, а он вдруг – бац! – и о ленинградской улице заговорил. Народ взбодрился, забыл об олигархах вокруг, об озерном кооперативе, о стае хищных Чаек, о коррупции и прочем – парень ведь наш в стельку, эх бы сейчас матюжком пульнул, да позакovyристей...

– Конечно, он пошлет всех подальше и говорить с ними не будет, – молвил Троцкий. – Дождик уйдет в землю и в бурю не превратится. Что же тогда нам делать? Мы далеко, за бугром, в своих жалких коттеджах тяжело страдаем от безумного режима. Нам изнутри нужно копать, нам бы самим сюда на Сенатскую площадь...

– Пожалуй, вы правы, Лев Давидович, это детская болезнь левизны, прямой наскок! – сказал Ильич. – Не будем буржуазными догматиками, как проклятые Мах и Авенариус, сделаем шаг вперед, два шага назад, а потом подумаем, как реорганизовать Рабкрин. Наши почтенные парламентарии попросят императора не отречься, а перенести столицу в Санкт-Петербург. Как вам это понравится? (Я даже не удивился этому кульбиту – после того как Ленин сначала подерживал, а потом разогнал Учредительное собрание, эта идея выглядела детским садом.)

– Архиконгениально, хинкали им в рот! – сказал Сталин. – Нет таких крепостей, которые не могут взять большевики! Ленинград – это ахиллесова пята императора, это его душа (ему, душегубу, только о душе и балаболить, подумал я). Все главные путята (возьмем этот термин на вооружение, очень нежно, почти так же Коба называл Бухарина – «наш Бухарчик») родом из управления УКГБ по Ленинграду и Ленинградской области, что на Литейном, некоторые даже сидели в одном кабинете спина к спине, из-за нехватки стульев цапались. Загадочный Иванов, дальновидный Сечин, отец русского парламентаризма Нарышкин, мудрейший Патрушев, не говоря уж о пронциательном Бортникове, которому даже Бенкендорф в подметки не годится. Все интеллигентнейшие люди обзавелись научными диссертациями (часто не собственного сочинения, но это мелочи с большевистской точки зрения), аплодировали «Мещанам» у Товстоногова (хотя о них поставлено), не дали властному секретарю обкома Григорию Романову разбить в пьянках всю царскую посуду, поставили во главе Питера нашу любимую Валентину Матвиенко, правда, ей еще надо дорасти до Розочки Землячки, люля-кебаб ей в качель! Все эти классные ребята тоже с ленинградской улицы, бегали по ней голожопыми пацанятами, истинные патриоты! Ну разве они не поддержат перенос столицы в свой родимый город? К тому же вся Россия ненавидит Москву, высосавшую из страны все соки!

– М-да, – подумал я. – Умен все же Коба, далеко смотрит! А потом их всех одним арканом раз-два! Раз-два!

– И что дальше? На этом и остановимся? – удивился Троцкий.

– Не спешите, Лев Давидович! – продолжал Ильич. – Наша задача – въехать в Россию. Но каким образом вы въедете в эту далекую, вонючую, как ходоки, Москву? Авиасообщение из-за терроризма скоро отменят, остается поезд. Легко сказать. Батяка Лука – мужик капризный, может в проезде и отказать, Украина – отрезанный ломоть, там все бурлит, Запад уже боится наплыва украинских беженцев. Это вам не добропорядочные пацаны из ИГИЛ, эти хохлы наводнят Европу и будут плодиться, как кролики, назло мусульманам. Будут попрошайничать, шантажировать, выкачивать, вымаливать. Со временем Запад будет умолять взять хохлов обратно! С приличной доплатой. Но они все пропьют, проживут, даже сала на Украине не оставят. А за проезд через их территорию сдерут столько, что наша казна опустеет. Только через Финляндию или Прибалтику! А дальше все проще пареной репы: въезжают Михал Борисович, весь лондонский олигархат во главе с Абрамовичем, все объявленные в розыск воры. На Финляндском вокзале на деньги госдепа встречают Чубайс, все правозащитники, естественно,

американский посол, Венедиктов с вернувшейся в лоно Лесей. На каждом углу бесплатно раздают пирожки, всеобщее ликование... любимица народа Нуланд...

Коба улыбнулся, но промолчал. Хитер старик, подумал я, конечно, часть тут же отравят полонием в ФСБ, остальных перевербуют, перекрасят в депутатов и направят в Европейский парламент для окончательного подрыва единой Европы.

Все напряженно смотрели Ленину в рот, Троцкий уже рвался толкнуть речь. Ильич, большой тактик и стратег, умеет все на ходу поменять, перепутать, позабыть, вспомнить, переиначить и поставить с ног на голову.

– Что же дальше? – вскричали все. – А дальше все каются, рвут на себе волосы, – вещал Ленин, – признают свои ошибки, возвращают украденные миллиарды, сдают расписки о сотрудничестве с ЦРУ. Император в восторге, народ льет слезы умиления, Запад блаженствует. Кто посмеет поднять руку на этих раскаявшихся людей? На их соборность?! Сейчас и так со всеми странами отношения жуткие, а тут... Да если хоть волос у вас, Михаил Борисович, упадет, нефть рухнет до нуля, люди начнут умирать без западных лекарств, острый дефицит всего, народ взвост и прекратит пить водку. Уверяю вас, в этой обстановке даже великий жрец Проханов вынужден будет подобно Рафаэлю Павленскому, прибить к брусчатке это самое... как эти шарики называются? ... мне Инесса однажды о них рассказывала...

Пожалуй, Ильич, как всегда, прав, подумал я. Далеко смотрит. Покаемся! Как он учит: все обещания – лишь корка пирога, которая ломается, когда его съедают. Дырка от бублика. Понятно. Я поднял руку.

– Владимир Ильич, теперь о захвате власти. Согласно вашему учению, атакуем банки, вокзалы, Кремль и другие стратегические объекты?

– Все вам банки покоя не дают, Михаил Борисович. Неужели вам мало? На вокзалах вы только бомжей напугаете. А кого из элиты вы в Кремле застанете? Они скорее в мой мавзолей пойдут. Министры кто в Сочи, кто в Барвихе, кто в Швейцарии, но если их искать в Москве, то только в публичных домах! Но домов-то тьма, охватить всю массу мы не сможем, ergo: самый правильный путь – захват телевидения. Это главный и единственный объект! Если подумать, телевидение уже давно стало нашим правителем. Кто владеет телевидением, тот имеет и власть. Nota bene: захват телевидения, как Зимнего! Под танец маленьких лебедей!

– Танец маленьких лошадей, Сулико им по ушам! – пошутил Сталин.

– А что со свергнутыми делать будем? – спросил я. Тут начался дикий галдеж. – Царя с Димоном в одиночку, пусть там вдвоем смотрят «Два бойца» без собаки!!

– Нюрнбергский процесс!

– Га-га-га-га! В Гаагу на эшафот!

Пришлось вмешаться мне:

– Это неполиткорректно, господа! Что скажет ООН? Предлагаю отправить их в Крым. Превратить его в остров, все вокруг окопать («Копать глубже, хоть до Антарктиды!» – сказал Троцкий. «Мы им и лодочку предоставим... с Хароном!» – шутканул Сталин), электричество только с Украины. Пусть организуют кооператив Озерки-2, ловят родную барабульку, сдают ЕГЭ под началом великого экс-министра образования Ливанова, утраивают ВВП, повышают материнский капитал, сдают на ГТО, повышают цены на нефть, снижают на бензин...

– Вы наивны, товарищи, – перебил Ильич. – Они же на этом не успокоятся. Императора нужно чем-то серьезно увлечь, он натура деятельная. Он же будет комплоты строить почище, чем НАТО!

– Предлагаю поставить его во главе Олимпийских игр и проводить их круглогодично, ежедневно, без выходных! – сказал Сталин. – Пусть он покрутится, серпом ему по кинзе! Вместе с Мутко!

– А Димона все же отправить в международный суд в Гааге! – заорал Троцкий. – Вместе со всей «Единой Россией»!

Господи, боже мой, подумал я, что он несет? Они же заделают всю цветущую Голландию, не только Гаагу. И не отведают тогда свежесоленных селедочек прямо на берегу моря... все сожрут, выпьют и засрут. Но Димон должен отмотать свое, он ведь как Фунт в «Рогах и копытах» у Бендера, такова судьба русского интеллигента...

Ильич сбросил пиджачок, запустил по привычке пальчики под жилет и прошелся по комнате. Все мы пристально следили за каждым его движением.

– На телевидении никаких новостей, только «Модный приговор», «Давай поженимся» и Петросян.

– Не забыть Розенбаума с антисемитами-казаками, это подзадорит, – сказал Коба. – И пусть обязательно один вякнет будто бы случайно из зала: «Жидовская морда».

Троцкий скривился. Владимир Ильич улыбнулся и продолжал:

– Весь народ охвачен счастьем свободы, он ликует, олигархи и фермеры целуют друг друга в уста – тут необходимо обеспечить эффективность правительственных заявлений через телевидение. Нужно срочно найти хорошо пахнущего козла на роль телеведущего и обучить его человеческому языку! Народ не оторвется от экрана! – продолжал Ильич.

– Зачем обижать телевидение, товарищи? – развел руками Сталин. – У нас там и так хватает козлов, которые фору дадут самым умным. И надо больше игр поглупее. С приличными призами. Только без Диброва и Пельша – они зажрались, начитались классики, а нам нужны законченные идиоты... Но не слишком ли мы спешим? Все же сначала нужно сформировать правительство, ведь кадры решают все.

– Извините, господа, – сказал я. – Но президентом буду я. Предвижу возражения: темное комсомольское прошлое, финансовые махинации, разные там убийства. Но все это перевешивает тюрьма! В России обожают сидельцев. Собственно, все вы, господа, отсидели свое в царских застенках. Все министерства распускаем, рынок все сам расставит по местам, как учил Гайдар. Оставим только Министерство Взаимного Восхищения.

– По-нашему ЧК-ОГПУ! – крикнул Сталин. – Но кого назначить шефом? Познера? Он подходит, но слишком груб и улыбка не дотягивает до Игоря Верника. Депардьё? Пропьет всю Лубянку. Киркоров? Очень хорош. В конце концов, пел же Нерон перед сенатом...

– Ерунда! – бросил Ильич. – Тут нужна нежная женская ручка.

– Предлагаю Ксюху – Золотой Лобок России! – сказал я.

– У нас в медиа сплошь талантливые золотые лобки, не суйте вашу кротиху из императорских нор! – возмутились все. – И Ксюх у нас вагон!

– Машу Распутину! – сказал Ленин жестко. – И народу спокойно, и императору приятно, все же отголосок его фамилии. Нет опыта? А у вас, Лев Давидович, был опыт, когда вы Красную армию создавали? А у террориста Бориса Савинкова, убийцы Плеве, был, когда он стал военным министром? Кстати, у Маши революционного и эволюционного опыта побольше для этой работы, чем даже у Железного Феликса. Если думать диалектически, по Гегелю.

– Ну а как же Россия? – спросил я.

– Какая еще там Россия?! – удивился Ильич. – Главное – ввязаться в дгачку! – Подали фазанчиков в перепелином соусе а-ля Семашко, водочку в запотевших графинах.

– Ну а как мы решим насчет говна, товарищи? (Это Коба, конечно.)

– Что ты все со своим говном лезешь? Чего говнишься, говно ты немытое? – взорвался Троцкий.

– А ты своим жидовским ебалом не нюхай! – парировал Сталин. – Да, мы пока говно немытое, но при диктатуре пролетариата и коммунизме каждый трудящийся будет получать свою порцию отлично вымытого говна.

За это и выпили.

Кукушка

*И будем мы судимы – знай –
Одною мерою.
И будет нам обоим – рай,
В который – верую!*

Марина Цветаева

Ровно в шесть тридцать вечера товарищ Микки любящими руками молодого отца вынул из кровати сына, хорошо завернул дитя в одеяло, снес в коляску, стоявшую внутри подъезда, и выкатил ее на ярко освещенную Кенсингтон Хай-стрит. Гордо выпятив грудь и обзрев все вокруг, Микки покатил коляску по «зебре», не удостоивая взглядом застывшие машины (мелькнула жуткая мысль, что на родине уже валялся бы под колесами), въехал в Холланд-парк и начал кружить по нему вместе с безучастным сыном, еще не обретшим боевой дух после сна. Около Холланд-Хауса, особняка в тюдоровом стиле – граф Холланд сочувствовал Наполеону и даже построил казармы для французских солдат на случай захвата Лондона (предусмотрительность патриота?), – на Earl's Terrace ныне жили советские дипломаты. Старлей могущественной советской разведки Микки присел на скамью, нежно посмотрел на сына и поправил одеяльце, тайком взглянув на часы. Минута в минуту из-за старых лип вынырнула взволнованная жена разведчика, красавица, верный друг и помощник, и твердой походкой богини Дианы на охоте направилась к мужу по усеянной листьями аллее.

Английской наружки не хватало не только на жен, но и на самих разведчиков, и потому жен частенько использовали для прикрытия операций. Движение с коляской несуетливо и невинно: можно поставить или снять сигнал, начертанный мелом на завезенном из Азии кипарисе, или поднять контейнер – смятую пачку «Ротмэна», пролетевшую мимо урны, еще удобнее тянуть несколько колясок с целым выводком соседских детей. Но на этот раз коляска призвана была ублажать наружку – какой же идиот потянется за отцом семейства с коляской? Хитроумный Микки поцеловал жену («Буду поздно, ложись спать», – сказано было тем самым голосом, который заставляет женщину трепетать и представлять мужа у вражеского дота с гранатой в руке), вышел через парк к метро, проехал до Оксфорд-Серкус, сделал несколько пересадок и вскоре очутился недалеко от Кариендарс-парк, где в машине его ожидал другой ас – товарищ Павел (увы, еще не апостол!). Далее начинались кульбиты, сальто мортале и прочие коленца, дабы выявить вездесущий и столь часто видимый «хвост», затем оставили машину на тихой стоянке около уже опустевшего супермаркета, погрузились в автобус, поменяли его на другой, уже не двухэтажный, а «зеленой линии», пешком пересекли железную дорогу (переезда для машин там не было, что делать сыщикам?) и вскоре счастливые вышли в богом забытом районе, куда даже гангстеры не залетали – одни психи и шпионы.

– Тебе крупно повезло, – говорил возвращавшийся вскоре на родину Павел. – Взять на связь Кукушку – это великая честь. Ты знаешь, что во время войны, когда ее муж работал в госдепе, Сталин не начинал рабочего дня без ее донесений?

– Это было так давно, старик...

– Чудак, они оба получили по ордену Ленина, с нею работали только резиденты! (Значит, буду на особом контроле, каррамба!)

– Что-то ты ничего не получил. (Павла передернуло.)

– Если бы муж был жив... если бы она была помоложе. (И ты был бы поживее.)

– Тогда наверняка ее взял бы у тебя на связь сам резидент, у него нет ордена Ленина. (Ядовит был Микки, не любил вылезать из постели рано и гулять с сыном.)

Жидко светили газовые фонари, вокруг было пустынно и безмолвно, только звуки шагов, только невзрачные дома с задернутыми шторами – не хватало собаки Баскервилей и профессора Мориарти. Из-за угла выползла тощая фигура, закутанная в плащ, она подходила все ближе и ближе.

– Познакомьтесь, это Себастьян, – церемонно представил Павел Микки. – А это Мерилин.

Из-под очков глянули чуть навывкате глаза, шевельнулась улыбка, под плащом зябко дрогнули угловатые плечи. Вдруг заревел мотор, на улицу вылетела полицейская машина, двое, чуть притормозив, повернули головы, однако не сочли странную тройку закоренелыми преступниками, видимо, приняли за местных пьянчуг, кочевавших из паба в паб (кстати, на пьяниц они и походили).

– Может, выпьем по джинну с тоником? – предложила Мерилин.

– Не надо толкаться среди англичан и привлекать внимание, я вас хотел только познакомиться, – сказал Павел. – Прощайте, Мерилин, я отбываю. Себастьян – надежный друг, надеюсь, вы поладите.

И он растворился во мгле, как Мефистофель, подаривший Гретхен Фаусту. Все это называлось передачей агента на связь и имело целью избежать явки с опознавательными знаками в виде зонтика с бамбуковой ручкой или фикуса в петлице. С минуту еще пошептались, договорились на будущее и разбежались в стороны, как мыши, преследуемые обезумевшим котом. Павел подждал Микки в обусловленном месте. Домой добирались долго и снова проверялись: вдруг Кукушка притащила за собой «хвост», который радостно вцепился в нас? А полиция? И именно в момент контакта!

– Ты не смотри на то, что она на вид хрупкая и в очках, – разъяснил товарищ Павел, – воля у нее потрясающая, неудивительно, что она взяла за рога своего мужа и живо завербовала!

– Он был коммунистом?

– Что ты! Настоящий госдепонец, но антифашист! Шуточка ли – завербовать мужа на иностранную разведку. Так что ты взял на связь очень ценного агента...

– Но как эту старушеницу использовать?

– Пойми, старик, что надежному человеку в разведке всегда можно найти применение, все зависит от тебя.

– Что-то ты ее использовал все по мелочи: конспиративный адрес, установка личности...

– Это тоже дело...

– Но отнюдь не высший пилотаж, мне же и шеф, и ты преподносите эту даму как дорогой подарок!

Но дело было сделано. Кукушка вскоре явилась в польский ресторан «У Любы», где кормили борщом а-ля граф Юсупов и мясом а-ля граф Строганов – аристократы, наверное, трясли кулаками из могил, ибо даже гитарист с набриолиненным чубом, наявивавший «Очи черные», не мог скрасить всего убожества кухни.

Первая агентурная встреча требует нежности, как первое свидание, только полные идиоты с ходу обсуждают дела. Первая встреча – это дружелюбная атмосфера, это – наведение мостов, это – ключ к будущему, что весьма непросто, если невозможно разжевать бефстроганов и кусок подошвы попал к тому же в больной зуб, сейчас бы зубочистку, но эти шляхтичи – хамье и выжиги, зубочистки на стол не ставят и наверняка нагреют при расчете. Боже, как болит зуб, а вдруг он еще и попахивает. Что скажет дама? Хорошо, что предусмотрительный Микки облился туалетной водой «Олд спайс», хотя сказано слишком сильно, не облился, а слегка смочил щеки и волосы за ушами, ибо одеколон стоил бешеных денег, а семья копила на западногерманский магнитофон.

Мерилин налегла на зеленые бобы и салат, а Микки глядел на героиню, уже переступившую пенсионный возраст, и думал, что с ней делать: ведь не пристроить в таком возрасте на вожделенное местечко в Форин Оффис или в Министерство обороны. Может, использовать орденоску для слежки за подозрительными субъектами, но ведь обидится, еще депешу с жалобой передаст в Москву! А может, не суетиться и просто использовать ее адрес для получения секретных писем, написанных лимонным соком, с проявлением при помощи горячего утюга.

Да, жить одной трудно, много внимания требует сын, кончавший школу, молодежь сейчас пошла другая, о будущем не думает, то ли дело наше поколение, уже в юности вошедшее в классовую борьбу... Паршивец-официант все крутился рядом, вообще лучше не ходить в эмигрантские рестораны, тут каждый второй – агент контрразведки, что делать с этой орденоской? Предложить Центру списать ее в архив. Ха-ха. Высекут и добавят, что лишь ценный агент попал из рук умного апостола Павла в длани глупого товарища Микки, как все дело пошло насмарку. Хватит думать об этой Мерилин (это уже на пути домой), проклятый зуб (тут уже можно было вдоволь поковырять спичкой), все обойдется, все это чепуха, шлифуй свой стих, старлей, когда-нибудь опубликуешь. Что-то Центр задерживает «капитана», вот гады!

Парк, вычерченный четко, как чертеж,
Чернел, укрывшись под чадрую ливня,
И лилии вытягивались в линии,
И в листьях перекатывалась дрожь.
Как грустно мне под фонарями газовыми
Всю эту сырость своим теплом забрасывать
И наблюдать с унылою гримасою,
Как догорает третий час камин...
Не пахнут для меня цветы газонные,
Не привлекают леди невесомые,
И джентльмены, мудрые и сонные,
Меня вогнали в англо-русский сплин.
И я уже фунты тайком считаю,
Лью сливки в чай и биржу изучаю,
И я уже по-аглицки скучаю,
Устало добавляю в виски лед.
Английский кот внизу разлегся барином,
И шелестит в руках газета «Гардиан»,
И хочется взять зонтик продырявленный
И в клуб брести как прогоревший лорд.
Но угли вспыхнут ярко и растерянно,
О Боже, как душа моя рассеянна!
С ума сойти от этого огня!
Там белые снежинки загораются,
Там черти пляшут и века смещаются,
И стынет в пепле молодость моя.

Когда-нибудь, когда-нибудь опубликую, а пока что же, черт побери, делать с этой Кукушкой, куда ее пристроить?

Родной полуподвал на Эрлс-Террас, супруга, подобно преданной Пенелопе, не спала и штопала носок (экономили еще как!), рванул стакан цинандали, присланного из Москвы, временами кричало дитя, опять бессонница, Гомер, тугие паруса, жена быстро заснула, намаялась

с дитятей. У этой старушенции Мерилин голубые глаза, в молодости, наверное, была красавицей...

Но бесперспективна.

Думай, думай, нет таких крепостей, которыми не могли бы овладеть большевики. И бедный Микки не спал и думал, он представлял, как Мерилин вербовала своего супруга-штатника, как горели голубым пламенем ее глаза. «В результате Мейер согласился помогать силам, выступающим за мир и против фашизма» (это из справки Центра). Как происходила вербовка? За чтением газет в кресле у камина? Ночью в постели, когда уже потушен свет? Или во время... не кощунствуй, засранец! Или после ужина (филе камбалы с брюссельской капустой) под звон льда в стакане, холодившем и без того холодные руки. «Питер, у меня серьезный разговор». – «Слушаю, милая!» – «Мне для статьи нужна информация о конфликте в американской администрации». – «Попробуй, собери!» (Хмык.) – «Я хочу, чтобы ты помог, ты же кое-что получаешь...» (Глоток джина.) – «Но ты ведь знаешь, что это секретно, об этом нельзя писать...» – «Я не буду писать об этом, но использую для своей статьи, никто и не догадается...»

Глухое молчание. Или смешок. Или крик: да ты спятила! Я что, шпион? Закон жизни, политики и разведки: с течением времени человек привыкает ко всему и, конечно же, к шпионству, человек привыкает ко всему, даже к смерти. Вскоре он уже консультировал ее, и считал это в порядке вещей. «Что тебе терять время на консультации? Принеси документы, я прочитаю и сделаю выписки. Утром унесешь!» – «Но их могут хватиться!» – «Хорошо, давай сделаем это в обед...» Сигарета за сигаретой, вой машин, бой часов, лай собаки, стук лифта, грохот двери. «Принес?» – «Да, да, я пообедаю сам, а ты читай!» Громыханье тарелок. Скрип табуретки. Кукушка фотографировала «миноксом», положив документы на сиденье стула, она держала камеру на спинке, лицо горело от вдохновения, голубые глаза светились счастьем.

Резолюция Центра: «В целях более надежного обеспечения безопасности следует перевербовать мужа непосредственно на нашу службу» – работать напрямую надежнее, жены бывают капризны и вздорны, даже если они борются за великое дело коммунизма.

«Милый, у меня есть товарищ, который очень хочет с тобой познакомиться!» – «Это еще кто?» – «Не ревнуй, это идейный друг...» – «Друг? Откуда?» – «Один советский журналист... симпатяга». Перевербовали. И закончена песня. Или проще: хорошо выпили, предались любви. «Послушай, есть шанс сделать хороший бизнес. Что, если я познакомлю тебя с моим русским другом? (Давным-давно рассказала о связи с нами в нарушение всех догм конспирации.) Обещают полторы тысячи в месяц...» – «Идет!»

Микки заскрипел на кровати, жена тяжело вздохнула, проснулась и с ненавистью прошипела, что она и так целыми днями с ребенком и почти не спит, и если Микки не перестанет скрипеть, то она плюнет на Лондон, на всю эту мерзостную службу (одни рожи чего стоят!) и уедет с сыном к маме на Тракайские озера под Вильнюс. Напуганный старлей быстренько превратился в ангела, осторожно выполз из постели, набросил шерстяной клетчатый халат (точно такой носил гомосексуальный владелец замка в фильме Висконти) и поплелся на кухню.

С этой парой работали серьезные ребята, иных уж нет, а те далече, иных расстреляли или выгнали, иные спились, в справке о Мерилин, которую он читал в микроленке через специальный аппарат, мелькали клички. Военные и послевоенные Томы, Грегори, Энтони постепенно уступали место солидным Томовым, Григорьевым, Антоновым, оно было спокойнее, не дай бог, обвинят в космополитизме, выпить, что ли? Ни в коем случае, надо следить за здоровьем. Выпил валерьянки, вполз обратно в постель («Развел вонь!» – проворчала супруга героя и тут же заснула), и уже проваливаясь, уже когда окутывало тепло: а почему бы не использовать сына Кукушки? Гениально. Конгениально! Не забыть бы, надо записать...

И заскрипел, как слон в клетке, упертый задом во все стороны.

– Вот что, милый, – проснулась жена. – Хватит! Самолет в Москву улетает через два дня. Ты думаешь только о себе, ты эгоист, и на нас тебе глубоко наплевать!

И заснула. Спи, милая, ты не знаешь, как я счастлив! Совершенно голый, как будто и не сотрудник мощной организации и не выдающийся старлей, на цыпочках вышел он в кухню, достав из ванной полотенце, дабы прикрыть срам, если вдруг из комнаты напротив выйдет в туалет соседка (жили в коммуналке, не отрывались от родной действительности). Спасибо, мысль, что ты иногда есть. Откуда все идет? От французского генерала Лиотэ, который объяснял садовнику, что мощные дубы появлялись не с неба, их нужно сажать заранее, лет за сто, а потом лелеять и холить, пока они не превратятся в украшение и гордость парка и всей нации. Именно так и появилась великолепная «кембриджская пятерка»! Ким Филби, Гай Берджесс и другие студенты, бывшие ничем для разведки. Вот оно, то самое, ленинское звено, за которое можно вытянуть всю цепь, и виделась мама Рамона Меркадера, надежная агентесса ОГПУ-НКВД, уговорившая своего сына прикончить Льва Троцкого, она совала ему в руки ледоруб, целовала на прощание и желала удачи. Несомненно, что Мэрилин из того же теста, как и те, кто в Париже за ноги утягивал в машину оглушенного генерала Кутепова или пускал газ в морду Степану Бандере в Мюнхене. Прекрасная порода фанатиков и великих мучеников, легко всходящих на эшафот и бросавших перчатку пошлому мещанству, – «о, почему так лживо, вяло ты лижешь этот белый лист? Перо, будь скрипкой, будь кинжалом, о хлябь ночную расшибись! И тех прославь, кто мыслил строго и жил по правилам своим, бросал семью, и дом, и Бога, был щедр и не бывал любим...» (Это герой – старлей, а не доходяга Блок.)

Итак, дело Ипполита (имя сына), будущее: президент, в худшем случае государственный секретарь, хотя нет, он же наполовину англичанин, главное – не спешить, суперконспирация, редкие встречи, определить мальчика в Оксфордский университет, желательно в гуманитарный колледж (придется раскошелиться), поручить внедриться в американский клуб, посетить библиотеку при американском посольстве. Пожалуй, стоит выпить виски. Хорошенько разбавить. Это дело не хуже «пятерки», их же тоже вербовали в университете. «Капитана» задерживают, мерзавцы, и так всегда, себя небось никогда не задерживают. Красивая вербовка, но пока он выбьется в президенты или в госсекретари... (Еще виски.) Вот так завербуешь, получишь жалкого «капитана», которого и так бы дали, и уедешь, передав на связь. А потом, когда Ипполит станет большой шишкой, какой-то сукин сын снимет пенку, а Мустафа (псевдоним Микки), вылепивший из него агента, получит фигу (очень хотелось бюст Героя СССР прямо на улице Карла Маркса в Днепропетровске, где родился).

Утром Микки выложил грандидею резиденту, получил «добро» (слово это любили в КГБ, оно ассоциировалось с неким умным усатым дядей вроде полководца времен Гражданской войны Пархоменко) и начал готовиться к очередной встрече с Мэрилин.

...Шептались нежно.

– Покойный муж не понял бы вашего подавления революции в Венгрии. (Господи, уж эти либералы!)

– Не революции, а контрреволюции... Они же вешали коммунистов на фонарях. (Представил себя, мотавшегося, как мочалка.)

– Муж считал главным свободу и демократию. (М-да.)

– Народ, увы, не всегда знает, что ему нужно. (А кто знает? Генсек? Стало тошно.) Знаете, Мэрилин, а почему бы вам не пригласить меня в гости? Заодно познакомлюсь с сыном (напряглась, зря мы всех считаем дураками).

– Я приглашала и Павла, и других товарищей, но они всегда говорили, что это влечет за собой риск: вдруг кто-то случайно увидит или заскочат соседи... (Совершенно верно.)

– Сейчас обстановка изменилась в лучшую сторону. (То-то газеты каждый месяц сообщают об арестованных агентах!)

– Милости прошу, я буду очень рада. Я неуютно чувствую себя в ресторанах...

– А сын будет дома? (Нейтрально-козья морда.)

– Ему следует уйти? (Не поняла? Дура ты стоеросовая.)

– Что вы! Наоборот, я рад буду с ним познакомиться. (Оскал тигра перед пожиранием газели.)

Ночь, когда серы все кошки и шпионы, мощнейшая проверка, появление без всяких приключений в доме у Кукушки. Представлен как Себастиан, журналист и друг семьи, знавший покойного отца Ипполита. Квартира, утонувшая в пуфиках, ковриках, цветах и безделушках (больше купеческая, нежели интеллигентская), гравюра с видом Кремля в гостиной (слава богу, без слонявшихся без дела суровой пары вождей – Сталина и Ворошилова), непростительно для агента калибра Мерилин, все равно что разгуливать по Лондону при советских орденах.

Товарищ Микки забавлял (как ему казалось) семью анекдотами (целился, естественно, в Ипполита), мальчик совсем растаял под искрами интеллекта, что-то в нем было от «сердитых молодых людей», брюзжавших по поводу сытой, но духовно пустой действительности. К тридцати из таких вырастали жирные пингвины. Коммунистов он не жаловал, что вполне вписывалось в запланированный имидж. Мерилин подала куропаток с брусничным соусом, это не замедлило сказаться на состоянии желудка гостя, и он был проведен в уединенное место. Пути разведки неисповедимы и неожиданны, судьбе угодно было отключить в тот вечер воду и поставить аса перед проблемами техническими. Бился он над ними долго и тяжело, заставил Кукушку выйти в коридор и нервно вскричать: «Все в порядке, мой друг? Ничего не случилось?» Он стыдливо попросил какую-нибудь посудину с водой и вскоре вышел в гостиную розовый и деловой, словно после получения ордена лично от всесоюзного старосты (к счастью, мадам его не обнюхала). «Куда вы собираетесь после школы, Ипполит?» – «Очевидно, в технический колледж, хочу быть инженером». В восторг это не приводило, работать, работать и работать, ваять, как Пигмалион Галатею. Вскоре Ипполит удалился к себе в комнату, сославшись на занятия («Плсйбой», исчезнувший с дивана, указывал на их род). «Прекрасный у вас сын, Мерилин, чудесный парень! Как бы мне хотелось еще с ним увидеться, пообщаться, поговорить! Конечно, конспиративно, я понимаю, что, если наш контакт станет вдруг известен, это может отразиться на его будущем...» (Первый пробный шар.) – «Я рада, что он вам понравился, но он еще совсем маленький, вам с ним будет неинтересно...» (Вот шука!) – «Мы очень плохо знаем положение в молодежной среде, Ипполит мог бы мне в этом помочь».

Так Дракула и ушел ни с чем, посоветовав на всякий случай убрать изображение Кремля из дома, чтобы не будоражить воображение случайных посетителей.

Через две недели в пабе, увешанном часами, с видом на Темзу: «Мерилин, Центр требует информации о молодежном движении. Мало времени? Все отнимает учеба? Войдите в наше положение». Через две недели в буфете кораблика, плившего на Темзе: «Возможно, Мерилин, вы сами нацелите сына на работу среди юнцов, у вас же есть опыт». (Черт побери, если завербовала мужа, то почему же не завербовать и сына?) Еще через месяц в забегаловке Уайтчейпла: «Прошу вас, Мерилин, я буду встречаться с ним редко, никакого риска нет (боже, как морозны ее голубые глаза, как сжаты губы!), мы будем помогать ему стать на ноги. Он заболел? Как жалко!»

А не напоминаю ли я мерзавца? Вцепился в мамашу, как вампир! Тебе бы, задница, пойти на работу в богадельню. Откуда эти слюни?! Еще через месяц в парке у Гринвической обсерватории (после астрономических изысканий): «Извините, что я настойчив, Мерилин, но я, как и вы, солдат (забыл добавить: революции) и подчиняюсь воле Центра. Товарищи нами недовольны (глаза превратились в голубые льдинки), они не понимают вашей позиции».

Неухоженный район Патни, булыжники, которых касались и ядовитый Искандер, и несчастный Огарев, и взбалмошный Бакунин, и даже – чуть-чуть, очень легко! – зовущий к топору Чернышевский. Свершилось! Встретился с сыном отдельно. Два брата, старлей, естественно, старший пастырь, Ипполит – младший, скромный ученик, внимающий золотым сло-

вам. Парень прилежно внимал, разговор шел в общих чертах. Главное – договориться о регулярных встречах и медленно лепить.

Дальше как в страшном сне: Ипполит из трех встреч пропускал две, извинялся, снова пропал, и снова приходилось просить Кукушку, и парень приходил, и соглашался подумать об Оксфорде, и снова исчезал.

Микки жаловался агентессе, она удивлялась: «Я вас познакомила, работайте сами, он уже взрослый, чтобы мне его контролировать». Прошло полгода. Микки уже не выносил на дух проклятого парня, который мотал его как хотел, все обещал и ничего не делал. И тут не выдержали нервы: «Мерилин, можно я буду откровенен? Мне кажется, вы не хотите, чтобы ваш сын нам помогал?» – «Почему вы так решили?» – «По-моему, это совершенно ясно. Но знайте, Мерилин, Москва не поймет. Вы смогли привлечь на нашу сторону своего мужа, почему же сейчас...» – «Думаете, я об этом не жалею?» – И задыхнулась. – «Неужели жалеете?» – «Я этого не говорила. Интересно, мой друг, а вы могли бы завербовать своего сына или подарить его какой-нибудь иностранной державе, как флакон духов?» – «Конечно, смог бы, если бы это были товарищи по оружию, как мы с вами!» – соврал Микки мерзко.

Они уже ненавидели друг друга.

Однажды, гуляя с коляской по Холланд-парку, вычерченному четко, как чертеж, Микки увидел меловую черточку на кипарисе – сигнал вызова от Кукушки к тайнику «Гегель» (не зря ведь в разведшколе философию учили не по Гегелю). Что стряслось? Может быть, что-то с Ипполитом? Угроза ареста? Выплыли старые дела? Боже, как ужасна, как непредсказуема разведка! А срочные вызовы – самое страшное, они разбивают все планы, все иллюзии, от них бессонница и неврастения. А может, он потому и пошел в разведку, что она так не похожа на плавную жизнь, где будильник, тягучая работа, унылый приход домой сразу после шести? Может, за это любит свою чертову разведку товарищ Микки?

Тайник находился между Виндзорским замком и частной школой в Итоне, где на теннисных кортах выигрывают Ватерлоо. Микки медленно шел по парку, все ближе и ближе подходя к развесистой иве, корни которой, оголившись, образовали прекрасные глубокие дыры. Светило солнышко, ветер покачивал верхушки деревьев, он оглянулся вокруг: ни души, тишь и благодать, и хотелось жить и работать, работать и жить... Микки нагнулся, рука напряглась и скользнула под могучий корень (был случай – наткнулся на больного зайца – чуть в штаны не наложил). Вот и контейнер – и тут удар по шее, очевидно, ребром ладони, сознание мгновенно выключилось, он повалился на траву, успев подумать: кто это? Контрразведка? Ипполит? Подручные Мерилин? Провокация? Мечь?

Когда он очнулся, вокруг никого не было – только шелестели дубовые листья.

Далеко в небе голубым светом сверкнула звезда.

Джон Ле Карре: одинокий волк с человеческим сердцем

Удивительно, что в нашей стране, пропахшей охранкой и чекизмом, нет серьезной традиции шпионской литературы – в памяти горят лишь «Семнадцать мгновений весны», да и то неясно, звезда ли тут Юлиан Семенов, Татьяна Лиознова, а может, «главный консультант» С. Мишин, он же первый зампред КГБ Семен Цвигун. Вдали маячат полузабытые Шейнин, Овалов и иже с ними, но это не урожай. А вот в старушке Англии уж повелось, что сотрудники разведки берутся за перо и начинают строчить то беспощадную сатиру на свою службу, то глубокие психологические романы о шпионаже... Такими были в прошлом веке Комптон Маккензи, офицер военно-морской разведки, которого за пасквиль «Вода в мозгу» спецслужба потянула в суд, Сомерсет Моэм (правда, агент разведки), создавший своего блестящего Эшендена и вымахавший в классики, Ян Флеминг, забивший всему миру мозги своим мифическим Бондом, великий Грэм Грин, тоже офицер разведки, поразивший общественность Тихим Американцем и Нашим человеком в Гаване. Из этой же шинели вышел и Джон Ле Карре, в жизни Дэвид Корнуэлл, ворвавшийся в мировую литературу в начале 60-х прошлого века, тогда еще совмещавший гнусный шпионаж со святым писательским трудом.

Говорить, что Ле Карре пишет «шпионские романы», просто неприлично (в хорошем обществе), в самом начале, бесспорно, он использовал шпионский сюжет и прочую парафериалию для насыщения романов динамикой, но ведь и Федор Михайлович не брезговал детективным узлом в «Преступлении и наказании». Но уже давно творческое наследие писателя вырвалось из прокрустова ложа «шпионского романа» и справедливо считается классикой.

Дэвид Корнуэлл родился 19 октября 1931 года в семье крупного мошенника (как он сам пишет), неоднократно судимого, крепко дружившего с тюрягой, кстати, одно время депутата британского парламента. Отец был мот, живший на широкую ногу, прелюбодей, авантюрист, но сын его любил в любой ипостаси, даже когда он клячил деньги у писателя, ставшего уже знаменитостью. С мамой тоже не шибко повезло: бросив детей, она сбежала от своей половины, не выдержав его характера, а с сыном встретилась аж через 20 лет!

Прощельга-папаша тем не менее заботился о своих двух отпрысках, и юный Дэвид был направлен в благодатный Бернский университет (1948, Швейцария), именно там на него положила глаз английская разведка Секрет Интеллидженс Сервис (СИС) и нацелила на работу среди студентов с прокоммунистическими взглядами (дружить и стучать во имя торжества капитализма или коммунизма – занятие отнюдь не высокоморальное). Зато такая встряска взбучила писательские вены, и на свет позднее появился один из лучших романов Ле Карре «Идеальный шпион» (имеется и фильм), роман насквозь автобиографический, по-достоевскому болезненный, оголяющий пропасть между шпионажем и моралью. За Берном последовали военная служба, учеба в Оксфордском университете (там он тоже давал наводки на сокурсников), а затем преподавание в прославленном Итонском колледже, где учились почти все английские гении, ну а далее уже последовало приглашение потрудиться на контрразведку в качестве штатного сотрудника. Там, как признается Ле Карре в мемуарах, начинающий жандарм контактил с коммунистами, силясь подставить себя под всеильную лапу КГБ, посещал общество англо-советской дружбы и даже познакомился с советским дипломатом, который, впрочем, на англичанина не клюнул, видимо, был уже сыт. Потрудившись в контрразведке, через 3 года он был взят на работу в разведку и, будучи специалистом по Германии (диплом – немецкая романтическая литература), оказался под дипломатическим прикрытием в Бонне, потом в Гамбурге. Мне думается, быстро учуяв атмосферу в обеих спецслужбах – азы работы тут весьма нехитры, это вам не высшая математика или ракетостроение! – Ле Карре начал поду-

мывать, как бы ему вырваться из этой мути на литературный простор. Первый роман «Звонок покойника» (1961) остался незамеченным, роман «Шпион, который пришел с холода» (потом фильм с великим Ричардом Бертоном) уже томился в рукописи, в 1963 году он появился на свет и вызвал сенсацию. На этом нежные отношения Ле Карре со спецслужбами закончились, он подал в отставку и занялся истинно серьезным делом. Однако он остался патриотом спецслужб (правда, с чаадаевским оттенком) и соловьем холодной войны (тоже не до хрипа). В СССР даже в брежневские годы имел успех его роман «Маленький городок в Германии», позднее «Война в Зазеркалье». Впервые он посетил нашу страну во время перестройки по приглашению Союза писателей (1987) и после многих лет публичного полоскания его имени как «злейшего приспешника империализма и английского шпиона» был встречен восторженно писателями, потерявшими голову от сладких запахов свободы, что, впрочем, не помешало славному КГБ держать его под наружкой и даже подослать некоего доброжелателя, ожидавшего, что Ле Карре его тут же завербует, а затем посвятит в рыцари ее величества, одарив замком в Шотландии.

Разведка под пером Ле Карре потеряла обычную туфту, которую навешивают на нее писаки детективов (бесконечные гульба, пальба и беготня, особенно модны шпионы, потерявшие память), работа эта достаточно занудна и бюрократична, полна внутренних дрызг, хотя и требует некоторого количества серого вещества. Теме холодной войны, кроме названного, посвящены «Лудильщик, портной, солдат, шпион» (фильм «Шпион, выйди вон!» – второй вариант) и «Команда Смайли». Первый – о предательстве в разведке – построен на истории нашего героического агента Кима Филби, чуть не ставшего шефом британской разведки. Играют блистательно (как и везде в фильмах по Ле Карре), написаны оба романа виртуозно. Однако, высоко ставя талант писателя и искренне его любя (об этой таинственной страсти чуть позже), как ветеран холодной войны, не могу согласиться с односторонним изображением наших рыцарей плаща и кинжала как тупых недотеп с одной извилиной. Во времена Филби и других агентов мы фактически контролировали СИС, правда, после 80-х мы сдали позиции, на сторону англичан перебежали некоторые наши сотрудники. Так что сочтемся славою, но мы отнюдь не лыком шиты. Тем не менее романы Ле Карре захватывают, особенно хорош образ контрразведчика Смайли, гения сыска и дамского неудачника.

Перестройка и развал Союза свалились на всех неожиданно (хотя сейчас уже это приписывают ЦРУ), и все критики предвещали закат звезды Ле Карре и вообще всего шпионского жанра: о чем писать, если наступило всеобщее братание? Шпионский роман зарыт в землю навсегда, его мастерам остается бродить по белу свету с сумой...

На этой печальной ноте я заторможу и перейду к бутылке виски «Тичерс», купленной мною в прилюдном ларьке за \$5 (польский фальшак) у входа в Дом литераторов на Поварской и распитой с Джоном Ле Карре в самом ресторане под вполне приличную закуску. Пили так легко, будто сидели с бутылкой водки на подоконнике в глухом подъезде, разложив на «Правде» ливерную (т. н. собачью) и резаный соленый огурец. Это был уже второй визит писателя в СССР, до этого нас познакомили в Лондоне в прославленном ресторане «Симпсон-на-Стрэнде», где джентльмены с утра до поздней ночи пожирают недожаренные бифштексы с кровью. Высокий, по-английски породистый, седовласый писатель был совсем не похож на ястреба войны, пожирающего своих оппонентов, а больше напоминал добродушного джентльмена, чуть застенчивого, предупредительного, весьма конспиративного (служба не прошла даром), наблюдательного и порядочного. Конечно, бутылка нас сблизила (а кого не сближает?), но еще больше расположило неприятие холодной войны и всеобщее потепление (как оказалось, очередная иллюзия). Ле Карре прибыл в Москву собирать материал для образов в задуманных им романах. Потом он поделился в печати своими наблюдениями: наш варварский капитализм привел его в ужас. «Москва оказалась подороже Нью-Йорка. Гостиница обошлась 600 долларов за ночь. Пара порций скотча в баре стоила официальной месячной зарплаты московского врача. Мы попивали виски, прислушиваясь к разговору молодых, похожих на убийц

англичан с изрытыми оспой лицами, пивными животами и костюмами от Гуччи». Ему удалось встретиться с бандитом – мультимиллиардером Димой, ему он неосторожно сказал: «О'кей, в стране бардак, и ты этим пользуешься. Ну а когда же вы начнете приводить страну в порядок для ваших же детей и внуков? Ты барон – грабитель, Григорий. Так у нас называли Карнеги, Моргана, Рокфеллера. Но они все же закончили строительством больниц и картинных галерей. Когда ты начнешь что-то возвращать обществу?» Ле Карре повезло, его не избили и не убили, а просто послали к одной матери, правда, Дима попал в главные герои в недавнем романе «Предатель как и все мы».

Наши политики тоже не порадовали писателя: Бакатин ахал и в ужасе хватался руками за голову, клеймя разложение общества и рассуждая о будущем России, как будто он и не стоял рядом с Горбачевым и не возглавлял КГБ после августа 1991 года. Калугин слишком радостно рассказывал о своем «соучастии» в убийстве Маркова («Я ведь был, черт возьми, главным по этой части, ни одна операция не обходила меня стороной!»), показал какой-то сувенир от убитого Амина. Ле Карре не понравилось его слишком стремительное превращение из врага западной демократии в ее ярого неофита. Однако его очаровал Евгений Примаков, потом он отобедает с ним в нашем посольстве в Лондоне.

«На Красной площади прекрасное старое здание ГУМа захвачено «Галери Лафайет», «Эсте Лаудер» и другими знаменитыми фирмами. Вереница «Мерседесов» и «Роллс-Ройсов» ждала у входа, а внутри жены русских миллионеров болтали и делали покупки. Их шоферы расплачивались сотенными долларовыми банкнотами, пятидесятидолларовые не принимались. Я ощутил в себе озлобленного коммуниста, а вовсе не западника». Все это написал не Анпилов, а сторонник западной демократии, бескомпромиссный враг коммунизма и всех видов тоталитаризма, один из самых богатых писателей в мире.

В очередном романе «Русский дом» показана наша перестроечная суэта и мифически эффективная работа СИС, фильм вышел тоже хитовый, в главной роли Мишель Пфайффер, роль нашего книгоиздателя исполнял истинный директор «Художественной литературы» Георгий Анджапаридзе.

Конец холодной войны только подлил масла в костер творческой энергии Ле Карре, он и раньше уходил в другие темы, как в романе «Маленькая барабанщица» (захватывающий рассказ о событиях на Ближнем Востоке). Полился новый поток романов: «Ночной менеджер» (о международных торговцах оружием), романы о спекуляциях вокруг гуманитарной помощи, о разных международных мафиях, о дружбе и предательстве.

Но вернемся к той незабвенной бутылке виски, за которой последовало приглашение вашего покорного слуги погостить в его родовом имении в графстве Корнуолл, которое через пару лет я и реализовал. Встретили меня как родного (жена Дэвида – очаровательная Джейн несет на себе и все секретарские тяготы, ведь писатель старомоден, ленится осваивать Интернет и предпочитает чуть ли не гусиное перо), разместили в отдельном гостевом домике с видом, там вдали в тени деревьев почему-то чернела колючая проволока и бегал васькообразный рыжий кот. Еще больше поразил меня суперхолодильник, набитый бутылками моего любимого французского вина «Пуи фюме», тут уже явно наводка британской разведки. Кое-что мне удалось подсмотреть, я обнаружил, что прославленный Ле Карре – не процветающий бонвиван, купающийся в деньгах и славе, а несчастный труженик, который встает в 5.30 утра, прогуливает собаку и потом вкалывает до трех часов дня (странно, что не ночи). «Извините меня, Майкл, но с утра я занят и вами займется Джейн, она покажет вам все достопримечательности!» «Но я привык с утра выпивать с приятелем 1–2 бутылки водки, она хорошо идет, когда в пижаме», – я пытался сыграть на английском чувстве юмора (как мне кажется). Отметим, что Ле Карре работает, как в сталинской пятилетке: один роман в два года – и никаких гвоздей, и никаких скидок на возраст (а он уже перескочил годки Льва Николаевича).

В одном из интервью в счастливом для себя 1964 году Ле Карре заявил: «Для меня необыкновенная распространенность шпионажа превратилась в кошмар, в котором люди инстинктивно предают друг друга и где шпионы – это скучные существа со средненькими мозгами, склонные к предательству точно так же, как они могли склоняться к кражам в магазинах. В этом мире, по-моему, те, кто разлагает, сами разложены; в сфере предательства существует полная анархия. Например, зная цену другому человеку, не прикидывает ли тайно шпион и цену себе? Не в этом ли причина цепи предательств, прокатившихся по разведывательным службам еще задолго до начала холодной войны? Не следует ли шпион масонскому принципу: если шпион, то это навсегда? Не превращаются ли шпионские методы в самоцель? Подобно футболисту, возможно, его больше не волнует команда, за которую он играет. Если это так – а недавние разоблачения двойных агентов в Германии и Англии являются этому свидетельством, – то офицерам разведки следует доверять секреты в последнюю очередь... Возможно, думал я, не стоит удивляться феномену перехода с одной стороны на другую, в сущности, это очень короткое путешествие».

Но в этом отнюдь не весь Ле Карре. Он всегда на стороне угнетенных, бедных, больных, несчастных, он порой кажется мне утопическим коммунистом (коммунизм он ненавидит, как, впрочем, и Джеймса Бонда, которого считает гангстером), он нравится публике своей традиционностью, сдержанностью в описании убийств и интриг, он не чуждается нравоучительности, а иногда словно взбирается на собственноручно сколоченный ящик в знаменитом «уголке спикеров» Гайд-парка.

В сентябре 1996 года появилась убийственная сатира на английскую разведку – роман «Портной из Панамы» в стиле «Наш человек в Гаване» Грэма Грина, и ему посвященная. После депортации американцами президента Норвеги в Панаме идет игра вокруг канала: уходить ли оттуда или не уходить? Какой режим может одержать победу после ухода и что это сулит Западу? Английская разведка посылает в свое посольство молодого сотрудника Оснарда, наглого, корыстного, неразборчивого в средствах, он вербует английского гражданина, портного Гарри Пендела, уже много лет обшивающего панамский бомонд. Заинтересованный в денежных впрыскиваниях, Пендел быстро приспосабливается к запросам Оснарда (а тому нужны алармистские сведения, оправдывающие присутствие в этой точке разведки) и начинает поставлять ему чистую «липу», со ссылкой на разговоры с высокопоставленными клиентами. В Лондон течет информация о заговоре «левых» и антизападных настроениях. Вроде бы фарс, однако к финалу события принимают драматический характер: американцы вводят войска, погибают совершенно невинные люди. Игры портного, вытягивающего деньги из разведки, нацеленность его бездарного куратора кончаются трагедией...

Недавно Ле Карре опубликовал мемуары «Голубиный туннель», где добрым словом помянул Е. Примакова, кое-что добавил из своей жизни. Но в финале снова мягко вставил английской разведке: при переезде в новое здание в каком-то запыленном тайнике обнаружили форму Рудольфа Гесса, парашютировавшего в Шотландию в 1940 году в надежде на мир с Англией. К форме была приколота записочка шефа английской службы: «Изучите материал в целях определения состояния германской текстильной промышленности».

Таков писатель Джон Ле Карре, в сущности, одинокий волк со своей независимой, очень человеческой точкой зрения.

Тайник (Дружеская пародия на шпионские романы Ле Карре)

В ту ночь, как обычно перед сеансом радиосвязи с Центром, я спал ужасно. Проклятый лондонский туман просачивался сквозь окна, в глотке першило, временами налетал ветер, завывая, словно голодный шакал. Боясь разбудить жену (будучи «совой» она сидела по ночам у телевизора, ложилась поздно, спала чутко и больно тыкала мне ногтем в бок, когда я храпел), я тихо придвинулся к краю нашей железной кровати, бесшумно приподнялся, осторожно спустил ноги и босиком пробрался на кухню, где находился радиоприемник, замаскированный под стиральную машину «Минутка».

Шифротелеграмма из Центра была выдержана в строго приказном тоне:

«Совершенно секретно.

Полковнику Карле.

Вам предписывается под надлежащей легендой выехать в деревню Сарратт (графство Хертфордшир) для срочного изъятия контейнера с ценными материалами из тайника «Вельзевул». Тайник расположен на кладбище приходской церкви Святого Креста, в двух футах к северу от могилы семьи Клаттербаков, известных сквайров, проживавших в этой деревушке. Одновременно наведите справки о некоем мистере Эдмондсе, жителе Сарратта, который подозревается нами в связи с английской разведкой. Операцию следует провести с принятием максимальных мер предосторожности, с самой тщательной проверкой, и в воскресенье, когда английская контрразведка отдыхает и расслабляется. Об исполнении доложите немедленно.

Пушкин».

О, если бы это был Александр Сергеевич! Нет, Пушкин был моим непосредственным начальником в Москве, генералом с жутким характером, обожавшим снимать стружку со своих подчиненных. Он устраивал такие разносы, что некоторых наших сотрудников уносили прямо с его совещаний с инфарктом, а в его секретариате всегда стояли бутылочки с валерьянкой или валидолом, которые ожидавшие аудиенции истребляли в огромном количестве, словно водку.

Еще одно угробленное воскресенье! Все нормальные англичане на уик-энд выезжали на пикники или мирно тянули свой скотч дома, естественно, и английская контрразведка блюла эти святые для англичанина дни, и тут Пушкин был, наверное, прав. Но главным было то, что Пушкин по натуре являлся типичным разгильдяем, не умел строить работу планомерно и потому сталкивал весь воз в конце недели. Переть в чертов Сарратт при моих остеохондрозе, камнях в печени, геморрое и диких мигренях! Десять лет на нелегальной работе в Англии не прошли даром, работать приходилось и днем и ночью, придумывая самые невероятные трюки, дабы запутать вездесущую МИ-5, английскую контрразведку. С самого начала мне не повезло с «прикрытием»: Пушкин приказал мне открыть маленькую сапожную мастерскую, чтобы не привлекать внимания властей, – кого интересуется убогий сапожник-одиночка?

Во время подготовки в Центре я неплохо освоил сапожное дело и даже для практики ремонтировал обувь почти всех сотрудников нашего отдела, к сожалению, бесплатно. В то время я предполагал, что это прикрытие даст мне массу свободного времени не только для проведения разведывательных операций, но и для размышлений в пабе за кружкой пива или для визитов в Ковент-Гарден, однако работа закрутила меня на все сто. Мы сняли помещение в полуподвале старого дома в бедном районе Спайтфилдс, что в трущобном Ист-энде (конечно, я хотел арендовать что-нибудь попримечнее, но скупердядя Центр, как всегда, эконо-

номил народные деньги), зарегистрировали свое частное предприятие и приступили к работе. Жена Татьяна занималась закупкой клея, гвоздей, кожи, каблуков и прочих аксессуаров, необходимых в сапожном деле, я же был хозяином и работником в одном лице. О, этот Спайтфилдс, район иммигрантов и голодранцев, которых я возненавидел уже в первый год своих трудов! Богатые хороши тем, что просто выбрасывают на помойку изношенные туфли, что же касается бедных... Целый день ко мне сносили обувь: дырявые подметки и сломанные каблуки было несложно просто заменить, но что делать с треснутой, покоробившейся кожей, с огромными, разодранными дырами для шнурков, совершенно косыми и кривыми туфлями двадцатилетней давности, а то и просто антикварными? К тому же обувь часто приносили невымытой, словно неделю ползали по болотам в поисках собаки Баскервилей. На свою беду я никому не отказывал, боясь жалоб в полицию и скандалов, это сделало мою сапожную мастерскую чрезвычайно популярной среди местных жителей, народ валил ко мне целый день, и я не успевал разогнуть спину.

Вначале Татьяна помогала оформлять мне заказы, но уже через полгода увлеклась верховой ездой и регулярно гарцевала на белом, в яблоках коне около Кенсингтонского дворца рядом с Гайд-парком. Она выросла в семье начальника охраны товарища Сталина, причем не в душном Кремле, а на даче вождя в солнечном Сочи, и однажды удостоилась розы, сорванной вождем во время гуляния среди кипарисов. Там она и приучилась гонять на кобылах и жеребцах из конюшен товарища Сталина. Но одно дело бесплатная езда, а другое дело – жуткие английские цены. На это уходила изрядная часть зарплаты, которая после перестройки не только была скудной, но и выплачивалась Центром нерегулярно с обычной ссылкой на сложное экономическое положение в России. Вырученные за работу деньги я был обязан оприходовать и сдать в местный банк – мой счет, разумеется, строго контролировался специальными эмиссарами Центра, временами наезжавшими в Лондон (кстати, они проводили дни в бесконечных пьянках за мой счет).

Но все это мелочи по сравнению с огромной грудой обуви, которая хаотично валялась в углу мастерской! Она так душераздирающе воняла, что очень скоро у меня начались мигрени, иногда кончавшиеся рвотой, я убить хотел всех бедняков, которые бесконечно латают свою обувь, изнашивая ее до последнего издыхания! Я уже возненавидел весь пролетариат вместе с Марксом и Энгельсом! От постоянного сидения в сторбленном состоянии развились радикулит и остеохондроз, иногда я вообще не мог разогнуться и выползал со своего рабочего места на четвереньках. Нерегулярное питание привело к язве, порой перегрузки приводили к потере координации движений, и однажды я пробил себе гвоздем палец и угодил в больницу.

Но нужно думать о выполнении приказа грозного Пушкина – тут на меня навалился такой невроз, что, еле успев доползти до постели, я залез под одеяло и накрыл голову подушкой...

«Шпионы!» – кричали все вокруг. И шпионы просачивались через щели в окнах, просовывали длинные носы в двери, выпадали из паутины на потолке, выпрыгивали из капель, падающих в умывальнике, помахивали хвостами через дырки в паркете, щекотали меня своими усами, впивались в бока маленькими клыками. «Шпионы!» – кричали стены, пожелтевшие фикусы в горшках на подоконнике, фаянсовые чашки, громыхавшие в буфете. Я сорвал подушку с головы и увидел Татьяну в стареньком, еще московском халатике, который из экономии мы прихватили с собой на «нелегалку».

– Шампиньоны! – кричала она. – Сгорели шампиньоны! И все потому, что ты, дурень Карла, пожалел денег на хорошее подсолнечное масло и опять пришлось жарить на дешевом маргарине...

Боже, я проспал все утро! И не шевельнул ни одной извилиной по поводу предстоящей сложной операции! Где расположен этот чертов Сарратт? Имеется ли его план? Как я найду старинную церковь и кладбище? Как туда добираться, не потянув за собою «наружку»? А вдруг это глухая деревушка, где каждый незнакомец вызывает подозрения у местных аборигенов?

И какой-нибудь деревенский пьяница, завидев неизвестного, тут же стукнет в полицию! Генералу Пушкину до этого нет никакого дела, сидит себе в своем кожаном кресле, чешет зад и рассылает указы. Сейчас он, наверное, пройдясь пешком по лесочку (забота о драгоценном здоровье, а ведь здоров как бык!), миновал пропускные кордоны нашей штаб-квартиры, строго взглянув на вытянувшихся во фронт охранников, поднялся к себе в кабинет на персональном лифте, игриво ущипнул за бедро милую секретаршу (он их меняет каждые семь месяцев, отправляя в декрет), выслушал рапорт дежурного...

– Карла! – нарушила строй моих мыслей супруга. – Уже приперлись какие-то вонючие негритосы и принесли в починку груды сапог! Двигай своей ревматической задницей и принимайся за работу!

Сапоги оказались резиновыми, а негритосы – говорливыми пакистанцами, которых я был готов растерзать. Увы, в этом жутком «цветном» районе мы с Татьяной превратились в отъявленных расистов, и порой мне бывало стыдно, что я внутренне отошел от интернационального учения Карла Маркса. Одно дело великая теория, а совсем другое – немые резиновые сапоги и полное нежелание пакистанцев уразуметь, что кожа и резина не одно и то же и что эти сапоги больше напоминают разодранные автомобильные камеры. Пакистанцы галдели, как гуси, и брызгали слюной, в результате я принял заказ – не дай бог, прихватят на улице и устроят «темную»!

Пакистанцы вымотали меня, хотелось хлебнуть полстаканчика водки с пивом и забыть о предстоящей операции. О, как я любил сто грамм с прицепом еще в бытность курсантом спецшколы, как пели мы все вместе патриотические песни, а потом выползли из засекреченного объекта в ближайшую деревушку, где водили хороводы юные колхозницы!

– Что с тобой, Карла? Ты выглядишь таким изможденным, словно всю ночь доил корову! (Татьяну подбирали мне в жены по рабоче-крестьянскому признаку, до этого она работала дояркой в колхозе «Заветы Ильича».)

– Пришло задание от Пушкина, нам придется поработать в воскресенье...

Я схватил атлас, нацепил очки и нашел Сарратт, затаившийся рядом с Уотфордом, к северо-западу от Лондона. Милей сто, не больше.

– Но в воскресенье утром у меня верховая езда...

– И чудесно! Это прекрасная легенда для выхода в город. Я тоже проедусь с тобой.

– А как же твой радикулит?

Я с укоризной взглянул на Татьяну и промолчал: нам ли, профессиональным разведчикам, думать о здоровье при исполнении служебного долга?! Да если бы Родина потребовала, я пополз бы в Сарратт на животе, плюнув на приступы печени и такую мелочь, как остеохондроз. А генерал Пушкин все равно сволочь, которому плевать на здоровье своих подчиненных.

Всю субботу я изучал схему Сарратта в читальном зале районной библиотеки, правда, схема была составлена в пятнадцатом веке, через двести лет после появления этой деревни. К счастью, церковь Святого Креста уже была воздвигнута, и, соответственно, образовалось приходское кладбище. Что ж, могилу Клаттербаков и оперативную обстановку вокруг определим на месте. Поздно ночью я вывел из гаража свой подержанный «Фиат», после тщательной проверки доехал до метро «Северный Хэрроу», припарковал машину недалеко от станции и благополучно вернулся домой.

Рано утром в воскресенье Татьяна упорхнула на верховую езд, я же придал себе облик истинного английского джентльмена в выходной день: бриться не стал, нацепил на себя изношенный пуловер, мятые вельветовые брюки и истоптанные замшевые туфли – что поделаешь, если англичане любят выглядеть в воскресные дни как бомжи? В Вене или Цюрихе в таком виде меня тут же заграбастала бы полиция за бродяжничество, но только не в Англии. Опасаясь приступа гастрита, я съел лишь тарелку омерзительной овсянки (сейчас бы любимого борща с чесноком или котлету по-киевски), нашел две большие сумки и поперся на рынок Порта-

белло, изображая из себя мужа, озабоченного домашним хозяйством. На рынке я отчаянно торговался, купил двух разделанных кроликов, пару кило огурцов, арбуз, картошки, набил обе сумки до отказа и двинулся пешком домой. Расчет был тонок: если бы за мной велась слежка, она тут же отстала бы, увидев такую поглощенность домашними делами.

С двумя распухшими сумками, покачиваясь, прихрамывая и потирая свой радикулит, я тащился по улице. Иногда мой острый глаз падал на витрины, отражавшие публику на другой стороне улицы, порой я наклонялся якобы зашнуровать ботинок и в это время просматривал всех идущих сзади. Важнейший этап операции: поворот за угол и тут же вниз по лесенке в расположенный там общественный туалет. Пустота и тишина. Никаких подозрительных стуков каблук. Я залез в кабинку и просидел там добрые двадцать минут, задыхаясь от запахов экскрементов. Утешением были сексуальные надписи на стенах с призывными рисунками дамских влагалищ и мужских гениталий. Наружки вроде не было, у кого хватит выдержки и мужества, чтобы не заглянуть? Оставив обе сумки в туалете (до боли в сердце было жалко кроликов, которых я не ел уже лет десять), я выскочил наружу и схватил кеб.

– Гайд-парк! Метро «Найтсбридж»!

– Йес, сэр! – пророкотал таксист голосом, чрезвычайно напоминавшим заместителя генерала Пушкина полковника Белинского. Я даже вздрогнул от неожиданности, но, внимательно рассмотрев физиономию водителя, понял, что ошибся. Эх, батенька, нервы совсем расшались, пора в отпуск, подлечиться где-нибудь в Минеральных Водах, впрочем, во время этой грабительской приватизации все расхищено, предано, продано, подарено националистам, а нам, слугам народа, остался лишь один санаторий в Сочи, доступный в хорошее время лишь зажавшемуся начальству...

Прибыл на точку тютелька в тютельку, уже вдаль на песчаной аллее вырисовывался туманный силуэт Татьяны в широкополой шляпе и высоких ботфортах, она изящно покачивалась в седле, как Жанна д'Арк перед боем, только обнаженного меча не хватало. Спешившись, она бросилась в ожидавший кеб, и мы помчались к метро «Эджвер-роуд». Татьяна прихорашивалась в зеркальце (на самом деле следила, не идут ли за нами подозрительные машины); мы расплатились с такси, нырнули в «трубу», вышли через остановку из вагона и перед самым закрытием дверей вбежали обратно. Добрались до «Северного Хэрроу», а там излюбленный трюк: подъем вверх по эскалатору, идущему вниз. Это тяжело, и сердце выскакивало из груди, но работа есть работа и требует жертв. В подобных случаях наружка теряет мечетя и не знает, как действовать: бежать ли следом и выдать себя или поехать по эскалатору вверх с риском потерять объект слежки. Вырвавшись на улицу, мы попетляли по переулкам и проходным дворам, пока не добрались до моего «Фиата». Три часа интенсивно крутились с проверкой по дорогам на пути к Сарратту. Только бы эта сука-контрразведка не следила за нами из-под земли через прорытые шахты или на легких истребителях, укрываясь за облаками!

Вскоре мы очутились в городишке Рикмансверт недалеко от Саррата. В машине мы договорились с Татьяной встретиться в 8 часов вечера в сарратском пабе «Петухи вошь», на повороте я быстро выпорхнул на улицу и заскочил в нон-стоп, где прокручивали боевик. Даже если бы наружка и шла в «хвосте», она не могла бы засечь мой выход и потянулась бы за Татьяной... Ну а у моей боевой подруги глаз был как ватерпас, и она мгновенно бы расколола слежку. Выйдя из кинотеатра, я схватил такси, и мы взяли курс на Сарратт. Боже, после всех этих треволнений я чувствовал себя как лошадь, на которой целый день таскали воду, а ведь операция только начиналась...

Сарратт живо напомнил мне пушкинские места (не генерала Пушкина, нет!), которые в юности, до работы в разведке, я обошел с рюкзаком, ночуя на берегу Сороти. Жил в палатке в Тригорском парке, питаюсь свиной тушенкой, подогретой на портативном примусе «Шмель». Тут тоже живописная речка Чесс, зеленые, девственные луга, лесные фиалки, примулы и анемоны. По покойно текущим водам плавали утки и гуси, вдаль я заметил даже несколько бело-

снежных лебедей. Солнце уже прощалось с уходящим днем и медленно опускалось за горизонт. Сейчас достать бы спиннинг и порыбачить, а не тащиться на кладбище с тяжелейшим заданием! Я шел вдоль речки, притворяясь любопытствующим туристом: ведь в деревнях все жители прекрасно знают друг друга и любой незнакомец может вызвать подозрение.

Вот и старинная церковь Святого Креста, за железной оградой виднелись и могилы. В этот час ворота уже были на замке, и я обошел ограду, надеясь найти щель. Сонное царство и, увы, никаких дыр. Что делать? Но, как учил товарищ Сталин, нет крепостей, которые не могут взять большевики! Вперед, полковник, на абордаж! Я собрался с силами, ухватился за верх ограды, подтянулся (о, мой радикулит!), занес одну ногу, отжался и прыгнул вниз. Раздался треск – это были мои джинсы, зацепившиеся за шпиль ограды, – и я повис над землей, как беспомощная сосиска. Еще одно движение – и я рухнул вниз, прямо на многострадальный зад. Подняв голову, я увидел кусок джинсов, развевающийся на шпилье под легким ветерком, словно королевский флаг в Виндзорском замке. Судорожно ощупав себя, я обнаружил лохмотья, прикрывавшие сатиновые трусы еще советского производства (никакие другие я носить не могу!), пришлось сбросить остатки джинсов и приступить к работе в исподнем.

Не могу сказать, что кладбища всегда притягивали меня, более того, я их боюсь как огня: там со мною происходят странные вещи вплоть до обмороков. И это при том, что в работе разведки кладбища играют важнейшую роль: где еще удобно оборудовать тайничок, засунув руку в склеп? Но как часто моя рука покрывалась холодным потом в предчувствии неожиданного кланья мертвых челюстей, норовящих отхватить палец! Но где еще так удобно провести встречу с агентом, усевшись на скамейке и скорбно поливая слезами могилу? Правда, совсем неожиданно может появиться старушка, жена покойника, и усесться боязливо рядом. Совсем недавно в день Октябрьской революции я по старинке посетил кладбище Хайгейт, дабы возложить букет цветов к памятнику Карлу Марксу (одухотворенная бородатая голова). Постояв у монумента, я мирно зашагал по тропинке к выходу и вдруг увидел, что навстречу мне идет Карл Маркс – величественный и энергичный, шагает сам Карл, зажав под мышкой том «Капитала». Я решил, что это обыкновенный бродяга, запущенный и не стригшийся много лет, обыкновенное случайное сходство – и вдруг прохожий, поравнявшись со мной, наклонился и чуть пощекотал меня своей бородой. От неожиданности я брякнулся на землю и потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что лежу прямо на тропе рядом с могилой философа Герберта Спенсера и рядом из земли торчит длинный белый палец с огромным желтым ногтем и грозит мне... грозит! Стыдно признаться, но почетный чекист мчался, словно перепуганный заяц, к выходу.

Но за работу! Я легко нашел могилу Клаттербаков, обкрутил разорванными джинсами поясицу (радикулит), достал складную лопатку и компас, отмерил два фута от могилы на север и начал копать. Ночь уже окутала кладбище, я полностью обрел себя и даже почувствовал блаженный покой, какой обычно наступал после блестяще проведенной операции (так бывало после удушения двух-трех диссидентов). Немного мешали сатиновые трусы, назойливо застревавшие в заднице, пришлось засунуть их поглубже. Вдруг я почувствовал пристальный взгляд из-за кустов, зеленый и пронзительный, как у собаки Баскервильей. На миг окаменел от страха, но тут же взял себя в руки и поднял лопатку. Треск кустов, и жирная кошка мелькнула в лунном луче и скрылась в кромешной мгле. Что делает тут кошка? Ищет кости мертвецов? От этой мысли мне стало безумно весело, снял с талии джинсы, достал из заднего кармана фляжку с виски и сделал затяжной глоток, потом еще и еще один.

Виски приятно обжег пищевод, докатился до желудка и даже, по-видимому, прошел в ноги, они слегка отяжелели.

– Что вы тут делаете? – раздалось как гром среди ясного неба, хотя это был человеческий и даже несколько интеллигентный голос.

Я закашлялся, виски вперемешку со слюной вылетали изо рта, глаза слезились, но сквозь темноту я смог различить маленького священника с фонариком в руке, миролюбивого на вид, но вполне грозного в текущий момент.

– Кто вам дал право залезать сюда без разрешения?! – Он решительно взмахнул фонарем. – Я немедленно вызову полицию!

– Извините, отец мой, я пришел сюда по личным делам, у меня тут похоронен родственник... К сожалению, ворота были закрыты...

– Какой еще родственник?! Тут лежит семья Клаттербак! Почему вы говорите с иностранным акцентом? Кто вы такой? Шпион? – Вопросы сыпались на меня как камни с неба.

– Я поляк, отец мой, но живу в Лондоне всю жизнь. Мой отец эмигрировал из Польши перед вторжением Гитлера и служил в армии генерала Андерса. Боролся и с фашистами, и с коммунистами. Произошло экстраординарное событие... позвольте объяснить...

К счастью, фонарик падре осветил порванные джинсы и добрался до торчавших из зада трусов – весь этот натюрморт заставил его несколько смягчить тон.

– Давайте зайдём в приход, у нас не принято бегать голым по кладбищу... Вы католик?

– Формально – да. Но здесь я хожу в англиканскую церковь, она свободнее и не так ритуальна, как католическая. Разница не так велика, все мы ведь верим в Христа. Ведь правда? – И я униженно заглянул в глаза священнику.

Тем временем мы оказались в небольшой пристройке рядом с церковью.

– Вот вам иголка и нитка! – деловито сказал патер. – Зашейте джинсы! Что вы делали на могиле?

Я сбивчиво объяснил, что мой больной дядя попросил меня прибыть на могилу к своему брату – моему отцу и поставить свечку в день его рождения. Видимо, я что-то напутал, не туда попал – и вот результат. Священник слушал рассказ и покачивал головой, а я тем временем наскоро скрепил ниткой обрывки джинсов, натянул их и почувствовал себя истинным джентльменом. Тем более что в другом кармане нащупал еще одну фляжку виски.

– Когда-то Клаттербаксы жили на Миклефилд-хилл, в доме, где сейчас проживает Дик Эдмондс... – задумчиво заметил опиум для народа. – Может, ваш дядя с ним знаком?

Имя пронзило меня насквозь: вот она, удача! Вот она плата за разорванные джинсы и страдания на изгороди! И так всегда: поругаешься с негритосами в мастерской – неожиданно тебя обласкает Татьяна, брякнешься, спускаясь вниз по лестнице, – наутро Пушкин присылает благодарность за успехи в работе. Баланс несчастья и счастья, движущий стержень моей жизни, единство противоположностей, как учили классики.

– Дорогой отец, – сказал я, растягивая до боли улыбку и, видимо, напоминая ожившего Чеширского Кота из знаменитой книги. – Дорогой отец мой, не окажете ли вы мне честь? Не могли бы вы выпить со мной немного виски в память о моем усопшем папане?

Враг трудового народа опустил глаза, но явно заколебался. Симпатичный человек. Может, его завербовать? Священники всегда нужны нашей службе, ведь через них можно получить доступ к церковным книгам, где регистрируются рождения граждан, а потом получить свидетельство о рождении и паспорт, причем совершенно законно. Помнится, таким образом мне добыли документы на фамилию новозеландца, который давным-давно умер. Надежный поп – находка для шпиона.

Патер отошел к буфетику, достал стаканчики, поставил их на стол и начал копать в холодильнике в поисках легкой закуски. Тем временем я налил виски, бросил в его стакан специальную психотропную пилюлю, которая могла вогнать в сон даже слона (раньше ею я коннул Литвиненко). Мы подняли стаканы и тяпнули за папаню.

– А кто такой господин Эдмондс? – еще шире улыбнулся я.

– О, это замечательный человек, это гордость нашей деревушки!

– Он не работает, случайно, в английской разведке?

– Было бы странно, если бы он не трудился в этом почтенном учреждении, – заметил мой поп, начиная засыпать.

– У него есть слабости?

– Огромная шумная семья, он любитель охоты на лис, прекрасный рыболлов. Единственная его слабость – это то, что он здоров, сукин сын! – И патер опустил голову на стол и засопел. Половина задания выполнена, Пушкин будет счастлив.

Я выскочил на кладбище и начал копать. По описанию контейнер с материалами изготовлен в виде камня, моя лопатка работала так энергично, словно я снова превратился в юного курсанта и осваивал целину в Казахстане. Неожиданно нечто липкое коснулось руки, и холодный пот прошиб меня: неужели это та самая гробовая змея, которая ужалила вещего Олега? Лягушка! Тьфу! Между прочим, генерал Пушкин обожал лягушек и постоянно просил меня привезти несколько упаковок этих обработанных французских тварей. Я представил, как его секретарша и любовница Людка жарит их на сковородке, а он толчется рядом и пускает голодные слюни. Какая гадость! И тут звонкий удар лопатки по камню – ура, вот он, контейнер! Быстро бросил его в рюкзачок вместе с лопаткой и на радостях легко перемахнул через ограду – воистину удача окрыляет человека. Нажал на кнопку радиосигнального аппарата, и через пять минут появился «Форд» с любимой супругой за рулем – все это время она поджидала меня около мусорной свалки, вонь там стояла жуткая, но не привыкать, не случайно за боевые заслуги она имела саблю с дарственной надписью от руководства службы.

И мы помчались к Лондону словно два Шумахера на «Формуле-1», сердца наши бились в унисон, и я уже прикидывал, какую бравурную телеграмму направлю генералу Пушкину. Дома, не теряя время, я начал возиться с камнем, который, как ни странно, не имел кнопки, открывающей контейнер. Черт побери! Эти вечные накладки! Я схватил молоток и с силой ударил по камню, он раскололся, и моему взору представилась небольшая железная шкатулка явно старинного происхождения. Я открыл ее.

– Танечка, зая, иди сюда!

Мы замороженно смотрели на крупные бриллианты, мерцавшие загадочным и многообещающим огнем. Тане вдруг стало плохо, она мягко опустилась на пол, и пришлось влить ей в нос нашатырный спирт.

– Мой дорогой Карла! Это же бесценный клад! Нам этого хватит до конца жизни!

– Как тебе не стыдно! Мы должны сдать все это в фонд мира, разве ты не знаешь инструкций?

– И сидеть с голой задницей на чекистской пенсии в пятьдесят долларов?

Драгоценности мы не сдали, политического убежища не попросили. В первый же отпуск я представил генералу Пушкину рапорт об отставке, мы купили дачу в Барвихе, и с тех пор регулярно поднимаем бокалы в честь семейства Клаттербаксов. Но все же порой налетает грусть, и хочется хоть на миг вернуться в сапожную мастерскую и немного поработать молотком.

Дуня, Дундук и НКВД

Одни умны, как Софья Ковалевская, другие красивы до безумия, как Лиз Тейлор, а никакой любви в помине, торричеллиева пустота.

А дурам везет.

Ну что в ней, в простой уборщице чекистского клуба на Дзержинского? Вытянул бра- тельник из деревни, сам пробился в ЧК еще в двадцатом, трудился хозяйственником, но все же вытянул и папашу – бедняка и пьянчугу, и ее, Дашу Смирнову, – мать не успел, умерла, – посе- лил в полуподвальной двухкомнатной квартире у Чистых прудов, устроил на работу в клуб. Чего еще желать?

Не писаной павой была, но и не уродиной: двадцать семь лет, образование – сельская школа. Мускулистая, широкоплечая, с оттопыренной аппетитной грудью, бедра – что надо, короткая стрижка а-ля комсомолка-физкультурница, такие на парадах ходили.

А везло.

Вот и в этот раз впервые в жизни пошла в театр, и не в какой-нибудь замухрышистый, а в Большой, получила билет в подарок от профсоюза к 8 марта, Международному женскому дню. Заняла у знакомой, дочки расстрелянного купца, панбархатное платье с оголенной спиной и белую камею, выглядела как барыня, даже неловко было. Очень нервничала, боялась опросто- волоситься, пристроилась за полной дамой и делала все, что она: покрутилась у зеркала, схо- дила в туалет, купила программку, вышла в фойе рассматривать фото актеров.

Сидела в ложе, стеснялась.

И угораздило Криса Барни войти именно в ту ложу, войти и тут же обомлеть от широких плеч, от белой шейки, оголенной стрижкой, от прижатых нежных ушек...

Он неосторожно загремел стулом, она оглянулась – и тут еще большие серые глаза.

Улыбнулись приветливо друг другу, а тут поднялся занавес, давали «Евгения Онегина».

«Паду ли я, стрелой пронзенный?» – пел Козловский, высоко подняв брови и встряхивая длинной волнистой шевелюрой.

Опера давно сразила сердце англичанина: он коллекционировал пластинки и не пропус- кал случая, чтобы пойти в Большой или в Ковент-Гарден, боготворил Чайковского и Мусорг- ского. В свое время, когда учился в музыкальной школе, сам мечтал стать композитором или, на худой конец, дирижером, однако жизнь решила по-своему: служба в королевском воздуш- ном флоте, а потом – суровый бизнес.

Больше смотрел на ее спину, а не на сцену, впитывал сумасшедшие флюиды, во всяком случае, так ему казалось.

В антракте пошел за прекрасной дамой в буфет, она купила шоколадную конфету и цико- риевый кофе, скромно присела за столик. Он немного помучился: пристойно ли джентльмену бухаться на стул рядом? Впрочем, русские садятся где попало, было бы только место.

Купил стакан воды, сел рядом и представился:

– Кристофер Барни.

– Даша. Вы латыш? – спросила наобум, видимо, потому, что недавно в клубе разговари- лась с бывшим латышским стрелком, он тоже говорил с акцентом.

– Нет, я англичанин.

Об Англии она знала, что там правят капиталисты, нещадно эксплуатирующие рабочий класс. В тонкостях она не разбиралась, газет не читала, по радио любила слушать частушки, они напоминали о хороводах в родной деревне, многие парни из-за нее теряли головы, Вася- гармонист, ныне московский пролетарий, до сих пор навещался в клуб.

– Я здесь по делам, – сказал Крис, не зная, о чем говорить на своем ужасном русском. – Вы никогда не были в Лондоне?

Она улыбнулась – забавный парень, в темном костюме с галстуком-бабочкой, словно артист. Была ли в Лондоне? Ну и ну! Спросил бы лучше, была ли на Северном полюсе.

Барни взбодрился и повел умную беседу:

– Ковент-Гарден – это хорошо!

– Да, да... – улыбалась она.

– Вивальди, Гайдн, Моцарт... хорошо!

– Конечно! – улыбалась она, ничего не понимая.

– Венская опера, Фигаро...

– О да!

– Поехать в оперу в Вену? – это был хитрый заход.

– Конечно!

Многие прекраснополье умеют создать иллюзию полного понимания (даже Пушкину внушили его возлюбленные, что разбираются в поэзии), поэтому у Криса сложилось самое высокое мнение о ее интеллектуальных способностях, более того, он был счастлив, что наконец-то нашел родственную душу, обожавшую оперу, ну а о сложностях выезда советских граждан за кордон, в ту же самую Вену, он вообще ничего не знал и знать не хотел. Политикой Крис абсолютно не интересовался – мало ли какое общественное устройство пожелает создать у себя тот или иной народ? Феодализм, вольный город, большевизм? Все это мелочи, если фирма занимается закупками древесины, продукт этот совершенно не изменился со времен первых наездов английских купцов во владения Ивана III.

После спектакля Крис пригласил новую знакомую в «Метрополь», угостил ее икрой и шампанским, но кофе предложил выпить у него дома. Ресторан потряс Дашу, еще больше понравился ей «Шевроле» Криса. Приглашение на квартиру было принято, ибо Даша за свое достоинство не опасалась и однажды на танцах в клубе даже врезала одному пьяному чину, который посмел слишком откровенно ухаживать. Дома на улице Горького Крис поставил пластинку с аргентинским танго, пригласил Дашу и на третьем танго попытался поцеловать ее в шею, однако демарш она отвергла с места в карьер, хотя Крис ей пришлось по вкусу, держала грудь на почтительном расстоянии и вообще дала понять, что она не из тех, кто в первый же вечер уступает атакам мужчины. И это понравилось Крису, он проникся еще большим уважением к Даше, поинтересовался местом работы, получил ответ: в райсовете Дзержинского района (клубное начальство рекомендовало именно такую легенду) – этого было вполне достаточно, и даже слишком много.

Вечер закончился в лучших светских традициях: после кофе Крис благородно довез Дашу до дома, поцеловал на прощание руку и пригласил на «Лебединое озеро».

Далее сценарий повторился: Большой, «Метрополь», улица Горького, аргентинское танго с той разницей, что второй визит позволял некоторый интим (Даша это предполагала, сходила в баню, надела чистое белье).

В предвкушаемые события она так хорошо вжилась, что во время танца уже почувствовала, что влюблена, от шампанского чуть-чуть кружилась голова, и ноздри щекотал горьковатый запах лосьона, исходивший от холеных щек партнера.

– Я люблю вас! – сказал он.

– И я тоже, – ответила она, совсем не удивляясь своим словам.

Они прошли в спальню, она аккуратно сняла с себя платье, повесила на спинку стула, стараясь не помять, и залезла под одеяло в трусиках и бюстгальтере.

– Вам не нужно в ванную? – спросил он, появившись в клетчатом шотландском халате.

– А что? – испугалась Даша, решив, что от нее плохо пахнет.

– Если нужно, она прямо и налево.

– Не нужно, я сегодня в бане была, – радостно сообщила Даша.

Совершили грех, и совсем неплохо...

И пошло-поехало.

Сначала встречались раз в неделю, потом чаще, несколько раз англичанин на своем «Шевроле» заезжал за Дашей, в полуподвал его, естественно, не допускали, но соседи заприметили иномарку и тут же стукнули в органы.

О Барни там знали немного, фирма никого не интересовала, а его самого считали чокнутым и совершенно непригодным к оперативному использованию. Но дело на него, естественно, завели как на потенциально опасного иностранца, в конце концов даже полный дурак способен уйти в подполье и помогать интервентам в случае их попытки в очередной раз задавить молодую республику. Ребята в отдел НКВД совсем недавно пришли из провинции, веселые рабоче-крестьянские парни заменили пущенные в расход опытные кадры, продавшиеся троцкистско-бухаринским шпионам. Настроены были по-боевому, готовились хоть завтра врезать и Керзону, и Чемберлену, гордились победами Красной армии и потому к проигравшим интервентам и всем их соплеменникам относились снисходительно.

Барни дали кличку Дундук. Но мнение о нем радикально изменилось, когда произвели установку Даши и, к ужасу своему, обнаружили, что работает она прямо в сердце системы – в клубе НКВД. Конечно, вольнонаемная и уборщица, но ведь вертится среди чекистов – носителей секретов. Тонко копал Дундук, в традиции вероломной и хитроумной английской разведки, считавшейся исчадием ада: ведь именно англичане, начиная с Великого Октября, были закоперщиками всего самого гнусного и мерзопакостного против освободившегося от кандалов капитала народа. Шпионы Брюс Локкарт и Сидней Рейли прямо участвовали в заговорах против Кремля, Уинстон Черчилль субсидировал белых, дружил с террористом Борисом Савинковым и вдохновлял интервенцию. А разве не английские агенты расстреляли 26 бакинских комиссаров? А что сказать о печально знаменитом ультиматуме лорда Керзона, требовавшего прекратить религиозные преследования? И это советы из страны, где тысячами убивали католиков и отрубили голову Марии Стюарт!

Вот вам и Дундук!

На самом деле тонкий и хитрый змий, таких, как он, давить надо, вспоминали процесс над шестью англичанами предприятия «Метро-Виккерс», все сознались в шпионаже, правда, оказавшись на родине, тут же свои слова дезавуировали.

Дело на Дарью Смирнову завели молодые сотрудники НКВД Игорь Бровман и Николай Привалов. После установки личности поняли, что за всей внешней незначительностью этой, казалось бы, бытовой истории стояли крупные интересы Интеллидженс Сервис и разработка может вылиться в процесс, не уступающий по масштабам оному над «Метро-Виккерс», собственно, поняли не сами, а после посещения начальника отдела Левинского, старого и еще не отстрелянного чекиста, работавшего в свое время под крылом Железного Феликса.

Осознание значительности всего дела заставило обоих спуститься в обеденный перерыв к киоску на Кузнецком и выпить по кружке пива с воблой. Стоял жуткий мороз, и толстомордая продавщица подливала пиво из разогретого чайника. Вернулись бодро в кабинет, румянощечие и подтянутые, Бровман тут же связался с начальником клуба, представился и попросил организовать встречу со Смирновой.

Дарья долго ломала голову по поводу столь высокого приглашения, но потом справедливо решила, что поскольку она работает честно и добросовестно, то начальство намерено предложить ей более чистую работу. Откровенно говоря, она уже давно метила в буфет клуба, конечно, мешала малограмотность, но не боги горшки обжигают, не книги там писать, а считала Даша, как ни странно, быстро и точно и в деревне в свое время работала в сельпо. Приодевшись в белую блузку с черной юбкой, она двинулась в клуб, где принимал ее Бровман, напустивший на себя весьма строгий, но любезный вид. Встал из-за стола, пожал ей руку и предложил сесть, отметив про себя, что фигуру у объекта разработки жизнь еще не разнесла, как у большинства деревенских баб.

Беседовал значительно, глядел, не мигая, прямо в глаза Даше, подражая нестигаемому сыщику Нику Картеру, однако Дарья не обратила внимания на все эти уловки, но сделала вывод, что с Бровманом следует держать ухо востро.

– Дарья Петровна, наш разговор касается не вашей работы. Как вам известно, международная обстановка сейчас сложная. Процессы над троцкистско-бухаринскими бандитами показали, что английская, немецкая и другие иностранные разведки всеми силами пытаются свергнуть наш рабоче-крестьянский строй. Вы понимаете, что я имею в виду?

– Конечно, – ответила Даша, хотя абсолютно ничего не поняла, фамилий вождей, кроме товарищей Ленина и Сталина, она не знала, а насчет каких-то процессов над преступниками... слышала, конечно, вот и в деревне у них Ванька Спичка по пьянке угнал трактор и утопил в речке.

– Очень хорошо, – заметил Бровман, тонко уловив, что говорит с каменной стеной. – А вы знаете кого-нибудь из иностранцев?

– Знаю, – сказала Даша, предчувствуя недоброе.

– Кого же?

– Криса. Англичанин он. По-русски говорит плохо.

– Он интересовался вашей работой?

– А я ему правды не говорила. Я ему насчет райисполкома.

– Правильно! – одобрил Бровман. – Ну а подозрительные вопросы он задавал?

Даша тяжело задумалась, а Бровман почувствовал себя глупо: что эта дуреха знает о государственных секретах?

– Может, спрашивал вас о сослуживцах? – уточнил он.

– Нет, – односложно отвечала Даша, явно не страдающая многословием.

Впрочем, она честно рассказала, что ходила в «Метрополь», посещала квартиру, правда об отношениях с Крисом умолчала – не из опасения кары органов, просто стеснялась.

Конечно, самое простое – уволить Дашу из клуба, предотвратив возможное преступление, но как тогда разрабатывать Дундука? Увольнять – оперативная ошибка, способная похерить все дело, поэтому Бровман предложил Даше внимательно следить за действиями Барни и информировать его лично обо всех подозрительных моментах.

– Подозрительных? – не поняла Даша.

– Ну, если он будет спрашивать о характере вашей работы (опять сказал глупость), о том, кто ходит в клуб... мало ли что? – пояснил Бровман. – Мы можем попросить вас узнать о нем кое-что... Уточнить, чем он занимается, с кем дружит. Вы ведь прекрасно знаете, что почти все иностранцы – это шпионы (опять глупость, просто глупость на глупости)!

– Шпионы? – испугалась Даша.

– Да! – И для наглядной убедительности Бровман показал ей карикатуру в газете «Правда», где была нарисована отвратительная крыса с вытянутым носом, жадно вынюхивающая кусок сала в мышеловке. – Так что будете нас информировать.

Даша не возражала, Бровман продиктовал ей расписку о сотрудничестве с органами и о неразглашении этой страшной тайны, писала она долго и коряво, тяжело дыша и наморщив лоб. Бровман напомнил ей, что, даже если ее станут пытаться, уста ее должны быть немые – это святой долг каждого советского человека. Дал ей и псевдоним Дуня, считая, что он лежит недалеко от Дундука, и порадовался своему остроумию.

Как ни смешно, но после этого дурацкого разговора Бровман вернулся к себе в дом 2 по улице Дзержинского совершенно измочаленный, будто допрашивал ночи напролет упорствующего предателя. С юмором рассказал Коле Привалову о Дуне и приступил к оформлению бумаг на Дуню: по существовавшим правилам заведение агентурного дела санкционировал сам начальник отдела. Заполнил все анкеты и бланки, докладывать решил на свежую голову. Было уже десять часов вечера, но все сотрудники оставались на местах вместе с малым начальством,

последнее ориентировалось на наркома, а нарком – на товарища Сталина, трудившегося по ночам на благо народа и всего прогрессивного человечества.

В кабинет заскочила уборщица Маша, прошла по мебели тряпкой, мечта кокетливые взгляды в Бровмана, с которым месяц назад почти до четырех утра гужевалась на кожаном диване – дело случилось во время воскресного дежурства, состав отсутствовал, чекистский риск сводился до минимума, и Бровман позволил себе от души.

Но больше – никогда!

И Дуня – уборщица, и Маша – уборщица. Знак судьбы? Случайность? Но Бровман усердно посещал лекции товарища Емельяна Ярославского и знал, что бога и других сил, не предусмотренных марксизмом, на свете не существует.

Но все равно... почему именно уборщицы, а не, скажем, актрисы?

Он засмеялся и пошел в туалет.

По дороге открыл дверь своего кореша следователя Михаила Тарнавского, дабы посоветоваться с ним по поводу чересчур явной кокетливости Маши (не стукнет ли она о случившемся по начальству или в партком? – ведь совсем недавно безлика секретарша Зина таким образом оженала своего патрона!), но тут же закрыл дверь – тишайший Михаил, на вид и мухи не убивший, лупцевал по физиономии пузатого, наголо обритого человека, привязанного к стулу ремнями, кровь стекала из разбитого носа на грудь.

Призадумался, вернувшись в кабинет, еще раз просмотрел все материалы, почитал Ника Картера до трех часов, затем уехал домой на дежурной машине.

В десять утра явился на доклад к шефу, дабы поставить на делах его высочайшую подпись, но получил от ворот поворот: маловато материалов, где данные о здоровье, отзывы соседей по квартире, каково политическое лицо Дуни, как относится к генеральной линии партии, не состояли ли родственники в буржуазных и мелкобуржуазных партиях?

На сбор информации потребовалась еще одна неделя, здоровье оказалось нормальным, соседи жаловались, что иногда ссорится с братом, к тому же по воскресеньям ходит в церковь, естественно, из-за своей дремучести, насчет политического лица чекист решил не тратить время на выяснение очевидного и написал, что Дуня линию партии поддерживает. А тут еще подоспела сенсационная информация: Даша уже целый год состояла в официальном браке со скромным служащим юридической конторы Василием Малько, старше ее на двадцать лет, с университетским образованием. Правда, супруги не жили вместе, ибо Малько ютился у своих родителей, а его проживанию у Даши сопротивлялись и отец, и брат. В общем, не лучший моральный облик, о котором клубное начальство и не подозревало.

Казалось бы, простейшее дело, а закручивалось крайне неприятно и ничего хорошего не сулило...

Дело Дундука выглядело гораздо перспективнее: из богатой семьи (отец – владелец завода оставил наследство), шотландец, значит, настроен против английского владычества, за плечами имперский колледж, открывающий двери в лучшие фирмы, служба в авиации. Аполитичен, живет в имении недалеко от Глазго. Дополнительная информация: добряк, верит всем на слово, порядочный, отзывчивый, не рвач и человек меры (читать все это Бровману было даже противно, бывают же на земле такие капиталисты!). Что ж, просто идеал в разрываемом противоречиями буржуазном обществе, где, как писал великий Чарльз Диккенс, «устрицы шагают под ручку с нищетой».

Станный, воистину странный англичанин, в любом случае – находка для органов: с честными и добрыми людьми приятно сотрудничать, хотя некоторые идеалисты не понимают, что повсюду идет ожесточенная подковерная борьба и люди гибнут за металл.

И влюбился, дурак!

Даша платила ему взаимностью и однажды после конспиративной встречи с Бровманом, во время прогулки с англичанином по Тверскому бульвару, сообщила:

– Ты знаешь, Крис, меня вызывали... интересовались тобой и просили за тобой присматривать.

– Кто вызывал?

– НКВД, – ответила она.

– Это кто? – заинтересовался Крис.

– Ну, вроде милиции...

– А что они хотят?

– Они считают, что ты... английский шпион, – она вспомнила большую крысу с вытянутым носом.

Тут Барни все понял и удивился:

– И ты поверила?

– Нет. Но что делать?

– Что делать? – он задумался. – А что делать? Да ничего. Рассказывай им все, что хочешь, у меня от них нет секретов.

– А ты никому не говори о нашем разговоре...

Дура дурой, а умная. Больше к этой теме любовники не возвращались.

Наступала пасха, и Даша решила съездить на пару деньков в родимые края, давно она не видала подружек и вообще мечтала развеяться после суматошной столичной жизни. И вдруг ее осенило: а почему бы не пригласить Барни с его шикарным автомобилем? В конце концов, деревня располагалась всего лишь в трехстах километрах, что ему стоит?

«Шевроле», набитый куличами, пасхой, крашеными яйцами и разным дефицитом, сразил наповал всю деревню. Сходили в церковь, а потом в доме подружки Даши, где она поселилась с Крисом, состоялась большая гульба. Захаживали почти все, а председатель сельсовета, решивший, что Барни – чуть ли не член правительства, стелился как мог и даже зарезал по случаю праздника свинью.

И все бы сошло с рук, если бы не участник Гражданской войны и секретарь партячейки Григорий Кожемяко, усмотревший в посещении церкви, которую ему не удавалось снести, чуть ли не вызов идеологическим устоям. Одно дело, когда ходит свой неграмотный народ, отравленный опиумом, другое дело – приезд из столицы, где живет и трудится сам вождь. О своих сомнениях он осторожно сигнализировал в райком, в результате вся история достигла ушей НКВД, и товарищ Левинский наложил на входящей бумаге резолюцию: «Тов. Бровману. Разобраться и доложить».

Еще бы: ведь иностранцам без уведомления соответствующих органов за пределы столицы выезжать возбранялось.

Как снег на голову. Нарушение всех правил не только иностранным шпионом, с ним все ясно, но самим агентом НКВД Дуней!

Бровман за всю эту неприглядную историю получил строгача, однако начальство решило использовать нарушение всех норм в будущем, когда разработка достигнет апогея и объект созреет для вербовки.

– Почему вы пригласили его с собою в деревню? – строго спросил Бровман свою агентессу на очередном randevu.

– На пасху, – ответила она просто.

– Почему вы мне об этом ничего не сказали?

– О чем?

– О том, что пригласили.

– Я не знала. А что в этом плохого?

– Вы должны мне рассказывать и о плохом, и о хорошем, – говорил Бровман, раздражаясь и понимая, что бесполезно разъярять этой глупой бабе всю опасность выезда иностранцев за пределы Москвы. – Как он себя вел? Подозрительно или нет? Фотографировал?

- Ему все очень понравилось, правда, дороги плохие. Иногда фотографировал...
- Мосты, шлюзы, другие объекты?
- Меня в основном и как все за столом пели...
- Ну а муж ваш что? Как он мирится с этим?
- Он и не знает. Он же живет в другом месте.
- Значит, у вас свободный брак? – добивался Бровман.
- Мы зарегистрированы! – возмутилась Даша, не проститутка ведь!

Иногда Бровману убить ее хотелось...

– Я люблю тебя! – шептал Крис по-русски, и акцент делал эту фразу особенно выразительной.

Она чувствовала, что он ее любит, в этом не было никакого сомнения.

Как он отличался от мужа Василия! Тот сразу же после соития отключался, превращался в мумию, закуривал сигарету и совершенно забывал о ней – а нежность только просыпалась, она прижималась к нему, а он лежал, как холодный труп, и дымил.

С Крисом все проще и лучше, собственно, он видел свое мужское предназначение лишь в том, чтобы ей было хорошо сейчас и всегда, если не навеки. Букет цветов каждый день. Ужин в хорошем ресторане. Посещения выставок и театров. Дорогие ателье.

Теперь она ночевала у него почти каждый день, ей нравилось ходить по гостиной в шелковом халате, который он специально выписал для нее из Лондона, сидеть за инкрустированным круглым столиком и пить из высокой хрустальной рюмки... как его? пахнущий орехами, лимонными корочками и еще чем-то незнакомым... как его? куантро!

– Я хочу жениться на тебе! – сказал Крис однажды.

– Но я замужем.

– Так разведись!

Она только улыбнулась, представив реакцию на это не столько мужа, сколько Игоря Бровмана. Впрочем, последний решил не полагаться только на информацию Дуни, выставил за Дундуком плотное наружное наблюдение и обставил его квартиру техникой подслушивания. Никаких оперативных результатов, черт возьми! Один глупый любовный лепет, причем примитивнейший и на ломаном языке. Или молчали и целовались. Ну хоть бы высказался против советской власти или еще что... Ничего подобного, только болтал односложно, что любит Россию и Дашу. Какую Россию – царскую или советскую? Как любит и что готов сделать ради этой любви? Удивительно, что никаких контактов со своим посольством, словно он умышленно сторонился своих. Неужели он действительно влюблен в эту бабищу? Может, сфотографировать его с ней в постели и предъявить как компромат? Ерунда! Какой компромат, если этот дурак настолько потерял голову, что сделал предложение замужней... Эврика! Может, взять его с другой стороны: мол, сожительство с замужней чревато для него последствиями в Англии? Ведь Бровман читал в «Правде», что на Альбионе развита слежка супругов друг за другом, все это потом вываливают в суде... М-да, но это только в том случае, если Дундук женат...

Как ни поверни – все плохо.

Крис уехал в командировку в Ленинград, и Бровман каждый день читал его письма Дарье и ее ответы.

«Я люблю тебя всю, без остатка, твои глаза, уши, нос, твой пупочек, твой запах...» – от этого лирического воркования Бровману становилось не по себе, он ерзал на стуле, стыдясь своего возбуждения. Если бы он знал, сколько сил потратил Барни, чтобы раскопать эти слова в англо-русском словаре!

Тут под рукой оказалась уборщица Маша, приставшая к нему ночью, благо его сосед по кабинету Привалов не вышел на работу из-за гриппа.

О, эти уборщицы!

Левинский торопил с результатами, снимал стружку.

– Что делать, если не за что уцепиться? – оправдывался Игорь перед шефом.

– Достоевский писал: «Если Бога бы не было, его следовало бы выдумать», – заметил начальник отдела.

Намек понят.

Бровман с Приваловым начали кроить дело, складывали вместе все шпионские прегрешения: подход к сотруднице НКВД, тайный выезд в деревню и попытки распространять там антисоветскую религиозную пропаганду, в общем вполне достаточно, хотя Левинский сомневался – ведь отношения СССР с Англией не отличались простотой после сговора Чемберлена с Гитлером в Мюнхене, Сталин играл на два поля, каждый подобный шаг НКВД согласовывался с МИДом.

А вдруг попытка завербовать Дундука выльется в шумный дипломатический скандал? Хотя у НКВД имелась в запасе и сильная карта: если Дундук будет рыпаться, пригрозить репрессировать Дашу.

Тут вся история приняла неожиданный оборот: Даша развелась. Развелась, не поставив в известность органы! Вот вам и преданная делу, хотя и недалекая агентесса! ЧП! Более того, сразу же после развода отправилась вместе с Барни в загс, где молодые пожелали вступить в законный брак. Приятной наружности дама приняла документы и после ухода влюбленных тут же просигнализировала в органы об этом экстраординарном случае. Если бы не дама, так и не узнали бы.

Бровман посерел от гнева и тут же вызвал агентессу на консквартиру.

– Немедленно заберите документы!

– Почему же? Я люблю его и хочу жить вместе с ним, я беременна...

Беременна, подумать только – беременна, причем от англичанина! Только этого еще не хватало!

– Вы должны немедленно забрать документы! Разве вы не знаете, что нельзя выходить замуж за иностранцев? – Бровман не сдерживал негодования и давил как мог.

– Почему?

Ну что говорить с этой малограмотной идиоткой! Теперь дело могло выйти из-под контроля, попасть в кабинеты всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина, где формально занимались подобными вопросами, или, не дай бог, в английское посольство...

– Забери документы и забудь о замужестве! – заорал Бровман, сорвавшись.

Даша покраснела, но ответила твердо и с достоинством:

– Вы не имеете права кричать на меня и называть на «ты». Я напишу жалобу лично товарищу Сталину.

Бровман осекся: конечно, письмо тут же переправят Берия, но как среагирует он? Прежде всего возмутится, что в НКВД работают такие кретины, что даже с тупой бабой справиться не в состоянии.

Узнав о матримониальном развороте всего дела, Левинский, представив презрительную усмешку наркома, пришел в ужас и решил принять хитроумные меры: никаких скандалов, пусть документы лежат в загсе без движения, однако Даша обязана взять на себя роль вербовщика и привлечь своего англичанина к сотрудничеству, отобрав у него расписку. Собственно, разве все так и не задумывали с самого начала? Тем более что НКВД уже накопил богатый опыт вербовок объектов своего интереса с помощью любовниц.

С такой вполне ординарной бумагой начальник отдела и поспешил к Лаврентию Берия, другу товарища Сталина, сразу оценившему всю глубину операции: ради проникновения в логово враждебного Запада не только в брак можно вступить, но и жену свою отдать другому или даже, хоть это и невыносимо, превратиться на время в педераста. В конце концов, разве большевики не сделаны из особого материала?

Однако, учитывая неопределенные отношения с Англией, нарком все же решил получить санкцию Хозяина и, положив бумагу в папку с особо важными документами, двинулся в Кремль и попал на сабантуй деятелей культуры, которых Сталин умел обласкать до кондиции на грани мочеиспускания.

– Товарищ Козловский, – кричал раскрасневшийся от выпивки Ворошилов. – Исполни, пожалуйста, «Вдоль по улице метелица метет...».

Козловский приготовился было петь, но вмешался капризный вождь:

– Товарищ Ворошилов, зачем ты пристаешь к товарищу Козловскому? Товарищ Козловский не хочет петь твою «Метелицу», он очень хочет петь арию Ленского из великой оперы Чайковского! – Сталин повторял слова, вбивая их, словно гвозди.

Не вовремя подошел Берия со своими бумагами, еще в воздухе царствовала нетленная музыка Чайковского, а он совсем некстати о вербовке какого-то англичанина, влюбленного в агентессу.

– А не ошибаются ли товарищи? – удивился Сталин. – Неужели этот англичанин действительно любит нашу девушку? По-моему, эта нация холодна, как мацони из погреба. Не игра ли это английской разведки?

– Не только любит, но и собирается жениться, – попытался укрепить свои аргументы Лаврентий Павлович.

Это была роковая ошибка.

– Жениться?! – удивился Сталин. – Зачем нам эти браки с иностранцами? Пусть она вербует, Лаврентий, а в остальном ведет себя как положено.

По возвращении на Лубянку Берия дал бешеный разнос Левинскому за неумение работать с агентурой, гнев рикошетировал, естественно, и в Бровмана.

Линию выработали четкую: провести вербовку, но брака не допустить.

– Наступил самый ответственный момент, Дарья Петровна, слушайте меня внимательно, очень внимательно, – внушал Игорь Бровман. – Вы должны верить каждому моему слову и действовать соответственно. Вы мне верите?

– Верю, но фамилия у вас сложная, – честно отвечала Даша.

Бровман удивился – ведь раньше об этом ему никто не говорил, – подумал и расстроился: действительно, «Бровман» звучало как удар молота или огромного колокола, хотя сам опер был худеньким, улыбчивым, с жидкими усиками и живыми блестящими глазами.

Итак, вербовка Дундука. Он тщательно проинструктировал Дашу, дабы она не наломала дров, придумал легенду, подходящую для ее простых мозгов: мол, подкатились к ней чекисты, знавшие об их знакомстве, и поставили ультиматум: или-или. Либо Барни будет помогать органам, либо прощай, любовь, прощай, Россия и бизнес, дающий кое-что. Ну а ее – как полагается... Все очень правдоподобно.

К удивлению Бровмана, Даша к предложению отнеслась спокойно, словно вербовала каждый день.

Разговор затеяла на улице (к тому времени уже понимала, что могут прослушивать), на пути из кино домой.

– Крис, со мной говорили, они хотят, чтобы ты им помогал, работал с ними...

– Кто говорил? – Крис так и не разобрался в многогранной советской действительности.

– Помнишь, я тебе говорила? НКВД. Вроде милиции.

– И чего это дерьмо к нам привязалось? Впрочем, и в Англии его хватает. Дорогая моя, мне на них совершенно начхать, поэтому делай все, что они просят, главное, что мы любим друг друга, правда? Что им от меня нужно? И когда нас регистрируют в загсе? Что они тянут?

На следующий день Даша осчастливила Бровмана сообщением о вербовке англичанина, тот радостно доложил об этом по инстанции. С целью зацементировать сотрудничество Левинский поручил Бровману провести личную встречу с Дундуком, которого теперь решили пере-

именовать в Ястреба – неудобно иметь агента с такой идиотской кличкой. Однако для страховки Левинский доложил об успехе Дуни лично Берия и запросил его санкции на подход к Ястребу.

– Надеюсь, все его мысли о браке отпали? – строго спросил Берия.

– К сожалению, нет, Лаврентий Павлович, – вздохнул начальник отдела. – Напротив, он настаивает.

Берия представил колючие глаза Кобы, снял пенсне, протер его и задумался.

– А не ищем ли мы на свою задницу приключений? Зачем нам скандал? Арестовать ее, суку! А его выслать из страны без всякого шума.

Действовали оперативно, выслали одним махом за нарушение правил передвижения иностранцев, английское посольство даже не пикнуло: закон есть закон.

Дашу Смирнову арестовали, быстренько провели и следствие, и суд, обвинили в разглашении государственной тайны, дали десять лет и отправили во владимирскую тюрьму, где она и томилась, пока через брата ей не удалось сообщить обо всех перипетиях своему возлюбленному.

Это переполнило чашу, Барни мобилизовал всю английскую прессу и растрезвонил об этой печальной истории по всему миру. В парламенте сыпались запросы по поводу дела Даши и ее жениха, сам Барни написал несколько писем Сталину и Калинину и самолично пикетировал советское посольство в Лондоне с хамским лозунгом «Дайте свободу моей жене!» – все это окончательно создало ему репутацию злостного антисоветчика.

Однако в кругах английской компартии его дело нашло понимание, и, находясь в Москве на заседании Коминтерна, ее генсек провел мысль, что такими делами Советский Союз рубит сук, на котором сидит, и отпугивает от коммунизма британцев, считающих частную жизнь выше всяких государственных интересов. Наркомат иностранных дел тоже отмечал, что все дело пагубно сказывается на англо-советских отношениях, особенно в условиях нараставшей фашистской угрозы.

Письма любимой Крис писал каждый день: «Я думаю о тебе каждую минуту, каждую секунду, ты всегда перед моими глазами, иногда я разговариваю с тобой, иногда обнимаю тебя и целую. Я сделаю все, чтобы мы были счастливы вдвоем...»

Бровман только усмехался, почитывая этот бред, который ему передавали в пачке раз в неделю (естественно, никто и не думал пересылать письма Даше), иногда на него нападала дикая злость: люди любили, как в сентиментальных романах, а он копался в дерьме, что-то выискивал, сажал, отправлял на расстрел. «Господи, – думал он, – хотя и не верил в бога, что же ты сделаешь со мной? Вот эта пара идиотов наверняка попадет в рай, а за что? Им и на земле – как в раю... правда, эта уборщица сидит... но ведь не расстреляли! А этот влюбленный кретин вообще не испытал всего смрада и грязи земной жизни, чистоплюй хренов, змееньш, льет теперь оттуда помои и уж наверняка считает себя порядочным человеком. И попадет, гад, в рай, а я, Бровман, сын житомирского врача и большевик с двадцать восьмого года, буду кипеть в каком-нибудь вонючем дерьме».

Но оторваться от писем чекист не мог, читал внимательно, не пропуская ни строчки, и раз в месяц аккуратно составлял по письмам справку для досье.

Но не так-то просто было сломить Барни. После изгнания из Москвы фортуна словно в отместку органам заключила его в объятия: он открыл новую фирму и сразу же – крупнейший контракт с Финляндией. Вокруг появилось много людей, симпатизирующих ему и его правому делу борьбы за невесту, он купил особнячок в районе Баттерси на набережной Темзы. Но главное – это осуществление давнишней мечты, еще детской и наивной, но вдруг ставшей совершенно реальной: Барни приобрел небольшой спортивный самолет и написал на нем белой краской: «Даша».

К своим партнерам в Хельсинки теперь он только летал, об этом радостном событии, естественно, написал Дарье, сначала Бровман удивился, но потом пришел к выводу, что идиот – совсем не идиот, а самый настоящий шпион, и совсем не напрасно его выперли из СССР, если он летает, а следовательно, и фотографирует все внизу. И вообще эту уборщицу он ловко использовал в своих целях.

Далее произошло совершенно фантастическое, грандиозное ЧП, всколыхнувшее и пограничную, и всю чекистскую службы: глубокой ночью Барни вылетел из Хельсинки, беспрепятственно пересек советскую границу и, никем не замеченный, взял курс на Москву. Так бы и долетел, и совершил бы посадку рядом с владимирской тюрьмой, если бы над Валдаем не забарахлил мотор. Пришлось приземлиться в чистом поле, усеянном васильками и ромашками, и приступить к починке самолета. За этим занятием его и застала бабка, вышедшая рано утром по грибы.

– Ты что тут делаешь, сынок? – ласково спросила она.

Барни объяснил, что потерпел аварию, летит по делам в Москву и нуждается в технической помощи. Бабку немного удивил акцент, но на призыв о помощи она откликнулась и сходила на МТС. Через пару часов подъехали молодые ребята в спецовках, живо разобрались и с самолетом, и с пилотом, сообщили куда следовало – далее все пошло по обычному сценарию: в боевой спешке мощно вооруженный отряд чекистов выехал на место происшествия и окружил самолет, угрожая пулеметным огнем. Барни, не задумываясь, сдался в плен, но потребовал английского консула. Арест – и на Лубянку.

Чем объяснить нарушение границы? Где запрятана фотографирующая аппаратура? Где снимки, карты, инструкции английской разведки? Каков план дальнейших действий? Явки? Тайники? Связи среди советских граждан? Контакт с резидентурой разведки, хитроумной Сикрет Интеллидженс Сервис? Как планировал вернуться?

Допрашивали с пристрастием, припоминали английскую интервенцию и, естественно, отметали смехотворные объяснения о желании увидеть невесту. Какую невесту? Что это за понятие? Подача заявления в загс ни к чему не обязывает, Дарья Смирнова в Москве не проживает, куда выехала – неизвестно.

Но за граница всегда мешала спокойной жизни партии и правительства, не говоря уже о чекистах: известие о перелете и аресте Барни просочилось в падкую на сенсации английскую прессу, разразился скандал. Британское посольство мгновенно обратилось за разъяснениями в МИД, все это вызвало в НКВД суматошную панику, хотя, к счастью, к тому времени Иосиф Виссарионович успел заключить альянс с Гитлером.

Но самое страшное не это: о перелете и аресте англичанина Сталин узнал из обзора прессы и тут же вызвал на ковер Берия.

– Почему не доложил?!

– Собирал материалы... – запинаясь Берия, дрожа от страха. – Готовим большой процесс... пусть эти англичане лопнут от злости!

Умен был Лаврентий Берия, но не умел смотреть в будущее, не представлял дальновидности вождя и его сложных дипломатических пируэтов. Глупо складывать все яйца в одну корзину, сегодня Гитлер – друг, а завтра – враг. Поэтому не стоит отталкивать проклятого Чемберлена, не надо захлопывать дверь. Ох уж этот Лаврентий! Заставь дурака богу молиться – он и лоб расшибет.

– Подумай хорошенько, а какую политическую пользу мы будем иметь? Процесс придется проводить открыто, они своего гражданина не дадут в обиду, найдут адвоката, тут же раздуют историю с этой бабой... послушай, а она красивая?

– Я ее не видел, Иосиф Виссарионович...

– Странно, что не видел, ты у нас такой любопытный, да и работа у тебя такая, чтобы видеть все. – В словах вождя послышалась жесть. – Как будут выглядеть Советский Союз и

товарищ Сталин, о котором и так пишут на Западе, что он придумал все процессы? А Советский Союз и товарищ Сталин будут выглядеть очень плохо. Посмотри на это по-человечески: разве не мелко для нас, большевиков, ставить палки в колеса двум влюбленным? Разве мы не хотим счастья простых людей?

– Но он же шпион...

– Шпионом можно назвать любого... – улыбнулся Иосиф Виссарионович. – Кардинал Ришелье говорил, что дай ему только перо...

– Но... вы сами дали указание... – слабо возразил Берия.

– Что ты хочешь этим сказать? Еще покойный Ленин критиковал догматиков. Нужно извлечь из этого дела политические дивиденды, понял? Помочь Адаму соединиться с Евой. Где сейчас Ева?

– В тюрьме.

– Тюрьма – это хорошо, ты поступил правильно. А теперь ее надо выпустить, его освободить тоже. Пусть женятся, помоги молодым, Лаврентий, пришли им на свадьбу ящик хорошего киндзмараули! Пусть в Англии знают, что у большевиков благородное сердце! – Сталин был в отменном настроении.

– А дальше что? – спросил Берия.

– Дальше будем тоже думать об интересах страны. Тебе ясно?

В тогдашней России все совершалось стремительно, как в волшебной сказке: сегодня сажали, завтра выдвигали на повышение, послезавтра снова сажали, затем расстреливали или переводили на другую работу.

Уже через два дня и Крис, и Даша оказались на свободе, по указанию Бровмана загс форсировал регистрацию, сияющим влюбленным вручили брачное свидетельство и пожелали счастья в семейной жизни. НКВД подбросил Даше деньги на свадьбу, которую сыграли в «Метрополе», туда и доставили прямо из Грузии два ящика кахетинского. Присутствовали Бровман, начальник клуба, отец и брат, родственники стеснялись роскоши ресторана и иностранца, пили только шампанское (зато дома надрались как положено), от лица службы Игорь торжественно вручил молодым серебряный самовар.

Что намерена делать дальше молодая чета?

Ну конечно, выехать на остров фарисеев и сикофантов, в уютное гнездышко на берегу Темзы! Гражданство Даша менять не собиралась и обиды на органы не таила – мало ли что в жизни бывает?

По заданию руководства Бровман встретился с англичанином на конспиративной квартире.

– Прежде всего хочу попросить вас о конфиденциальности нашей беседы. Даже жене об этом – ни слова! Международное положение в настоящее время очень сложное, – говорил Бровман, словно с трибуны съезда партии. – Не исключена война с фашистской Германией, все передовые люди должны объединить свои усилия. Согласны ли вы нам помогать?

– С большим удовольствием! – отвечал Барни. – Я сделаю все, что могу!

Тут же Игорь отобрал у Криса расписку о сотрудничестве с могущественной организацией и попросил его подписаться псевдонимом Альбатрос – прежний отрицательный Ястреб уже не вписывался в новую судьбоносную роль.

В чем будет заключаться помощь, Бровман не расшифровывал, ибо как сотрудник сугубо внутренних органов слабо представлял заграничные условия и, главное, возможности самого Барни. Правда, предварительно проконсультировался в иностранном управлении (от него после расстрелов остались рожки да ножки), и юный опер заверил его: разведка любой сошке найдет применение, даже если это ассенизатор. Можно использовать квартиру четы как почтовый ящик для связи нелегалов. Или на случай войны, когда в дефиците любые преданные люди. Последнее – самое главное. Закреплен ли Альбатрос на деле? Конечно, закреплен, име-

лись расписки, в конце концов, на родине у Дуни остались родственники... в случае чего... На нее и решили сделать ставку, потом постепенно втянуть в работу и мужа.

– Вот вам условия связи в Англии, – разъяснял Бровман. – Временные. К вам подойдут по паролю: «Вам привет от Петра Игнатъевича». Ответите: «Не родственник ли это Веткина?»

– А кто такой Петр Игнатъевич? – удивилась Даша. – И я не знаю никакого Веткина.

– Да это придумано, чтобы вам не подставили другого человека, – объяснял Бровман, чертыхаясь про себя. – Нет никакого Петра Игнатъевича, это лишь ключевая фраза, по которой вас опознают, а Веткин – вторая ключевая фраза, по которой вы сразу поймете, что перед вами наш человек... – Боже, сколько можно пережевывать!

– И что он мне скажет?

– Пока я этого не знаю. Контакт мы установим не сразу, подождем, пока вы акклиматизируетесь, привыкнете к новой обстановке. Ваша основная задача на данном этапе – искать связи, которые могут быть полезны. Мужу пока ничего не говорите.

– Понимаю... – сказала Даша, ничего не понимая.

Когда она рассказала Крису об условиях связи и заданиях органов, он долго хохотал.

– Они очень хорошие ребята, и я готов им помогать! Как ты думаешь, а что, если я буду им продавать сноповязалки? У меня есть приятель, который давно мечтает поставлять их в Россию. Ведь их сельское хозяйство нуждается в технике, я об этом слышал по радио... Но все это такие мелочи, самое главное – что я люблю тебя!

Крис и Даша благополучно выехали в Лондон, но вскоре продали особняк и переместились в Бирмингем, где Крис купил небольшой пивной завод, там русская красавица родила двоих сыновей, и семья жила в счастье и благополучии.

Пока Даша привыкала к новой жизни, разразилась война, об Альбатросе и Дуне попросту забыли, не до этого было, и самое ужасное, по разгильдяйству сдали дела в архив. Раскопал агентов совершенно случайно многообещающий старший опер, недавно окончивший разведшколу и мечтавший перенасытить добрую старую Англию ценной агентурой. Поднял дела из архива и возмутился глупостью предшественников. Случилось это в шестидесятые, к этому времени чета переселилась в милый Эдинбург.

Последовало указание в резидентуру, и в Шотландию для установления оперативного контакта направил стопы опытный разведчик Морозов.

Адрес Барни удалось заполучить, но не заходить же прямо в дом? Мало ли что?

Разговор с Дашей приказали провести отдельно от мужа, поэтому пришлось организовать слежку за домом, дожидаться отъезда Криса на работу. Но и тут не все так просто. А вдруг в доме живет еще кто-нибудь? Поэтому Морозов, засевший в автомобиле метрах в пятидесяти от дома, решил установить контакт с агентессой на улице.

Ему повезло, часов в одиннадцать Дарья направилась в соседнюю булочную, на ходу он ее и перехватил, огорошив паролем с приветом от Петра Игнатъевича. Сначала она испугалась, поскольку совершенно забыла о своих давних обязательствах, потом страшно обрадовалась появлению соплеменника (на ее письма отцу и брату никто не отвечал), затащила разведчика в дом, пригласила соседей, позвонила на работу Крису и сообщила о госте с Лубянки, причем открытым текстом.

Морозов чуть не потерял сознание от такой гласности и чувствовал себя как уж на раскаленной сковородке, тем более что соседям она представила его как сотрудника НКВД, и это было воспринято как хорошая английская шутка.

Вскоре прибыл радостный Барни, расспрашивал о Бровмане при соседях (!), Даша организовала пышный русский стол, достала водки и солений, которые делала лично. На ломаном английском (выучила же, деревня!) с большим удовольствием рассказала о своих любовных приключениях с Крисом в Москве, вспоминала с искренней ностальгией, и о расписке не забыла разболтать, дура!

Морозову оставалось только напиться с горя: какая тут, к черту, агентурная работа, если у обоих языки без костей?

Вернувшись в Лондон, разведчик отправил в Центр шифровку о вопиющем нарушении конспирации со стороны агентов и полной бесперспективности работы с ними.

– Правильно здесь написано, что она набитая дура, и вообще два сапога – пара! – проворчал начальник отдела, но уже не Левинский, которого расстреляли, а другой, из нового партийного набора.

Дела агентов отправили снова в архив, нечего мараться с дерьмом, родственников Даши решили не трогать: вдруг эти психи поднимут бучу в Англии?

Любящие супруги жили долго и умерли почти в одно время в преклонном возрасте, в окружении любящих детей и внуков.

Больше всего не повезло Игорю Бровману: не тронули его в самую последнюю предвоенную чистку, когда перестреляли и шефа, и Привалова, и почти весь отдел, пощадила его немецкая пуля, хотя он прошел в Смерше через всю войну и дослужился до подполковника.

И в первые послевоенные годы судьба хранила, и он двигался вверх, и все-таки не повезло: в сорок восьмом, во время кампании против космополитов, Бровмана арестовали, обвинили в связи с крупным английским шпионом Кристофером Барни и приговорили к «вышке».

Перед смертью он почему-то вспомнил двух агентов-дураков, которые попадут в рай.

Японские страсти-мордасти

Геннадью Булкину не повезло ни с внешностью, ни с особыми талантами, и вообще судьба к нему не благоволила с момента поступления на восточный факультет Института международных отношений: мечтал на западный, но туда ломились ребята с мохнатой рукой, пришлось выбрать восточный, ненавидел себя за это, представлял жизнь в дикой жаре, с малярией, скользкими рептилиями и разными инфекционными заболеваниями, в окружении нищих туземцев. Но больше всего опасался Булкин, что бросят его на японский язык, о трудностях которого ходили легенды, не зря ведь в совучреждениях за него платили аж 20 процентов, в два раза больше, чем за английский или немецкий. Мало того что у многих от изучения японского ехала крыша, мало того что при первом контакте с живыми японцами ухо ничего не разбирало, а язык отнимался, так он еще без постоянной тренировки полностью испарялся, превращался в труху, и многие годы труда летели кошке под хвост.

Ночью молился богу, чтобы уберечь от японского, на собеседовании прямо сказал, что не хотел бы учить этот проклятый язык, но все равно свершилось: всучили-таки! Шесть лет корпел, не разгибая спины, выучил, хотя и плохо, этот дьявольский язык, порой снились живые иероглифы, они бегали, танцевали, взявшись за руки, и проделывали прочие непотребные вещи. Язык выучил, но японцев не полюбил. Пытался проникнуться насильно, читал с раздражением танки, непонятного Мишиму, ходил в театр Кабуки, смотрел цветную графику Утамаро и Хокусаи – ничего не помогло, не проникся, не полюбил великую японскую культуру и ее народ, наоборот, пришел к выводу, что в душу японца, если она и существует, не проникнуть. Другая цивилизация, несмотря на внешний лоск, опасная цивилизация, своего рода троянский конь, проникший в глубины западной экономики и подрывавший ее изнутри.

Учеба в институте подходила к концу, началось распределение, и вроде бы с неплохими перспективами для японоязычных: и на радио, и в МИД, и в ЦК партии... Но больше всего боялся Булкин, что его распределят в КГБ, с детства не любил и боялся эту организацию, хотя никто в его рабоче-крестьянской семье репрессиям не подвергался. Да и не боялся бы, если бы не дружил с Аликом – сыном генерала КГБ, тот об организации знал все и заваливал Гену информацией о пытках в застенках ЧК, об убийстве Гумилева, о ночных арестах и о прочих страхах. И снова молился, и, конечно, предложили в КГБ и больше никуда, о роде работы обещали рассказать после зачисления. Проконсультировался с Аликом, тот сказал, мол, просись в разведку, все же это занятие благородное, а то будешь ловить японских шпионов в Москве, а знаешь, какие они хитрые? Читал у Куприна рассказ «Штабс-капитан Рыбников»? Никакой он был не русский, а чистокровный япошка, выдававший себя за русского офицера. Ха-ха! А что с глазами делал? Спички вставлял, чтобы не были узкими и косыми, как у всех у них? Да ерунда! Мало ли у нас косых – эвенков, якутов, казахов и прочих японообразных! Интересно, что заподозрила его в шпионстве заурядная проститутка, уж слишком ласковым и нежным он оказался, совершенно необычным кавалером, каких среди русских грубиянов не сыщешь...

И снова молился, чтобы попасть в разведку, и попросился даже, но загремел по закону бутерброда в контрразведку, причем не во второй главк и даже не в московское управление, а в УКГБ славного города Хабаровска. Перед отъездом решил жениться, далеко искать не стал и сделал предложение сокурснице с индийского отделения Инне, девушке неприметной, но умной, из хорошей партийной семьи, правда, ростом она выдалась выше Геннадия на целую голову. Увы, получил отказ. Сначала комплексовал, потом затих. Ну и что? Поищем и найдем другую. С таким великанским ростом ее и в Японии не использовать: видно за версту, никакая конспирация не поможет...

Судьба Ясуо Токугава (точнее, как принято у японцев, Токугава Ясуо) шла по восходящей, словно в пику Булкину, уже изначально она выглядела полной противоположностью: знатная семья, близкая к императору, естественно самурайская, кое-кто пострадал от союзников после Второй мировой, но папа работал в японском МИДе и в военных преступлениях замечен не был, сказочно богаты, с участием во многих ведущих компаниях и в Японии, и в США. Воспитывался Ясуо в лучших японских традициях, затем для приобретения европейского лоска был направлен в Кембриджский университет, женился на дочке министра и только тогда задумался: чем же заниматься дальше? Хотелось необычности, хотелось романтики, хотелось служения родине, уже вставшей на ноги после ужасной войны, но отнюдь не уравниваемой с великими странами по статусу, попробовал себя на журналистской ниве – бледно, немного учительствовал – скучно, в конце концов обосновался на собственной фирме, занимавшейся торговлей лучшими в мире радио, видео и теле.

Душа его была нежна и светла, как восход солнца, любил Исикаву Такубоку, особенно его переключку в танке: «Из-за этого умереть?» – «И ради этого жить?» – «Оставь, оставь этот спор», любил сидеть у моря и наблюдать, как копошатся в белом песке крабы, как парят и камнем обрушиваются вниз пискливые, словно пейджер, чайки. Много путешествовал, стеснялся обилия своих соотечественников за границей – о, эти коллективные съемки, когда все фотографируют друг друга у надлежащей скульптуры! О, эти унылые очереди на километр в Прадо, Лувр или Ватикан, японцы на японцев, и все расплываются в улыбках! Совершенно случайно в галерее в Венеции познакомился с милым соотечественником по имени Сюсюй, уроженцем Хоккайдо и менеджером в «Мицубиси», подружились, съездили на пару деньков в Рим и даже выпили саке в японской ресторации, забитой американцами, охочими до сырой рыбы. От разговоров сиюминутных поднялись до высот: Япония мала, японское чудо может обернуться катастрофой, Запад, и особенно американцы, делают все, чтобы сдержать нарастающую мощь, вопреки всем законам честной конкуренции, разговоры о равноправии – это блеф, фактически Япония существует на позорных правах зависимой страны. Ну а что говорить о России, оттаявшей Сахалин, Курилы и другие острова? Ничтожная страна, дрожавшая во время войны от перспективы японского вторжения, но сразу же обнаглевшая после разгрома фашистов!

Зерна упали на взрыхленную почву, новые друзья пили саке и высокомерно посматривали на красношеих гогочущих штатников, далее Сюсюй мягко подошел к необходимости служить родине в самом конкретном смысле, что при ближайшем рассмотрении оказалось приглашением работать на японскую разведку, занятую прежде всего лихорадочной кражей новых технологий. Сотрудничество с разведкой Ясуо рассматривал не иначе как дело сугубо аристократическое, достойное его корней и высокого происхождения. Собственно, бизнес уже давно потерял для высоколобого японца свою изначальную притягательность – разведка поглотила его, наполнила осознанием собственного предназначения в жизни.

Когда ему предложили выехать в Советский Союз, он ни секунды не колебался: Россию он знал и даже по-своему любил, владел достаточно свободно языком, увлекался Достоевским, в котором видел аналитика больше японской, нежели русской души, родной дядя служил в посольстве в Москве и несколько раз приглашал его в столицу побродить по музеям и пригородным дворцам или отправиться в волжский круиз через Углич, Ярославль и Кижы до самого Ленинграда. Больше всего Ясуо удивляли неосвоенные просторы России, видимо, все население сгрудилось в хаотичной Москве, порою вокруг не видно было ни избы, ни человеческой фигуры, река тянулась и тянулась в бесконечность, неожиданно прерываемую поселениями с обглоданными скелетами церквей, вытянутыми в небо.

Почему встречаются человеческие судьбы? Простое ли это столпотворение и коловращение в космосе, где крутятся и поигрывают пылинки, словно в огромной очереди на пути в чистилище, сталкиваются друг с другом, рассыпаются на кусочки, обретают новую плоть и

вновь устремляются в высоту, оглашая криками вселенную? Угнетающая случайность, без всяких осмысленных надежд или железная целесообразность, predetermined свыше?

Геннадий Булкин и Ясуо Токугава и не подозревали, что судьба сведет их в Хабаровске, они ощущали лишь ее толчки, слабые и неосознанные, сначала в ассоциациях о граде Хабаровске, медленно зревших в их столь разных черепах: первооткрыватель Хабаров, уссурийская тайга с неизбежными тиграми, нагромождение домов в основном советского периода, правда, попадались и строения китайского типа, рыбоперерабатывающая промышленность, знаменитый ученый Арсеньев и дикий охотник Дерсу-Узала. Отрывки из газет: «В Хабаровске на углу улиц К. Маркса и П. Комарова построен 14-этажный 80-квартирный дом с выставочным залом СХ РСФСР, на ул. Пушкина – общежитие хабаровского мединститута на 535 мест», все это витало в атмосфере, выйдя из космоса, и еще не оформилось в строгое тяготение душ.

Булкин прибыл в Хабаровск первым и оказался единственным в своем роде знатоком японского языка – управление страдало постоянным дефицитом японоведов, которых переманивала далекая и неприятная Москва, обучала и отправляла в Токио. Москвич-японоведа, прибывший в хабаровские органы, – само по себе явление экстраординарное, поэтому корифеи управления оценили ситуацию просто: либо приезжий парень – полный кретин, которого никуда не пристроить, либо Центр решил постепенно поменять кадры, что не сулило ничего хорошего.

Хотя японцев в Хабаровске давно изничтожили и повыгоняли, к Стране восходящего солнца в местном КГБ относились с подозрением, долгожители помнили времена, когда Япония претендовала на Маньчжурию и нагло ее оккупировала. А тут перестройка! Кто же мог предполагать, что горбачевские идеи совместных предприятий привлекут не только китайский, но и японский капитал, естественно, со своими шпионами! Так что прибытие японоведа было вполне в духе времени, что слабо осознавалось местными чекистами, холодно принявшими нового сотрудника и долго обнюхивавшими его персону со всех сторон. Результаты не утешали: единственным, что указывало на принадлежность Булкина к племени кретинов, были его познания о Японии, иногда сотрудники даже просили его произнести несколько фраз по-японски, задумчиво вслушивались в странные звуки и еще пристальнее всматривались в Геннадия, словно в огромного говорящего попугая.

Между тем неожиданно для себя, осознав свою уникальность, Булкин проникся трепетной нежностью к Японии, чего никогда не бывало ранее, быт и традиции японцев приводили его в восхищение, особенно уважение к родителям и присущее японцам чувство иерархии, не позволяющее каждому балбесу претендовать на лавры великого или выдающегося. Особенно восхищали его фильмы Куросавы, и он не стеснялся высказывать свои чувства вслух – это было взято на заметку в УКГБ, где хорошо знали, что все начинается с мелочей, будь это галоши или культура, а потом перерастает в нечто серьезное и угрожающее государственной безопасности.

Чекистской работы в крае хватало и без Японии: обилие оборонных объектов, обширная граница с Китаем, корейские лесорубы, нарастающие внешние контакты и прочие несовершенства. Где ты, стопроцентная гарантия полной безопасности? Недаром один мудрый английский премьер говорил, что спокойная для полиции жизнь бывает только в концлагере.

Через полгода после приезда Булкина в УКГБ пришла цедуля – ориентировка, рисовавшая перспективы проникновения в край иностранного капитала и сопутствующих ему разведок, она поставила все на свое место, и в соответствии с указаниями начальство создало японское направление, поставив во главе молодого Булкина. Для его пушей зашифровки искусственно образовали пост заместителя декана хабаровского университета, дабы новое научное светило имело официальный повод для общения с заезжими японцами и прочими инопланетянами. Но Булкину по-прежнему не везло, ибо начальство видело в нем тайного ставленника Москвы, коллеги презирали за слишком культурный вид, что выражалось в постоянном ношении галстука и до блеска начищенных ботинок, раздражали и постоянные выступления

Булкина на совещаниях, там он говорил о важности борьбы против проникновения японской агентуры и рассказывал о японском чуде, которое никого не интересовало. Природную застенчивость Геннадия квалифицировали как столичное высокомерие, его попытки найти друзей среди коллег рассматривались не иначе как зондаж настроений среди преданных партии сотрудников. К тому же и дела шли из рук вон плохо: первые контакты Булкина с работавшими в Хабаровске японцами не получались, на их языке он явно не тянул, иногда вообще ничего не понимал.

Зато личная жизнь молодого чекиста обогатилась самым настоящим романом, хотя и тут были подводные камни: Галина, его избранница, чуть полненькая, хорошо сложенная блондинка с бархатными глазами и безукоризненным характером, была замужем, причем за ревнивым супругом, к несчастью, коллегой Геннадия.

– По сути дела, работа по японской линии буксует, – строго вливал Булкину заместитель начальника управления Петр Журавлев, строгий на вид, всегда чисто выбритый и до приторности пахнувший тройным одеколоном, он даже хвастался, что ежедневно обливается им вместо купания, ссылаясь на английскую королеву, которая в прошлом веке удивлялась, узнав, что кто-то принимает ванну чаще, чем раз в неделю. – Через несколько дней к нам прибудет в качестве главы совместного предприятия Ясуо Токугава. По данным, полученным из Москвы, это установленный японский разведчик, прекрасно знает русский язык...

– А есть ли конкретные доказательства его причастности к разведке? – перебил шефа Булкин, обладавший ужасным для рядового сотрудника качеством – влезать в монологи начальства.

– Хотите на готовенькое? Может, и его агентов на блюдечке с голубой каемочкой? По-видимому, это данные нашей японской резидентуры, ребяткам ведь тоже кушать хочется, тоже желают показать себя! – Журавлев высокомерно относился к внешней разведке, которая три раза отвергла его попытки поступить туда на службу. – Этот Токугава несколько раз бывал в Москве, образован, любознателен, из хорошей самурайской семьи, почитает императора. Несомненно, шпион. А знаете, как называли в Древней Руси шпионов? «Просок», «лазука»...

Журавлев окончил филологический с диссертацией о «Слове о полку Игореве», долго возглавлял студенческий клуб «Золотого тельца» и вообще, если бы не тройной одеколон, вполне сходил за московского интеллигента из тех, кто вечно трется в доме литераторов, надувается водкой со знаменитостями и до посинения читает собственные стихи.

– Так что вам с японской лазукой нужно установить личный контакт, естественно, с вашей университетской крыши, – завершил он.

Так все и завертелось. Но легко сказать – установить контакт, тем более с совершенно неизвестным лицом и без агентуры, которая у Булкина отсутствовала, если не считать агентом Галину, просвещавшую своего любовника информацией о жизни коллег, почерпнутой у мужа.

Токугава уже месяц обживал Хабаровск, который ему чрезвычайно понравился своей невыразительностью – в нем японец чувствовал себя Робинзоном Крузо, попавшим на необитаемый остров, будоражили кровь и пугливость граждан (перестройка только начиналась), и консерватизм непрерывно страховавшихся местных властей. Когда человек объездил весь мир, он неизбежно понимает, что главная радость живет не где-то рядом, а внутри его души. Зачем менять места? Зачем метаться? Что может быть прекраснее, чем прогулки по собственному неизведанному и непостижимому «я»? Ясуо посматривал из окна своей трехкомнатной квартиры на деревянные пейзажи внизу и читал про себя Такубоку.

Погребена под белыми снегами
Река Сорати,
Даже птиц не видно.
Лишь на глухом лесистом берегу

Какой-то человек стоит один.

Его гордостью была небольшая коллекция самурайских клинков, вывезенная из Японии, они тускло и загадочно поблескивали на стене, иногда, когда садилось солнце и в комнате медленно темнело, он зажигал камин, брал любимый клинок, изготовленный мастером Майошином, и долго смотрел, как отражалось пламя на его блестящей поверхности. Упархивали неприятные мысли, душа дремала, и полусмеженные глаза наблюдали, как на клинке пляшут и меняют друг друга странные тени, словно выпрыгнувшие из его нутра.

А Булкину между тем предстояло познакомиться с Ясуо, как говорили на оперативном канцелярите, провести комбинацию по установлению контакта с объектом агентурной разработки.

Легко сказать!

В секретном фонде управленческой библиотеки Булкин раздобыл пособие «О заведении связей», внимательно его проштудировал и нашел, что умные советы базируются больше на европейском и американском опыте и мало подходят для японцев.

Восхитительные комбинации разыгрывались у него в голове. Японец ходил в драматический театр, рафинируя русский язык. Купить место рядом в партере? Заговорить? Или встать в очередь в буфет прямо за ним и тоже заговорить? А вдруг сработает проклятое чувство иерархии и самурай сочтет оскорбительным для себя разговор с незнакомцем? Японец каждый день обедал в ресторане. Почему бы не подсесть, в конце концов, это обычная советская норма. Или тоньше: попросить официанта, разумеется агента УКГБ, посадить японца за столик к Булкину. А если он откажется и вдобавок еще запомнит физиономию Геннадия? Конечно, для такого рода комбинации хорош какой-нибудь затхлый гриб-профессоришка, но на обыкновенного знакомого полагаться было недопустимо, а агентуру ради этого дела светить не желали.

Ясуо регулярно ходил на каток (вживался в русскую зиму!), туда хаживал и Булкин, правда в основном в поисках верной жены (роман с Галиной невероятно углубился и уже пугал непредсказуемыми последствиями), возможные супруги, словно стремительные чайки, носились по льду в белых модных шарфиках, повиливая точеными ягодицами, но последнего для души было мало, а распознать и интеллект, и характер в этой толчее не удавалось. Все решила счастливая случайность: маневрируя вокруг Ясуо, Геннадий споткнулся и пал прямо к ногам активной разработки, что выглядело комично и совершенно не предусматривалось никакими планами. Более того, если бы кто-нибудь из сослуживцев явился бы свидетелем этого происшествия, то оно неизбежно интерпретировалось бы резко отрицательно, ибо не укладывалось ни в какие рамки приличия или оперативной целесообразности.

На практике все обернулось благополучно: японец сначала испугался, но потом понял, в чем дело, помог подняться и даже довел до скамейки, ибо Геннадий разбил оба колена. Знаменитое чувство иерархии, по всей вероятности, тщательно маскировалось, налицо было искреннее дружелюбие. Ясуо изумился, узнав, что Булкин владеет японским – таких русских он еще не встречал. Естественно, тут же родилось подозрение, что новый знакомый связан с КГБ, но Токугава исходил из того, что все советские граждане служат или прислуживают в органах, даже самые чистые из них тут же могут быть перевербованы и использованы в коварных целях.

Самое ужасное, что Булкин вдруг проникся к японцу чуть ли не братским чувством, этого он сам испугался – где ты, законная ненависть к тем, кто в топке паровоза сжигал вместе с белогвардейцами красного комиссара Сергея Лазо? Кто гнусно переходил границу у озера Хасан, а во время войны стоял у границ и заставлял нервничать советских полководцев и лично товарища Сталина? Стыдно, Булкин, стыдно, а с другой стороны, как хорошо поговорить по-русски и даже по-японски с чистокровным самураем, приятным во всех отношениях!

Начали регулярно встречаться.

Японец вопреки всем национальным характеристикам оказался словоохотливым, много рассказывал о себе (сначала Геннадий откладывал в память детали, но потом утомился и стал записывать самое существенное, иногда удаляясь в туалет) и совершенно не походил на разведчика, что показывало его высокую пробу и требовало дополнительной бдительности. Но последней не получалось, и чем больше они встречались, тем чаще с тайным ужасом Булкин ловил себя на том, что он чувствует себя на редкость легко в обществе врага, гораздо легче, чем в кругу коллег. Возможно, это объяснялось отсутствием слухового контроля (Журавлев отличался экономией и вообще не верил технике), но кто тянул Булкина за язык и зачем он рассказал японцу историю своих непростых отношений с Галиной? И не только это, практически все, кроме самого секретного: принадлежности к органам безопасности.

Странно, но и Ясуо был откровенен с русским, испытывая к нему вполне искренние симпатии, и тоже сохранял при себе самое потаенное. Дружба продвинулась, когда оба занялись улучшением своей языковой подготовки, особенно был счастлив Булкин – где еще он мог получить такой шанс? Япония затягивала оперработника, он с неподдельным интересом штудировал всю ее историю, пристрастился к саке и суши, иногда, оставшись в одиночестве, любил походить по квартире в кимоно, подаренном Ясуо, – посмотрел бы любитель тройного одеколona товарищ Журавлев на то, как его подчиненный смотрелся в зеркало, словно бардачная девица!

Взаимные симпатии крепчали, и уже день не обходился по крайней мере без телефонного звонка, встречались часто, беседовали долго и даже обсуждали новости программы «Время»...

– Ну какие у вас имеются зацепки? Как будете дальше двигать разработку? – постоянно спрашивал Булкина его начальник.

Поэзия зацепки известна немногим, она, зацепка, – как пушкинский «магический кристалл» или верленовское «и рифма словно под хмельком». Можно собрать о человеке эвересты сведений, добавив к ним еще океан о родственниках, друзьях и просто случайных знакомых, но нет зацепки – и летит к черту вся разработка, словно поэма с дурной рифмой, и покрывается плесенью досье, пока его под удобным предлогом не отошлют в архив.

Зацепки не было. Существовал лишь милый японец, знавший Россию, в реестре в конце досье аккуратно выстроилась по алфавиту вереница всех связанных с ним людей, особы, приближенные к императору, и влиятельные политики были оформлены Булкиным на отдельных листах, между прочим, дело уже развернулось в два тома, и ничего не сдвинулось с места: все тот же Ясуо, традиционный самурай, вне политики, но не социалист и не коммунист (а хотелось бы!), осуждавший злодеяния в Хиросиме и Нагасаки, но отнюдь не ненавидевший американцев (и на этом не сыграть!), глубоко чтивший императора (ну и что? не генсека же!), знавший наизусть Твардовского и Пастернака, на его могилу даже ездил в Переделкино. И что? Не повернешь ни так ни эдак, не ухватишь ни с какого бока. Конечно, бывали случаи в истории разведки, когда вербовали на мякине или ни на чем, в душевной (пьяной) беседе («Слушай, старик, а не одолжишь ли ты мне на час-другой секретные документы?»), иногда вождельный объект сам засовывал в руки секреты, просил взять ради чистой и бескорыстной дружбы. Но это исключение из правил, домик на песке, каприз, игра настроения...

– Вы сами видите, что разработка не двигается, – жестко констатировал Журавлев. – Вы его изучили, но это было пассивное изучение, своего рода созерцание картины. Установили отличные отношения – честь вам и хвала! Но нам нужен агент, а не ваш приятель. Конечно, вас учили в так называемом андроповском институте, где собрались профессора кислых щей, как втягивать в работу человека. Позволю себе напомнить: надо пробовать объект на вшивость, во-первых, возьмет ли он от вас деньги?

– Но он хорошо обеспечен, – вздохнул Булкин, тоже переживавший, что разработка буксует, – да и за что ему давать?

– Берут даже миллионеры, это зависит от натуры. Надо создать ситуацию, которая требует денег. Во-вторых, дорогой Геннадий Викторович, у меня впечатление, что этот японец либо святой, либо больной. Вас не удивляет, что он обходится без женщин? И это при том, что японцы чрезвычайно похотливы. Значит, надо подставить ему прекрасный пол. Возможно, он не клюнет. Но и это не конец. Разве можно исключить, что он гомосексуалист? Это в-третьих. Он к вам не приставал?

Булкин даже покраснел до корней волос, ему такое и в голову не могло прийти, о «голубых» он только читал и никаких симпатий к ним не испытывал. Тут он вспомнил, что Ясуо во время беседы иногда дотрагивался до его колена – может, это был призывный жест? – И Булкин покраснел еще больше.

– Вы напрасно смущаетесь. – Журавлев правильно оценил замешательство подчиненного. – В нашем деле, извините, все средства хороши. Конечно, на партсобраниях этот лозунг осуждается, но на то мы и чекисты, чтобы чистыми руками иногда выполнять грязные задачи во имя коммунистических идеалов. Короче, ему нужна хорошая подстава... Вам тоже необходимо пораскинуть мозгами, подчитать...

Пришлось погрузиться в чтение литературы: влияние грубости, эксцентризма и лицемерия на половую жизнь, страсть к лишению девственности, растление малолетних (кстати, и на этом, наверное, стоило бы проверить Ясуо), адюльтер как стиль жизни, истоки проституции, садизм, мазохизм и различные формы сексуального насилия, конечно же, гомосексуализм (тут пришлось проштудировать том об Оскаре Уайльде и его беспутстве).

Виктория Корнеева давно снискала популярность в узких, главным образом ресторанных, кругах города Хабаровска как эстрадная певица новой формации, то есть не в стиле Зыкиной или Пугачевой, а ближе к модному тогда тяжелому року. Несмотря на свою красоту и профессию, к мужчинам, вину и прочим соблазнам Виктория относилась если не отрицательно, то с большим недоверием, главную страсть ее жизни составляли путешествия за границу, именно эту слабость и использовало управление КГБ для привлечения певицы к сотрудничеству на патриотической основе. Действовали тонко: с Корнеевой на консквартуре встретился лично Журавлев, долго интересовался ее репертуаром и жизнью, посетовал на ее развод, кстати, по инициативе ее мужа, известного скрипача-прелюбодея, творческими планами на будущее (Виктория тем временем обливалась холодным потом от ужаса, ей казалось, что тайная встреча объясняется «левыми» концертами, которые она давала), затем очень мягко и с улыбочкой Журавлев попросил о помощи, точнее, о небольшом одолжении: соприсутствовать на ужине вместе с двумя милыми молодыми людьми. Что за люди? Один – университетский работник, другой – иностранец. В чем заключаются функции? Легкий смешок. Да ни в чем! Посидеть, развлечь, может быть, спеть что-нибудь камерное. Произвести впечатление – ведь японец охоч до русской культуры. Слава богу, ни слова о концертах. Конечно, какие могут быть вопросы? Посидеть и спеть – это понятно. И все? Может понадобится... вы же сами понимаете... это не так сложно... ради общего дела.

Тут же Журавлев набрал номер телефона, и к кофе на конскквартиру прибыл Геннадий Булкин, робко снял ботинки у входа, боясь затоптать ковры, и так в носках (из правого торчал одиноко голый палец) представился местной звезде и договорился с ней о будущих тайных деловых свиданиях.

Но ветры времени меняют всех, в том числе и потомков Железного Феликса, ошпаренных неожиданными поворотами демократии и гласности.

Все началось с прочтения некоторых записочек Ильича по поводу отстрела священников, совпавшего с увлечением Законом Божиим, купленным случайно на одном из центральных развалов. До этого Булкин верил в Бога стихийно и почти ничего не знал о Христе, кроме того, что его распяли, иногда в художественных галереях он останавливался у картин мастеров и удивлялся, почему так рьяно изображала их кисть неведомые ему воскрешение Лазаря и пир-

шество в Кане – о чем все это? зачем? чем они вдохновлялись? Полная *tabula rasa*. И не случайно: родители Булкина, правоверные коммунисты, к религии относились с глубоким презрением и совершенно искренне повторяли великие слова об опиуме для народа, естественно, своего сына они не крестили и воспитывали в духе воинствующего материализма, впрочем, это не мешало Геннадию в трудные минуты, перед экзаменами или во время болезни матери, обращаться мысленно к Богу с просьбой о помощи.

Освоив Закон Божий и вдумываясь в себя, Геннадий вдруг понял, что всю жизнь неосознанно верит в Бога как в высшее существо, создавшее мир, и человека, и историю. Иногда, заходя в церковь и вслушиваясь в церковное пение, от которого душа наполнялась высоким чувством, он испытывал странный синдром неполноценности, в самом деле все вокруг легко осеняли себя крестом, заказывали литургию по ушедшим, ставили свечи – он же, будучи нехристом, формально не имел никаких прав и больше походил на туриста, созерцавшего очередную достопримечательность. Это раздражало, постепенно вызревала мысль о крещении, что и произошло довольно просто: зашел в церковь на окраине города, заплатил в кассе необходимый подбор по прејскуранту, для порядка купил альбом с религиозными картинами Тинторетто – подарок бабушке – и вскоре оказался в небольшой светелке с образами, где в усеченном виде и был произведен обряд. Догла Булкина не раздевали, он лишь снял носки и вдел ноги в поношенные тапочки с замызганными стельками, крестным отцом бабушка назначил случайно заскочившего к нему знакомого, все было торжественно и чинно, священник долго читал молитвы и тщательно изгонял из Геннадия беса (видимо, кожей чувствовал, что крестит чекиста). А потом все втроем со свечами совершили крестный ход вокруг небольшой купели с водой, повторяя молитвы за бабушкой, который ткнул новоиспеченного головой в воду и самолично надел на него деревянный крестик.

Так произошло это таинство, после этого ненависть к Ильичу и всем большевикам достигла апогея.

Лозунг о вседозволенности средств в благородном чекистском деле натолкнулся в сознании Булкина на стену сопротивления: вся затея в отношении Ясуо выглядела гнусной, подлой, богопротивной. Он, честный Булкин, занимается мерзопакостью, его профессия полностью аморальна, и если на Страшном суде и доведется ползти к Масличной горе через геенну огненную, то до райских врат он доберется в последнюю очередь. А скорее всего засадят его навечно в адский котел вместе с Ричардом III, Иваном Грозным, Гитлером и Сталиным... Что делать? Уходить из органов? Абсурд! Будет скандал, и столько понатыкают палок в колеса, что ни одна приличная организация не возьмет на работу.

Сомнения сомнениями, но никто не собирался ставить крест на разработке Ясуо, проклятого японца. Решили особо не мудрить и пойти по простому варианту: во-первых, ввести Викторю в разработку как родную сестру Булкина, недавно разведенную и потому несчастную, этим устанавливалась дистанция между ней и Геннадием и приоткрывалась калитка в сады Страны восходящего солнца, во-вторых, вроде бы сестра упростила братца отметить свой день рождения в узком кругу, чему полностью соответствовала его малогабаритная квартира (она, естественно, не успела разъехаться с мужем). В-третьих, для понта мобилизовали еще одну пару из управления, она создавала фон общей радости и смеха в течение первых двух часов, а потом под благовидным предлогом смывалась. Между прочим, день рождения у Виктории был вполне неподдельным, и отнеслась она ко всему мероприятию с душой. Приглашение Ясуо воспринял совершенно естественно, пожалел сестру и всех советских людей, вечно решающих квартирную проблему, и явился.

И грянул вечер.

Сложился он не по плану: пара, создававшая фон смеха, пришла на полчаса раньше, оба так нервничали, будто их забрасывали в немецкий тыл, потому они почти сразу же напились на кухне. Это внесло сумятицу и смутило прибывшего Ясуо. Японец почти не пил, затеял разговор

о Солженицыне, который, как известно, сволочь и предатель, всех смутил, и Виктория чуть не умерла от необходимости поддерживать тоскливый разговор.

– Да его расстрелять надо! – кричала о Солженицыне пьяная пара в один голос. – Да он агент ЦРУ, он на их деньги книги издает!

Пара перепила, однако это в целом вписывалось в план, по которому им вменялось симулировать сильное опьянение, что позволило бы хозяину дома заботливо вызваться их проводить – тончайший ход операции, оставлявший Ясуо тет-а-тет с прекрасной Викторией.

Уходили долго, топтались в коридоре, прощались и целовались, злоупотребляли матом, пили «на посошок», почему-то спели напоследок «Пора в путь-дорогу», качая над милым порогом серебряным крылом, наконец ушли, гремели костями на лестнице, орали, всколыхнули соседей, возвратились (дама забыла муфту), снова «на посошок», и вроде бы все затихло.

Виктория не стала долго раздумывать и с ходу плюхнулась на колени к Ясуо, приведя его в замешательство. Окаменев от свалившегося на него счастья, японец застенчиво поцеловал даму в щечку и по-братски обнял ее, представив все как милую шутку.

– Может быть, потанцуем? – спросил Ясуо и осторожно приподнялся.

Пришлось танцевать, тут Виктория не пожалела себя, прильнула телом по большому счету, положила руки на плечи, чуть-чуть теребя волосы партнера, потянулась, сладко дыша, к его губам, умирая от страсти и потому касаясь обеими ногами всех составных его тела.

Как ни странно, японец реагировал неадекватно, словно аршин проглотил. И вообще перераст он или импо? С большим трудом Виктория удержала его от возвращения к столу и силой усадила рядом с собою на диван.

– Не могу! – шептала она, словно уже на ложе любви. – Боже, не могу больше, не могу!

Но он словно не понимал и молчал, наверное, готовился продолжить спор о Солженицыне. Виктория вдруг почувствовала колоссальное отвращение к этому желтому бревну, которое приходилось раскачивать во имя интересов Родины, и вообще никакого тепла, никаких любовных флюидов – вот вам и разговоры о неумимости самураев, покрывающих своих партнерш с завидной частотой тушканчиков! Неожиданно она почувствовала слабость – боже мой, в такой момент! – вскочила и выпила для восстановления сил большую рюмку водки. Ясуо так обрадовался, что тут же последовал за ней, набросился на закуски и тоже выпил, спровоцировав Викторию на новую рюмку.

Водка вселила в нее водопады энергии и новый drang nach Osten (если, конечно, смотреть на Японию со стороны Хабаровска, а не Сан-Франциско), тут она просто вцепилась в него и сжала в объятиях чуть ли не до хруста, однако Ясуо, хотя и был деликатен и даже нежен, все же должных эмоций не проявил. Тогда она снова толкнула его на диван и грудь, кстати, вполне объемной, навалилась на него, бесстыдно прохаживаясь рукой по просторам ниже живота. Вот-вот – и победа! Еще немного, еще чуть-чуть, перед таким натиском не устоял бы никто...

Но Ясуо бездействовал. «Может, это у них так принято? – крутилось в перевернутых мозгах Виктории. – Может, за них все делают гейши? А мужчины просто лежат себе на спине и блаженствуют, подчиняясь их воле?»

Вскочила, снова выпила и очертя голову бросилась на его штаны – молнию заело, и пришлось буквально вытащить японца из штанов. Так он и лежал, чуть подогнув желтоватые колени, трусы у него были с ширинкой на трех пуговках – в Хабаровске таких мудреных она не видела. Впрочем, что там трусы? Япошка валялся и не проявлял никаких признаков любовной озабоченности, словно он проходил процедуру у врача, причем не самую приятную.

Ненависть рывком поднялась в Викториевой груди, хотелось отдубасить этого гада по мордасам – так, чтобы он навсегда запомнил, как правильно себя вести с русской женщиной. Правда, на смену эмоциям тут же пришли соображения государственные: не обернется ли все дипломатическим скандалом и вообще, может, у них принято держаться на первых порах пассивно, исподволь разогревая страсть, а уж потом...

Воспользовавшись паузой, Ясуо вдруг потянул к себе штаны – оскорбительный жест для любой женщины...

– Ты что? Болен?

Виктория оторвала его руки и забросила брюки далеко в угол (врезать бы ему, мерзавцу, она вдруг поняла всю радость своего бывшего мужа, который, выпив, очень любил перед соитием дать ей небольшую взбучку), залезла прямо в трусы, вызвав то ли писк, то ли слабый хмык. Но, как говорится, природа отдыхала, и соловьи не пели. Вот они, проклятые импотенты, жалкие чебурашки, вводящие в заблуждение порядочных женщин, таких надо душить уже при рождении и вообще не допускать туда, откуда они выползают!

Презрение заполонило ее, но что делать? Все-таки не для удовольствия она соблазняла этого парня. Вдруг он действительно болен? Или боится до такой степени, что растерял все силы. Что же делать?

К счастью, вернулся протрезвевший Булкин, болтавшийся на морозе почти полтора часа (по его разумению, вполне достаточное время для любви), румянощекий, словно только что установил рекорд на катке.

Сразу оценив обстановку по вытянутой физиономии Виктории, он пояснил на всякий случай по-японски:

– Она хочет сплести с тобой ноги, – это выражение он узнал от самого Ясуо и находил весьма живописным.

– Я понял, – отозвался японец, натягивая штаны и приветливо улыбаясь.

Что же делать?

В России существует одна палочка-выручалочка: водка, ее пьют и в трудные минуты, и в самом развеселом настроении. Булкин налил бокалы, обнял Ясуо, придвинул к себе Викторию и предложил выпить за дружбу, пил настойчиво, не давая японцу спуска, связывая каждую рюмку с отношениями и между ними, и между двумя народами.

Сидели на широкой тахте в обнимку, и Булкин через собственные колени подталкивал Викторию к японцу, все трое бешено хохотали, увесистая грудь дамы, преодолев колени Геннадия, уже вновь навалилась на японца.

– Не стесняйся! Давай! – ободрял Булкин по-японски, правда, он чувствовал, что звуки, вылетающие из его рта, имели несколько иное, совсем не японское звучание.

Но Ясуо не телился, хотя и не проявлял отрицательных эмоций. Что делать? Не дуть же водку до безумия! Оставался последний ресурс: в аптечке у Булкина хранился экстракт женьшеня, который он на всякий случай принимал перед встречей со своей дамой сердца.

– Давайте попробуем коктейль с рижским бальзамом! – предложил Геннадий, выскочил на кухню и смешал женьшень с водкой.

Выпили и тягуче запели «Бродягу»:

«По диким степям Забайкалья...»

Ясуо знал и любил русский фольклор, с удовольствием подпевал, вообще женьшень внес новую струю в развлечения: после песен начались бурные танцы, Ясуо возгорелся, обхватил Викторию и совершенно откровенно начал ее ласкать.

Из приличия (хотя уже о стеснительности можно было не думать) Булкин вышел в другую комнату и, когда вернулся, увидел полуобнаженную Викторию и заседавшего на нее японца, поражала резкость и неестественность его движений, на фоне мощных телес он выглядел, как мотылек, кружившийся над Фудзиямой, или, поглубже, как комар, атакующий корову.

Булкин успокоился и с аппетитом съел на кухне кусков пять слабосоленой семги, он уже открыл банку с томатами в собственном соку, когда вбежала Виктория.

– Послушай, он совсем сошел с копыт...

Японец лежал на спине в своих фирменных трусах, удивлявших пуговками, и мирно храпел, как оказалось, произошло это внезапно и именно перед самым решающим этапом.

– Вот сволочь! – Булкин разозлился не на шутку, несколько раз потряс Ясуо за плечи, а затем хлопнул не слишком сильно по лицу.

Никакого эффекта. Японец спал тяжелым сном, словно принял снотворного, а не женьшеня.

Виктория жарко дышала рядом, касаясь Геннадия разгоряченной грудью, он в последний раз хлопнул японца по физиономии, повернулся к ней, повалил на тахту, яростно сорвал трусики и бюстгальтер – трещал шелк и отлетали пуговицы – и сжал одной рукой ее шею, длинную и полную, с голубыми нежными прожилками. Все напряжение, всю неудачу вечера они обрушили друг на друга в едином порыве, Геннадия не смущали даже громкие крики Виктории и чуть приоткрывший глаза японец.

И тут Геннадий услышал тихие всхлипы: Ясуо плакал, плакал тихо и деликатно, словно обиженный мальчуган. Вдруг он вскочил, быстро набросил на себя пальто и выбежал на улицу.

Вот тебе, бабушка, и Юрьев день! Успев рвануть на ходу стакан водки, Булкин бросился в морозную ночь и нагнал японца почти у самого дома.

– Извини меня! – бормотал он, не совсем понимая, за что его следовало извинить. – Прости меня, пожалуйста!

Ясуо Токугава открыл подъезд и быстро побежал по ступенькам вверх по лестнице, Булкин бежал за ним, умоляя простить, но тот молча вошел в квартиру, хотел было захлопнуть дверь, но Геннадий ловко просунул в нее свой ботинок и вслед за японцем протиснулся в коридор. Все помещение было устлано толстым белым паласом, ввезенным из Токио, Ясуо снял ботинки, сбросил пиджак и брюки, почти на ходу надел на себя домашнее кимоно и прошел в гостиную, не обращая ровно никакого внимания на Геннадия, идущего вслед за ним и упорно повторявшего «прости».

В гостиной, узкой, устланной циновками комнате с традиционной «токономой» – нишей, где в изящной вазе красовались две белые хризантемы в обрамлении причудливо изогнутых сосновых веточек, – бросались в глаза цветные гравюры Харунобу и небольшой, в позолоченной рамке портрет императора с дарственной надписью. Этой фотографией, полученной во время личной аудиенции, причем накануне исполнения императором древнего обычая – уведомления прародительницы царствующей фамилии, богини Солнца Аматаэрасу о крупнейших государственных событиях, Токугава особенно гордился, как и лучшим самурайским клинком, сделанным самим мастером Майошином.

Да и какой японец не чтит императора и самураев?

А еще к стене был прикреплен плакат концерна «Мацусита дэнки», с которым был связан Ясуо:

...Непрерывно и безостановочно,
Подобно струям фонтана,
Пошлем народам всего мира
Продукт наших рук и ума.
Как прилив неистощимый,
Расти, промышленность, расти, расти,
«Мацусита дэнки», «Мацусита дэнки»!

– Прости меня, Ясуо! – молил Геннадий. – Я не хотел ничего плохого, я не виноват, что у моей сестры поехала крыша на сексуальной почве... извини за все, что произошло!

И он ухнул на колени и склонился в низком поклоне, неподдельные слезы стояли у него в глазах, еще немного – и он покрыв бы голые ноги японца поцелуями.

Но мелькнуло: а как же дело? что скажет Журавлев?

– Прости меня! – повторил он.

– При чем тут эта женщина? – вдруг сказал Ясуо. – Дело в том, что и ты, и она работаете на КГБ, и сам ты притворяешься другом, а на самом деле хочешь меня завербовать и сделать агентом. И ребенку ясно, зачем твоя так называемая сестра тянула меня в постель!

Раскрыт! Это было еще хуже разлома разработки, руки у Геннадия похолодели, он даже съезился от ужаса и встал с колен. Завалить «крышу», причем солидную, университетскую, – это уже было на грани преступления. Да что он такого сделал? Откуда у этого проклятого япошки появились подозрения? Да даже если и подозревает, то где подтверждения этому? В конце концов, подозревать можно любого, а у такой подозрительной нации, как японцы, каждый иностранец-шпион.

– Какую чушь ты несешь, Ясуо! – плаксивым голосом начал Булкин. – Что с тобою сегодня? Зачем ты обижаешь меня? Я ведь к тебе – всегда с чистым сердцем...

И ему действительно стало обидно до дрожания губ.

– В конце концов, ведь и я могу подозревать тебя в шпионаже. Разве ты не знаешь, что большинство японцев интересуются научно-технической информацией и некоторые работают на свою разведку? Если хочешь знать, – тут Булкин интуитивно почувствовал необходимость хода, вызывающего доверие, – совсем недавно ко мне обращались из одной организации и интересовались тобою с этой стороны...

– И что же ты сказал? – Ясуо уже успокоился.

– Я сказал, что ты совершенно вне подозрений.

– Зря ты это сделал, Геннадий, – спокойно заметил Ясуо. – Я ведь действительно работаю на свою разведку. Иначе откуда бы мне знать, что ты – сотрудник КГБ?

Еще один сюрприз. Какие цели преследует Токугава? Возможно, это новый поворот в неведомой игре.

Булкин отвел глаза на стену: с гравюры Харунобу смотрел актер в роли некоего воителя в сандалиях на деревянной подошве. Как это по-японски? Гета. Длинные брови прочерчены вверх, рот черточкой опущен вниз, синее кимоно в позолоте, обнаженный меч, а позади – желтоватое, с белыми линиями море, огромный диск восходящего солнца и неестественно крупные черные утки, рассекающие золотые лучи. Император на фото по соседству выглядел бесстрастно, как истинный отец нации, надпись была исполнена очень аккуратно, почти каллиграфически.

– Для меня твое признание несколько ново, – заметил Геннадий, не зная, как себя вести. – Что мы сегодня говорим о таких неприятных вещах? Может, нам лучше выпить sake?

Одиночество в далеком Хабаровске уже давно развило в японском разведчике русскую любовь к спиртному, он достал бутылку sake, и они выпили по полной рюмке, пристально смотря друг другу в глаза.

– Ты прав, Ясуо, я работаю в КГБ, – сказал Булкин и только потом подумал, что, наверное, этого не стоило делать. – Но мы друзья с тобою, и, наверное, это важнее, чем служба в наших организациях.

– Ты совершенно прав, Геннадий. Мы должны ценить нашу дружбу, редко кто так любит Японию, как ты, и совсем никто не любит Россию, как я, – сказал Ясуо и поднял рюмку. – Я сам – Россия!

– А я – Япония! – ответил Булкин. – За тебя и великий японский народ!

Он был совершенно искренен, он действительно любил и Японию, и своего друга Ясуо Токугава, и не было сомнений, что это навсегда.

– Я пью за Россию и за великий русский народ! – торжественно сказал Ясуо. – И за тебя Геннадий, за моего лучшего друга!

Они выпили, обнялись и поцеловались. Никто не думал о государственном долге и о разведке, они были друзьями, любящими друг друга, стало легко на душе после признания, словно рухнула каменная стена, и разговор полился легко и непринужденно.

За бутылкой sake последовала другая, оба сидели в кимоно на циновках, поджав ноги, оба уже напились до чертиков, побратались и поклялись никогда не предавать друг друга. А мощные службы? Их не надо вводить в курс дела, их следует водить за нос, соблюдая интересы друг друга...

Ясуо так и заснул на циновке, повалившись на бок, Булкин не сдавался, он бережно поднял своего друга, вытащил его из кимоно и уложил на постель. Ясуо раскинул ноги, и из трусов вывалилась вся его мужская гордость – так он и лежал, словно обнаженная одалиска, а Булкин молча смотрел на него,пил sake и думал, что сказать Журавлеву. Снял клинок со стены и потрогал его – ого, такая штука вмиг перережет горло! Осторожно дотронулся клинком до шеи и пощекотал ее. Что делать? Операция рухнула. Что делать?

Он повесил клинок на стену и слегка задел рукавом рамку с фотографией императора. Пришлось ее поправить – и вдруг его осенило.

Выдернул из кармана своего пальто «минолту» со вспышкой (ее он захватил на всякий случай, вдруг японец сразу вляпался бы в Викторию?), аккуратно, стараясь не шуметь, снял со стены фото императора, поставил на ляжку спящего Ясуо, осторожно дотронулся до худосочного, вызывающего жалость фаллоса, деловито взял его двумя пальцами и водрузил прямо на грудь императору, стараясь не заслонить его бесстрастное лицо. Взглянул придиричивым оком – и не понравилось: пришлось оттянуть кожу и обнажить самую крайнюю плоть, – теперь уже все пахло откровенной порнографией, даже в хабаровских общественных толчках ничего подобного он не замечал, при этом дарственная надпись оставалась незаслоненной.

Булкин отодвинулся на метр и сделал несколько снимков с разных сторон, крупным и очень крупным планом.

Почувствовал себя совершенно трезвым, выполнившим долг, рассудительным и даже способным поучать самого Журавлева. Быстро и четко восстановил статус-кво, повесив фото на место, прикрыл Ясуо одеялом и тихо прикрыл дверь.

Ночь была по-прежнему морозной, но ему было жарко. Он бежал и молился на ходу, бессвязно, неосмысленно, мучительно молился.

Операцию проводили в кабинете ресторана, куда Булкин пригласил своего японского друга, в нужный момент он отлучился, и тогда появился Журавлев с коллегой грозного вида, представился как сотрудник милиции и положил перед Токугава фотографии.

Лишь взглянув на них, японец потерял сознание, пришлось срочно вызвать врача, привести его в чувство и отвезти домой.

Целую неделю Ясуо не выходил из дома и сказывался больным. Булкин пытался связаться с ним по телефону, однако, услышав голос своего друга, Ясуо клал трубку. Тогда в дело вошел сам Журавлев и в добродушных тонах объяснил Токугаве, что назревает невиданный скандал и, если он будет упрямыться, позорные фотографии окажутся в Японии.

Около полугода Ясуо честно трудился на КГБ, иногда выезжал в Токио, собирал нужную информацию. Петр Петрович Журавлев был доволен и повысил Булкина до должности старшего оперуполномоченного.

Все шло хорошо, пока Ясуо Токугава не совершил харакири, взрезав живот самурайским клинком мастера Майошина.

Через неделю после его смерти Булкин сунул в рот пистолет системы Макарова и разнес себе череп.

Полковник Журавлев за промахи в работе с кадрами получил строгий выговор, и его хватил смертельный инфаркт.

Так что Булкину опять не повезло.

Впрочем, и остальные не преуспели.

Back in the USSR

– А вы в Индии были? – Молодой пограничник-абхаз с уважением рассматривает мой многовизовый паспорт.

– Был, – удивляюсь я, откуда вдруг интерес именно к этой далекой стране?

– И как там? Хорошо?

Как там сейчас – не знаю, но здесь на границе кутерьма, машина на машине, сплошной затор (представляю, как все вскипит, когда повезут мандарины). Только что приземлились в Сочи, выволокли чемоданы и поехали по дороге со стройками направо и налево, рассыпанные кирпичи, цемент и бетон, разве разгрести всю эту тоску к Олимпиаде?! Какой позор! Вот приедет Отец и Командир, построит всех в линейку, потрясет кулаками. А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!!! Все мы Тяпкины-Ляпкины, отвечают хором, испокон веков тяпаем и ляпаем, о себе не забываем...

Абхазия – по-абхазски Апсны, страна души, буква «а» чаще всего мелькает в речи, поэтому рот склонен открываться и не закрываться, турист вечно удивлен и очарован. Выезжаем на дорогу и почти сразу натываемся на стадо мирных коров (вот почему пограничник спрашивал об Индии), умиление охватывает душу, коровы идут неторопливо, всем своим видом показывая презрение к научно-техническому прогрессу. Хочется схватить коровью лепешку и, прокричав «назад к Мафусаилу!», запустить ее далеко-далеко к звездам. Пролетаем Гагры (вот она, лестница к ресторану «Гагрипш», чудятся «Веселые ребята», Утесов и Орлова, бодрые коровы (!), ломающие двери). Мелькают виноградники, мандариновые деревья с еще не созревшими плодами, вполне опрятные домишки, магазинчики, потертые автобусные остановки. Вот и Пицунда, минуем дом писателей – все патриархально, никаких разрушений (говорят, дом кинематографистов разграбили и расстреляли свои, подслушал за столиком: «Оружия было до фига, мы из гранатометов по дому и захерачили!»). Абхазы русских любят (что делали бы без туристов?), считают в большинстве своем лохами, отсюда и двойной стандарт в ценах: для своих и для приезжих. Если Абхазия и изменилась с советских времен, то скорее в лучшую сторону. Огромное число кафешек, особенно близ неповторимо нежного моря, каждый абхазец торгует своим домашним вином (стакан 50 рэ.) и чачей, такое впечатление, что каждый обладает собственной винокурней, прилавки завалены сувенирами и тряпьем, особенно из Турции, обилие иномарок, на которых лихо, с визгом на поворотах летают джигиты. Наш водитель, тоже джигит в армейских штанах, рассказывает, что Всевышний однажды созвал все народы мира, чтобы поделить Землю. Дележ уже закончился, когда прибыл абхаз.

– Почему ты опоздал? – спросил Бог.

Абхаз ответил, что встречал гостя и что гость почитается как святой у его народа. Потрясенный Бог подарил за это абхазам столь райский уголок. Неплохой подарочек за опоздание по причине пьянки с гостем, но будем считать прогул уважительным. Въезжаем в частный сектор Пицунды, сосредоточенный на Кипарисовой аллее. Большие деревянные коттеджи, два этажа, много номеров, в каждом туалет, душ, горячая вода. А что еще надо простому человеку? Чего тебе надобно, старче?

– А сейф? – спрашиваю я деликатно.

– Сейф? – удивляется дама по имени Вера Павловна, словно вышедшая из сна Чернышевского, у нее модно уложенная седина, явно фрейлина двора, а не администратор.

– Ну, положить что-нибудь... мало ли что... – смущаюсь я, словно вор, попавший в общество честных людей.

– У нас такого не бывает, – уже обижается фрейлина, и я чувствую себя последним подонком и хамом, ишь чего захотел! Сейф, видите ли, ему нужен, прощелыге. Будто без сейфа нельзя прожить! Тем не менее везде объявления, что администрация за исчезновение вещей

никакой ответственности не несет. Тут кто-то из присутствующих вставляет, что был случай кражи через форточку (жена моя на ночь кладет под подушку раскрытый перочинный ножик). Между прочим, номерок в этом деревянном дворце стоит на двоих ни много ни мало 2500 рубликов (бархатный сезон), почти три звезды в Испании или Франции, правда, если поискать без посредников, то можно найти и за 300 на нос.

– А как часто меняете постельное белье? – неосторожно спрашивает жена. Вера Павловна опять обижается, поправляет аристократическую прическу и делает бетонное лицо. После трагической паузы выясняется, что, собственно, белье не меняют, но если нужно... Оказывается, и комнату убирают, если нужно, т. е. по персональной просьбе. При столь изысканной укладке трудно представить в роли уборщицы нашу мажордомшу. Ничего страшного, не на голых пружинах же спим! Чего волноваться, господа? Вы же отдыхать приехали, а не волноваться по поводу белья? Главное, море рядом и солнце наверху! И вы в Абхазии, в солнечной и прекрасной Абхазии! Пыхтя, тащу на второй этаж свой чемоданище, тяжеленный, блин (при выезде абхаз-водитель пошутит: «Вы что, наши камни с пляжа увозите?») И это о святых жениных вещах!). Здоровенный молодой сторож с интересом наблюдает за моими судорожными телодвижениями. Предупредительные мальчишки-бои или портеры тут не предусмотрены, не Европа же, или, как потом скажет бабка Мэри из соседнего шинка, «мы сами Европа». Присутствующие отдыхающие смотрят на нас без всякого интереса, четверка мужиков во дворе звонко стучит о стол костяшками домино, как в доброе советское время. На террасе сидит неподвижное тело в капитанской фуражке (прекрасно монтируется с золотой челюстью) и безукоризненной пижаме, тело качается в ротанговом кресле, на столике пластиковая бутылка с домашним вином, взгляд устремлен вдаль, туда, где синеют морские края.

Выходим на местный Бродвей, сплошь и рядом усеянный кафе и забегаловками, рекламщиками туров по Абхазии (оказывается, страна переплюнула всю Европу по достопримечательностям), продавцами фруктов, включая неспелые мандарины, чурчелы, самсы, чебурекы с мясом или сыром, плова, копченой форели, аджики и прочих специй, орехов, сулугуни, поясов из собачьей шерсти от радикулита, вязаных лыжных шапочек, видимо, для горнолыжных спусков в Сочи. Нежные абхазки вяжут в свободное от любви время, пока мужики гуляют (и правильно делают). Нас сопровождает дружелюбная дворняжка Дэйзи (маргаритка, англ.), бывшая Жучка, переименована из уважения к Западу, она любит гулять с постояльцами до самого моря, где она греется на гальке и ворчит на пристающих вольных кобелей. В первом шалманчике хозяйничает Мэри, ей помогает Лаура, величественная дама с бескрайним задом, свисающим почти до пят, она словно катается на нем, как на велосипеде, она плывет довольно резво с блюдами в руках.

– Лаура, а ты будешь мне помогать, если выйдешь замуж за олигарха? – развлекается Мэри. Лаура улыбается и молчит. О, она еще подьедет на олигарховом «Мерседесе» прямо к шалману, она еще прибавит газу, и пыль из-под колес взвьется на дороге прямо в лицо Мэри, и та в ужасе выскочит и склонится перед своей бывшей служанкой. Пробуем домашнее вино. У каждого абхаза оно свое, оно отражение его запасов винограда, сахара, спирта и собственного самосознания. Ох уж эта чарующая, дурманящая до одури пахучесть! Она охмуряет, расплзается, сбивает с ног, и хочется петь во весь голос, слушать Мендельсона, сжимая ладонь невесты, обнять Мэри, милую Лауру и ее велосипед, о, запахи поздней осени, нежный бриз с моря, еще стаканчик, еще и еще, поджарь свежей кефали, Лаура, и апсны! Как это дивно звучит – апсны и апсны! Теперь буду всюду апсны, всегда апсны и только апсны! Любезные хозяйки предлагают абаклажанчапа, что означает фаршированные баклажаны, вкусно до безумия: баклажаны + орехи + репчатый лук + чеснок + аджика + кинза, петрушка, укроп, сухие пряные травы. Баклажаны жарить, аджики не жалеть – и апсны! Любят абхазы цыплят и кур на вертеле, курицу в ореховом соусе (акуты еицарши), отварную требуху и ливер, приправленный аджикой, грецкими орехами и зеленью. Говорят, что еще больше любят жаренные на

вертеле туши козлят и ягнят, но я лично этого не видел, видимо, ими наслаждаются, когда разъезжаются туристы. Кофе в глиняных турках, сваренный в горячем песке, мне не в кайф, я люблю по-простецки залить кипятком прямо в чашку со свежемолотым «арабика» кенийского или колумбийского происхождения. В дни счастливого одиночества, когда жена покидает дом, люблю холостяцкую яичницу: хорошо сбитые три яйца вместе с молоком сливаются в сковородку, и тут я закручиваю всю эту смесь обыкновенной ложкой, превращая в некую горку с острой вершиной. По таинственной причине сей омлет приобретает необыкновенный вкус и прекрасен под стопарь перцовки.

На Бродвее везде зазывают темпераментные абхазки, некоторые даже танцуют (музыка гремит почти в каждом шалмане, не говоря о телевизоре). Пробую пахучую чачу – словно окунулся в виноградник, море расплзается перед глазами, самшитовая роща превращается в райские кущи, где барахтаются ангелы в плавках и купальниках. Еще чача у милой абхазской пары, живущей в Москве, но приезжающей сюда на сезон поторговать. Апсны! Мир прекрасен, он наполнен симфонией жизни (знать бы, что это!), он весь в карусели, в розовом тумане, он в неге и любви. Приятно закусывать свежеиспеченным хачапури, его делают мгновенно, прямо на глазах. Питаться надо проще, надо брать пример с Христа, хлеб, сыр, вино. Апсны! Финал происходит пред круглыми очами симбиоза капитанской фуражки и золотой челюсти, на собственной террасе.

– Где служили? – грозно вопрошает симбиоз меня. – Не шпион ли ты?! Люди, это грузинский шпион, взять его!

– Всю жизнь служил на овощной базе № 45 Мытищинского района, ваше высокоблагородие...

– Врешь, по морде вижу, что стукач, сам 30 лет стукачом проработал. Ну-ка, живо называй тайники, явки, давай шифры!

– Помилуйте, ваше высокоблагородие, я вам огурцами отдам, к тому же у меня подагра.

– И у меня подагра! – примирительно соглашается сосед. – Выпьем за подагру, за пехоту и восьмую роту! – Он наливает мне из пластиковой бутылки, от него щемяще пахнет духами Hugo Boss, словно он только что с Елисейских Полей, к тому же у него недавний педикюр. – А ты знаешь, что я глухонемой? – Он жестикулирует передо мной и вдруг впивается золотыми зубами прямо мне в ухо. Уууу! Со стаканом в ослабевшей руке ползу в постель. Ночью вдруг ко мне является сам президент.

– Ты на какие такие деньги пьешь? Ты же целую сочинскую автостраду украл, ты мне, сукин сын, Олимпиаду завалишь! Я вот тебя вместе с Сердюковым замочу, шпион сраный!

Трясусь от страха и бегу, мчусь быстрее лани. А тут навстречу Вагнер, сам Вильгельм Рихард Вагнер тянет руку и поздравляет с 4000-летием христианства (?), играет бешено оркестр со Спиваковым, Зигфрид упивается кровью дракона. О боже, какой мутный сон! С чего бы это? Проклятое вино! Голова трещит, но трещит по-хорошему, мажорно.

Утро туманное, утро седое встречает радостным солнцем, и, съев мацони с овсяной кашей, коей торгуют в каждом шинке, устремляемся к морю. Черное море мое, ты такое же прозрачное и ласковое, как в детстве! Сентябрьское солнце не обжигает. В своих красноморских и средиземноморских вояжах я отвык от гальки, и приходится купить купальные туфли. Вдали играют хвостами дельфины, хочется романтически уплыть за горизонт с нежной, как голубая форель, златовласой русалкой, но пивной живот тянет ко дну и предупреждает об осторожности. Хмель испаряется из мозгов, но в ноздрях еще застряли запахи дурманящего винограда. Обедаем в прибрежном деревянном кафе, заказываем манты, но уже первый кусочек фарша отдает чем-то непотребным, разрушающим гармонию самшита и моря. Подзываю официантку, румянощекую дивчину с косой, декларирую, что мясо-то тухлое. Как все дамы Абхазии, она обижается, надувается и всем видом показывает, что я ее смертельно оскорбил

(просветим публику: Абхазия прекрасна, но мясо не для своих тут дерьмовое, говорят его возят в брикетах из Бразилии).

– Дядя Федя, вот тут... это самое... тухлое... – на глазах у нее неподдельные слезы, и я чувствую себя придирой, капризным подлецом, который только и ищет повод для скандала. Опухшая, красная рожа русского Федеи изображает крайнее удивление, но глазки из-под набрякших век глядят слезливо, глядишь, и тоже расплачется! Выковыряв из мантов мясо (не доводить же официантку и вместе с ней дядю Федю до истерики!), деликатно доедаю мучную часть. Чего не сделаешь ради добрых отношений с непризнанной миром страной души!

По нашему Бродвею временами проносятся «Мерседесы», пугая полуголых леди и джентльменов, ощущаю потребность забить мантовое послевкусие, забегаю в кафе «Ростовчанка», где делами ворочает дородная казачка, она предлагает чачу на мандариновых корочках. В нос ударяют дивные запахи, вновь в сердце поселяется весна, расцветают розы и чирикают райские птички. Апсны! И еще раз апсны! На аллее бросается в глаза яркая вывеска: здесь иглоукальвание и массажи, включая тайский, список велик, были бы недуги. Ко мне подходит Карло, который здесь и священнодействует, от него приятно пахнет только что выпитой чачей. Почему бы мне не сделать массаж спины? Укладываюсь на ложе, и Карло начинает процедуру, в процессе которой узнаю, что он – грузин, потомок басков, православный, свободный человек, который даже сидел при советской власти. На этом клочке земли дружба народов отнюдь не громкий лозунг: рядом готовят плов и чебуреки несколько узбеков (тарелка плова с мясом стоит 100 руб., чебурек – 50 руб., отбоя от клиентов нет), из-за стола гремят украинские песни, мой Карло жалуется, что среди абхазов много язычников, а храм, построенный в Пицунде еще римлянами (видимо, он имеет в виду ромеев, как называли себя византийцы), превращен в католический, по сути – в коммерческий, более того, там дают концерты с органом. Безобразие! Сообщает, что основная беда Абхазии – плохой сервис. Сеанс закончен, плачу 500 руб. (нормально для получасовой встряски), Карло просит положить деньги на ложе, он набожен, боится их брать из рук и даже прикасаться, он вообще презирает звон злата. О, эти деньги, из-за них все зло! Как исцелить Россию от всех бед? Очень просто: отменить деньги вместе с этим проклятым рынком! Не философствуя, Карло любезно предлагает пропустить по рюмке за знакомство. Мы переходим в ресторанчик напротив и тут же пропускаем. Платит Карло, посему пью с особым удовольствием. Апсны! Вот так и сижу с грузином, рядом с узбеками, под звуки украинских напевов, сижу и пью абхазский Чегем, прославленный Фазилем Искандером. Да здравствует дружба народов, виват! Где же любимая жена? Может, ее тоже потянуло на массаж? Чегем + Диаскурия + 1. чача на черной смородине, 2. на рябине, 3. на вишне + спирт =??? Именно так. Помню, что был интереснейший разговор, но о чем? Что-то высокое, о доблести, о славе, о любви... В назидание Карло я даже поведал о том, как террористы-баски подорвали в Мадриде автомобиль с испанским премьер-министром, который взлетел на высоту 100 метров... О боже, я даже жестикулировал и показывал, как летели по небу куски премьера, словно лично участвовал в теракте! Тут в разговор наш врывается некая кокетливая, прилично поддавшая дама, которая категорически требует новых президентских выборов в России.

– Путин уже старый, даже жена его бросила! – убеждает она. – Хочу в президенты России Рамзана Кадырова! А Сочи перенести в Московскую область, Путин гонит облака к нам в Абхазию и оттого вместо солнца льют дожди!

Гениальная идея, надо продать ее нашей бессистемной оппозиции. Кадыров вместо Навального, это вам посильнее, чем «Фауст» Гете! Пятьдесят метров, отделяющие ресторацию от нашего жилища, преодолеваю, словно путь из варягов в греки. Как долго, как бесконечно, как грустно! Нашупал калитку, сумел открыть, вошел, стараясь не раскачивать лодку. Какую лодку? Вёсел ведь нет, и я вроде на своих двоих. Пытаюсь раскланиваться с соседями, но они испуганно отпрыгивают в сторону, хочу обласкать детишек, но они с плачем убегают на руки к мамам. Жена отсутствует, ищу ее, заглядываю под кровать – вдруг решила, проказница, меня

разыграть? Ах, разыграть меня нетрудно, я сам разыгрываться рад! Нырью под одеяло и теряю сознание. Просыпаюсь от прикосновения колена к животу, причем колена, явно мне не принадлежащего. Пытаюсь снова выключиться, но колено нажимает и движется к паху, в нос бьет запах перегара, чувствую над собой тяжело нависшую голову. Круглые глаза. Золотая челюсть.

– Где служил?!

Боже мой, так это же сосед в капитанской фуражке! Как он забрался ко мне в кровать? Или это я по ошибке заснул у него в постели! Голова отделяется от меня, вращает глазами и внятно произносит: ча-ча! ча-ча-ча-ча! Появляется президент в окружении актеров, в руках у него череп Йорика, он обращается к актерам, как в «Гамлете»:

– Играть меня просто и обязательно обнажайте зад, иначе не поверят.

Почему не поверят? Что за натурализм? Тут он обнимает меня, сердце мое уходит в пятки.

– Ты, брат, больше не пей, хватит с тебя апсны, нажрался уже.

А сам берет стаканчик и его апснывает. Все меркнет, голова кружится, горло сдавливает всемирная тоска, мальчики кровавые в глазах, капитанская фуражка вдруг приподнимается, а там одна волосинка на голом черепе. Пытаюсь вырваться, кто-то трясет меня за плечи...

– Алкаш! Опять нализался!

Это уже нежный голос жены, она восстает передо мною, как Афродита из пены морской, хотя оказывается рядом на подушке.

– Что с тобой, милый? Что ты стонешь? Зачем лупишь кулаком по подушке? И какого черта ты пил эту дрянь? – Она указывает на наполовину опорожненную пластиковую бутылку с вином (2 литра), стоящую на полу. Откуда она появилась? – Больше ни грамма!

Впрочем, почему дрянь, зачем так грубо? Просто абхазское вино мне не подходит, несовместим я с ним, как и с манной кашей. Подслушанный разговор двух абхазов в кафе «Моп амі»: «Ну, был я в Марселе, пил французское вино. Хорошее вино, но наше лучше. А чача и дешевле, и лучше!»

Разве с этим поспоришь? А те, кто презирает и не пьет абхазское вино, – это агенты Мишико Саакашвили, враги Путина, исчадия ада, американские шпионы и голландские геи! Любишь Родину – люби и ее вино, люби все, не будь вонючим интеллигентом, не будь критиканом и ругателем, люби! Начинается новая жизнь, здоровая и счастливая. Жизнь в свободной Абхазии. Центр Пицунды забит народом, глазают, покупают, выпивают и закусывают. Работает даже тир (о, воспоминания!), где времена, когда я гордо расхаживал по Пицунде в санаторной пижаме? В милой бесформенной панаме (из козла или барана?), как пастух Утесов в «Веселых ребятах». И чувствовал себя словно в котелке и безукоризненном костюме, сшитом на лондонской Сэвил-роу! Немедленно в Гагру, где снимался фильм! Автобус несет нас вдоль моря, Гагра разрослась и чуть подпорчена высокими зданиями, но все уютно вокруг, все чисто, не то что у нас в Мытищах! В надежде восстановить прошлое останавливаемся у «Гагрипша», взбираемся по ступеням вверх и пытаемся заказать столик.

– У нас сегодня свадьба! – улыбается метрдотель. – Правда, скромная, человек на пятьсот! Если угодно, можете бесплатно выпить по сто граммов и даже закусить...

Но горько сидеть на чужой свадьбе даже бесплатно, спускаемся вниз в кафе с видом на море. Что заказать? Конечно, барашков абхазы съедают сами, туристам выбрасывают бразильское мясо, но... Сейчас разгар охоты на перепелок, да и рыба не перевелась, благо бурлят и море, и горные речки, и заповедные озера. Перепелки – моя слабость, помнится, когда-то мы их ощипывали, бросали в ведро сметаны и варили. Как и рябчиков. Простенько, но со вкусом. Заказываем птичек, а заодно и жареную черноморскую (!) барабульку (ее приносят на огромном белом блюде, и она дает фору барабулке средиземноморской, крупной и несвежей, которую импортируют для бар наши московские рестораторы). Перепелки нежны и навевают негу, если мало двух штук, можно взять десяток, благо что идут они по 150 р. за тушку. Деся-

ток стоит столько же, сколько одно каре из барашка в прогнившем от коррупции, московском ресторане. Перепелок нужно уметь готовить и ни в коем случае не пережаривать. Запекать в жарочном шкафу, на десяток 200 граммов сливочного масла, граммов 150 шпига, черного перца и риса. Можно и смазать их аджикой. Все еще хотите мяса, леди и джентльмены? Не нравится дичь? Так не ешьте! Вы, случайно, не друг Мишико? Что нам мясо, если есть море и звезды! Если есть русско-украинско-абхазские песни и можно разбудить ночью Карло и попросить сделать массаж спины? Что вам этот западный комфорт, эти клозеты с унитазами, зачем вам вообще горячая вода, если есть холодная и рядом море, если повсюду порхают перепела, и плещется барабулька, и ласкают ноздри запахи чачи (опять?!), и олеандры трепещут вокруг, а у берега шумит под ветром самшитовая роща?

Из Гагры направляемся напрямиком в пицундский храм, орган словно плачет, Альбинони, Бах... Закрываем глаза, слушаем, блаженствуем. Вот так надо жить. Говорят, абхазы – бездельники. И чудесно, и молодцы! Как писал Набоков, «пролетарии всех стран, разъединяйтесь, мир создан в день отдыха!». Зачем вкалывать? Жизнь и так трагически коротка и полна болезней и прочих неприятностей. В нашем приюте тишина и покой, так и засыпаем в счастливом оцепенении. Вдруг кровать вздрагивает, падает со стены портрет какой-то абхазской царицы, взрыв за взрывом, все трясется... Что это? Мальчики балуются с оставшимися советскими боеприпасами? Американцы спутали Абхазию с Сирией, запустили ракеты? Апокалипсис? Появляется капитанская фуражка в семейных трусах и сообщает, что сегодня годовщина победы Абхазии над Грузией в Великой Отечественной войне 1992–1993 годов. Где же фрейлина нашего двора? Уехала в свой дворец на «мерсе», наш замок осиротел.

В Сочи нас везет на «Крайслере» лихой джигит, еще рань, но уже первые русские бегут окунуться в море. Святое это дело, зловонным западникам этого не понять. Почти без задержки преодолеваем границу, выезжаем на чистую, без всяких стройматериалов вокруг сочинскую дорогу. Все убрано, явно Отец и Командир уже на месте. Новый аэропорт утрет нос даже аэропорту Кеннеди. Все прекрасно! Допиваю из пластиковой бутылки неоднозначное абхазское вино.

Апсны!

ОПТИМИСТЫ

В дверь вежливо постучали, и в кабинет вошел... Молотов. Сам Вячеслав Михайлович Молотов, долгое время правая рука Иосифа Сталина, вершитель советской внешней политики. Мы, привыкшие к его портретам на площадях по праздникам, непроизвольно встали и замерли.

– Извините, товарищи, – молвил он, – а где помещается монгольская референтура?

Трепеща от смущения и страха, мы ему объяснили. Дело происходило в 1957 году, и сравнительно недавно Хрущев изгнал Молотова и всю «антипартийную группу» из политбюро и назначил его послом в Монголии. Я вспомнил об этом эпизоде, погрузившись в фильм ТВ-канала «Россия» «Оптимисты» о шестидесятниках МИДа, и, закрутившись в интригах, шпионских играх и адюльтерах прекрасно игравших актеров, вдруг понял, что фильм-то обо мне грешном, ибо именно в эту пору я начал трудиться в МИДе. Жизнь моя иль ты приснилась мне? Или я жил слепым и ничего не видел вокруг? Но придется откатить нашу тачку чуть назад, дабы представить обстановку тех бурных лет.

МГИМО тогда не был блатным

Окончив самарскую среднюю школу с золотой медалью, я прибыл в Москву завоевателем, как бальзаковский Растиньяк в Париж, и без экзаменов поступил в МГИМО, который и тогда был при МИДе. Пришлось только сдать английский и пройти собеседование с синклитом мудрецов (вопросы от числа колонн у Большого театра до фамилий генсеков компартий всего мира). Во время подсчета колонн ко мне неожиданно подвалился франтоватый мужчина и ласково воскликнул: «Какой красивый мальчик! Не хочешь в кафе?» Я дунул от него в сторону как от нечистой силы, ибо о существовании гомосексуалистов даже не подозревал, а решил, что это агент ЦРУ (как они пронюхали о моем поступлении в МГИМО?!), – тщательное чтение советской прессы давало о себе знать. Это был 1952 год, блатом тогда и не пахло, большинство ребят происходили из обычных семей (было 3–4 студента из семьи мидовцев, но они никак не выделялись), очень много из провинции, абсолютное большинство – комсомольцы, среди нас были и партийные фронтовики. Будущий сотрудник ЦК партии мой друг Женя Силин жил в развалюхе в Кускове, нынешний профессор и публицист Б. Ключников приехал из казачьей станицы, будущий начальник советской разведки Леонид Шебаршин (он влился в МГИМО с институтом востоковедения), из семьи обувщика, жил тоже в какой-то лачуге в хулиганской Марьиной Роще. Заполняли толстенные анкеты, где требовалось указать родственников за границей, пребывание в оккупации и даже участие в оппозиционных партиях. Ребята попадались самые разные, были среди нас и одиночки с набриолиненными кокками, и слишком дерзкие шутники, но наш курс изрядно пошерстили реформами, и этих товарищей отчислили. Никакого даже намека на диссидентство в нашей студенческой среде я не встречал, все споры проходили в рамках партийной линии. На ноябрьской демонстрации в колонне, замыкавшей шествие студентов, посчастливилось узреть великого Сталина – он неторопливо и величественно спускался с Мавзолея. Одевались студенты МГИМО во что придется, одно время я носил перелицованную отцовскую бекешу (это шуба для комсостава) и сапоги (однажды звезда международного права, подслеповатый профессор Дурденевский, носивший мидовскую форму, по ошибке даже отдал мне честь). После Сталина наша легкая промышленность производила все больше одежды, но она отличалась выдающимся уродством, однако с годами появился импорт, особенно из ГДР и Болгарии, в моду вошли чехословацкие шляпы «тонак» (в них и щеголяют герои «Оптимистов»). Стиляги в правоверном МГИМО не приветствовались, ботинки на каучуковой подошве никто не носил, джаз слушали с удовольствием, а после молодежного фестиваля 1957 года спокойно танцевали в непубличных местах рок-энд-ролл. Огромную проблему представляло жилье: большинство студентов жили в коммуналках и общежитиях, я относился к числу богатеев, ибо папа – полковник КГБ в отставке – чудом поменял роскошную квартиру в Самаре на двушку в Тестовском поселке. Было обидно, что мне как сыну обеспеченного родителя не платили стипендию, столь необходимую для светской жизни. Впрочем, какая тут к черту светская жизнь, если с занятиями дохнуть не передохнуть, какие тут на фиг девушки, если не решена вечная проблема хаты?! Мой друг приобщил меня к московским ресторанам (он был старый москвич и даже «по-настоящему» дружил с девушкой, что было редкостью в те невинные времена), мы отправились в тогдашний Гранд-отель, что помещался в Москве фасадом на пл. Революции, предупредил, чтобы я не заказывал хлеб, мол, это не принято (я, провинциал, сидел как оплеванный), мы скромно выпили, а потом он украдкой завел меня в дальний угол зала, где в закутке висела картина с полуобнаженной дамой на ложе а-ля Буше – вершина эротического кайфа того времени. Ресторан – это событие чрезвычайное, раз в год мы бывали в модной «Авроре» (ныне «Будапешт»), там у входа стояло чучело медведя (пьяные то совали ему в пасть бутылку, то надевали на голову шляпу), но главное, выступал блестящий ударник Лаце Олах.

Рай заграницы

В сталинские времена понятие «заграница» носило некий сказочный характер, посчастливилось побывать там немногим (воины-освободители не в счет), в Самаре мы с приятелем специально ходили посмотреть на дипломата, отца девочки из соседней школы, ходили, будто на диковинку, ожидали узреть Илья Муромца, но это оказался скромный человечек в заграничном костюме и с залысинами, что несколько нас расстроило. Можно сколько угодно морочить голову нынешней молодежи разговорами об индустриализации, морально-политическом единстве и прочими пропагандистскими мифами, но в те времена страна была буквально законопачена от «тлетворных влияний Запада» (прорехи ухитрялись пробивать), в МГИМО нам позволяли читать только коммунистические иностранные газеты, и то после получения допуска в спецфонд, домашнее чтение – добропорядочный Голсуорси, прогрессивный южноафриканец Питер Абрахамс, непоколебимый коммунист Олдридж. Отметим, что на нашем курсе появились китайцы, монголы, чехи, поляки, болгары и румыны – страны народной демократии осваивали опыт друзей.

Величественный МИД

Пороги величественного здания МИДа я впервые переступил в 1957 году, когда был определен на практику в отдел печати, я буквально раздувался от гордости, от некой причастности к сонму дипломатов. Правда, на заграничную практику меня, увы, не взяли, ибо в любимую партию я еще не вступил и крупных комсомольских постов не занимал. Отдел печати тогда возглавлял Леонид Ильичев, бывший моряк, позже вымахавший в секретари ЦК по идеологическим вопросам. Однажды, вернувшись из Парижа, он собрал совещание и, натянув на свои пальцы с полустертыми татуированными якорьками некие ниточки, стал показывать замысловатые французские фокусы. Отдел плотно контролировал иностранных корреспондентов, помнится, я выступал толмачом у Ильичева, когда он грубо распекал американского корреспондента «Тайм» за антисоветскую клевету, тон его меня поразил. Позднее я тиснул пару статей в центральной печати о лживости отдельных американских журналистов, перо уже было натаскано на институтской курсовой «Фашизация государственного строя США». Практика отнюдь не означала гарантию поступления в МИД, и по окончании МГИМО в 1958 году мы все напряженно ожидали распределения.

Чем же дышали тогда молодые сотрудники МИДа? Появились ли истинно свежие ветры в советской дипломатии? Появились и весьма, весьма существенные. Продолжатель дела Ленина Иосиф Сталин, несмотря на роспуск Коминтерна, на деле не собирался отказываться от революционных принципов. Выйдя из тяжелой войны победителем, он успешно продолжил коммунистическую экспансию в Восточной Европе, поставив во главу стран народной демократии бывших московских коминтерновцев (Димитров, Берут и др.). Мощные компартии в Италии и Франции имели своих министров в правительстве, международное коммунистическое движение стало мощным подспорьем советской внешней политики. Сталин действовал гибко, но все же это была политика конфронтации. Вскоре после смерти вождя Хрущев объявил о политике мирного сосуществования, Молотов даже заявил о нашей готовности вступить в НАТО (хитрый ход), в 1955 году наконец был подписан мирный договор о нейтральной Австрии, Хрущев помирился с Тито, совершил вместе с Булганиным вояж в Англию, триумфально объехал Америку. Одновременно в 1955 году был образован Варшавский договор. Это была уже новая эпоха, мир открылся, и советская дипломатия обрела не просто второе, а абсолютно иное дыхание. Тогда мы тесно дружили с Китаем, появились новые друзья: легендарный Кастро, египетский президент Насер, индонезийский президент Сукарно (брат Карно), гвинейский Секу Туре, весьма расположенный нейтральный Неру – не было никакого сомнения, что скоро весь мир станет социалистическим.

Вот она, райская жизнь!

Мне крупно повезло: в нашем посольстве в Хельсинки забеременела незамужняя сотрудница, сказочно образовалась вакансия секретаря консульского отдела посольства СССР в Финляндии, и меня, неженатого комсомольца (о боже!), начали оформлять на эту должность, направив на подготовку в отдел скандинавских стран. Хельсинки тогда был симпатичным, но сумрачным, царил сухой закон (что не мешало), до сих пор помню пьяного финна, бредущего с расстегнутой ширинкой по улице Маннергейма. Но поразили меня не столько магазины, забитые товаром всех мастей, сколько дух свободы, обилие самых разнообразных книг и газет. Зайдя в книжный магазин с русским прилавком, я осторожно рассматривал эмигрантских писателей, однако покупать не посмел – опасался Всевидящего Глаза (всеобщее заблуждение). Наконец выбрался в иностранный отдел и приобрел «Доктора Живаго» (но на английском) – сердце билось, как заячий хвост. Свою дипломатическую карьеру я связывал с бесконечной циркуляцией среди иностранцев, заваливающих меня водопадами ценной информации, которую я собирался достойно докладывать любимому правительству. Но меня ожидало разочарование: молодые сотрудники МИДа с иностранцами почти не встречались, работали толмачами или составляли по газетам справки по отдельным проблемам. Контакты с иностранцами поддерживали в основном дипломаты, начиная с первого секретаря и выше. В нашем посольстве в Финляндии я узрел массу напористых мужичков, которые катались на заграничных машинах (дипломаты ездили на «Волгах») и активно работали с иностранцами. Это были ближние и дальние соседи: «ближние» это КГБ (МИД до высотки размещался на Лубянке, у памятника Воровскому) и «дальние» – ГРУ. В то время в МГИМО о разведке лекций не читали и вообще это слово не упоминалось – секрет секретов! Заведующим консульским отделом нашего посольства был жгучий брюнет Григорий Голуб (герой «Оптимистов» носит такую же фамилию), сотрудник разведки КГБ, детдомовец, бывший танкист с многочисленными ранениями, прошедший через всю войну, отец актрисы Марины Голуб. Именно Григорий Ефимович разрисовал мне прелести разведки и подвигнул на переход в это ведомство. В дальнейшем я уже работал в МИДе под крышей, в том числе в наших посольствах в Великобритании и Дании, мгимовская подготовка оказалась вполне достаточной для общения с самыми высокопоставленными иностранцами. В Англии и Дании я встречался с американскими и прочими дипломатами, с английскими и датскими министрами, никто от меня не бегал, правда, я не просил посмотреть в глаза.

Шпионы, вокруг одни шпионы

Немного о шпионах, которые так волнуют героев «Оптимистов». Американский пилот Пауэрс был сбит в 1960 году, и Хрущев умело и дерзко использовал это для срыва переговоров с Эйзенхауэром, однако все эти дела творились высоко над нашими головами. Известных шпионов в то время было двое: грушник Попов (арест 1959) и грушник Пеньковский (арест 1962), оба фронтовики, оба расстреляны. О шпионах в МИДе в то время я не слышал, гораздо позже стали известны Огородник (см. фильм «ТАСС уполномочен заявить») и – самый крупный шпион в МИДе! – зам. главного представителя СССР в ООН Аркадий Шевченко. Однако шпионов и перебежчиков в КГБ и ГРУ всегда было намного больше. Существует и поныне два мифа: в народе считают, что все дипломаты – шпионы, а в советских колониях убеждены, что все кагэбэшники следят за честными советскими людьми. Первый миф соответствует реалиям лишь на 2/3 (прилично!), второй миф касается лишь одной из функций КГБ за рубежом – обеспечение безопасности нашей колонии (этим обычно занимаются не больше 1–3 человек, причем главные их задачи сводятся к агентурному проникновению в контрразведку противника). На память приходят случаи высылки на родину по инициативе КГБ: опасное пьянство (задержка полицией, гуляние в голом виде по улице в белой горячке), скандальный адюльтер (был случай, когда посол сошелся с женой своего водителя, который чуть не зарубил его топором), подозрительные связи с иностранцами, о которых не поставлено в известность руководство. Сколько угодно и абсурдных решений: например, одного многодетного дипломата засекли в злачном районе Сохо в Лондоне, где он беседовал якобы с проституткой, – выслали, хотя попробуй докажи, проститутка эта или учительница? Другой дипломат был выслан из-за недостаточно резких суждений о Сахарове – дань времени! Когда я служил резидентом в Копенгагене, приходилось высылать по указанию Центра за прошлые грехи: одного товарища за давние сексуальные приключения во французской гостинице (кто-то стукнул в Москве), другого за то, что не сообщил о службе дяди в гестапо во время войны. Иногда резиденты сводили личные счета, всякое бывало. С моей точки зрения, содружество посла с резидентами внешней и военной разведки – залог успеха всех трех ведомств, причем посол является фигурой № 1, о чем часто забывают зарвавшиеся резиденты. Впрочем, порой и послы воображают себя всемогущими хозяевами.

Как жировали за бугром

Еще один миф о том, что дипломаты за границей жируют. Весной 1961 года мы с беременной женой выезжали в Лондон с полным набором кастрюль, сковородок и прочей кухонной утвари, не говоря о коляске, были поселены в полуподвальную квартиру на Earl's Terrace, где жила еще одна семья с двумя детьми. Я выезжал в звании старлея под прикрытием третьего секретаря, наша комната выходила на помойку. Через полтора года после отъезда одной семьи нас переселили в комнату в коммуналке на втором этаже. И таков был иерархический путь наверх всех сотрудников посольства. Посол жил в посольстве, советники – в отдельных квартирах. Тогда мы платили за жилье полностью, потом коммуналки ликвидировали, посольство снимало квартиры для сотрудников, которые оплачивали 10 % ренты. В советской колонии царил дух экономии, часто граничивший со стяжательством. Распродажи пользовались завидной популярностью, работал кооперативный магазин, где товары, особенно советские, продавались дешево. Помню, из-за нелегальной этикетки «коньяк» торгпредство не смогло продать армянский коньяк и отправило его в магазин по фунту за бутылку. Секретарь профсоюзной организации (с большевистских времен в целях конспирации так называли парторганизацию) громогласно предупреждал: «Товарищи, просьба не разбрасывать бутылки в Кьюгарденс (излюбленное место отдыха в Лондоне, другим местом был отдаленный Гастингс, где у посольства имелась дача). Как третий секретарь посольства я получал 120 фунтов стерлингов в месяц, средней руки мужской костюм стоил тогда около 30 фунтов. В рестораны с женой мы не ходили, даже скотч-виски в обычных магазинах стоил для нас дорого, правда, в кооперативе покупали, пардон, дешевое пойло Canadian Club. К этому стоит добавить весьма дорогое детское питание для народившегося дитяти. Однако, конечно, на фоне советского бытия эта жизнь выглядела шикарной. С годами положение заграничников улучшалось, хотя все копили: кто на кооперативную квартиру в Москве, кто на машину, кто для родственников, подавляющее большинство покупали и перепродавали заграничные шмотки, одно время в цене были даже пластиковые пакеты (до сих пор смотрю на них с болью, отправляя в помойку). Однажды в Копенгаген прибыл на съезд датских коммунистов Константин Черненко, тогда еще даже не кандидат в члены политбюро, однако человек весьма влиятельный. Мы просили поднять зарплату всем нашим заграничникам и в целях подтверждения трудностей жизни провели Константина Устиновича по самым дорогим магазинам, где туфли стоили по 500 долларов (тогдашних!), а продукты просто по королевским ценам. «Как же живут трудящиеся?» – изумлялся Черненко, и в результате зарплату нам подняли аж на 30 %.

Буржуиство в КГБ

Еще один миф – это о том, как жировали в КГБ. Конечно, зарплаты у нас были высокие, рядовой опер – уполномоченный получал в два и больше раза, чем инженер. Жилье и дачи предоставлялись в первую очередь высшему командному звену и приближенным. Я, например, никогда от КГБ квартиры не получал. Когда я занял должность заместителя начальника отдела (вроде бы командный состав), то получил привилегированное право на пошив раз в год костюма в ателье КГБ и на ондатровую шапку (!), кроме того, я мог получать парное молоко и цыплят из подсобного хозяйства КГБ. Конечно, начальник разведки и его заместители имели доступ к дешевым продуктам на Грановского, в буфетах разведки и всего КГБ в 70-е продавали мясную кулинарию, которая ничем не отличалась от одной в городских магазинах. Система была организована весьма хитроумно: сотрудники ЦК получали меньше, чем в КГБ, зато в столовой и буфетах ЦК дефицитные продукты продавались по коммунистическим ценам, и никто не упускал случая при визите туда пообедать в местной столовке. Ведомственные санатории и дома отдыха КГБ в летний сезон были переполнены, опять же путевки в первую очередь получало начальство (для него даже имелись люксы), уже будучи резидентом и полковником, я жил в крымском санатории КГБ с двумя соседями. Условия в подобных заведениях были намного лучше (конечно, с годами все большую роль в КГБ играли блат и связи).

Партия – наш рулевой

После смерти Сталина нами в полную меру стала верховодить коммунистическая партия. Приход в МИД за отдела из ЦК (так в «Оптимистах») не экзотика, в КГБ также влилось много партийных кадров, причем, как правило, на руководящие должности. Даже в резидентуры КГБ приезжали слабо подготовленные партийные работники, некоторые приспособились и преуспевали, другие не продвинулись. Особенно ЦК «укрепил» второй главк (контрразведку) и созданное в 1967 году пятое управление во главе с Филиппом Бобковым. ЦК для нас был царь и бог, послушаться его никто не мог. К тому же там, особенно в международном отделе и ряде других, служили такие выдающиеся личности, как Шахназаров, Загладин, Черняев, на фоне которых наши лидеры выглядели пигмеями, у них был широкий взгляд на мир, и вместе с другими они предопределили перестройку. Ко мне, тогда резиденту КГБ в Дании, во время командировок частенько заходил зам. зав. международным отделом Виталий Шапошников, за бутылкой виски я читал ему свои «крамольные» стихи и прямо говорил, что глупо запрещать нашим заграничникам выезжать, например, из Копенгагена на уик-энд в Париж без решения ЦК – зачем этот бюрократизм? Он все наматывал на ус, очень любил песни Высоцкого, а своего бывшего коллегу начальника разведки Владимира Крючкова именовал не иначе как «Володя». С критикой советских порядков (конечно, без диссидентства) выступал мой товарищ, сотрудник отдела пропаганды Лев Оников, очень чистый и честный человек. Однажды в Копенгагене я повел его в портовый кабачок, где ему на колени неожиданно водрузилась проститутка. Лев, глазом не моргнув, просидел с ней в таком положении минут двадцать, не согнал, терпеливо выслушивал ее речи. Потом он объяснил мне, что она по-своему тоже пролетариат и с ней надо проводить разъяснительную работу. Он свято верил в идеалы коммунизма.

МИД и КГБ

После Сталина отношения между МИДом и КГБ менялись в зависимости от политического веса руководителя. После Молотова иностранными делами ведали партийцы: Шепилов в МИДе, Шелепин и Семичастный в КГБ. В 1957 году Громыко сменил Шепилова на долгие годы, однако в политбюро он не входил до 1973 года и весьма прислушивался к Андропову, уже с 1967 года шефу КГБ. Андропов очень боялся, что его «съедят» партийные конкуренты (не случайно Брежнев подставил под него замов – С. Цвигуна и Г. Цинева), избегал острых мероприятий (во время съездов, например, иногда запрещали встречаться с агентурой), опасался связей с террористами – в частности, с Ирландской Республиканской Армией (знаю по своему опыту), он обжегся на венгерской революции, где в результате повесили бывшего премьера Имре Надя. При нем было наложено строгое табу на политические убийства, соответствующее подразделение в разведке было радикально реорганизовано. Бесспорно, он был мудрым политиком, придумал «психушки», пошел ленинским путем, начав высылки вместо репрессий, вместе с Громыко пробил разрешение на выезд евреев в Израиль. В этом смысле он, бесспорно, был дальновидным деятелем, ведь до сих пор его преемник, генерал Федорчук, скрежещет зубами, обвиняя Андропова в предательстве, поскольку он выпускал за границу Высоцкого, Юрия Любимова, других актеров и не засадил в тюрьму Солженицына.

Больше фильмов о дипломатах

Высказав свои личные и субъективные оценки о том времени, вернусь к «Оптимистам». После пафосного фильма о советском после в Швеции А. Коллонтай это, пожалуй, первый сериал, хоть как-то показывающий деятельность наших дипломатов, луч света в темном царстве. Поэтому и канал «Россия», и создатели фильма заслуживают всяческой похвалы. Почему мы не видим фильмов о дипломатах? Причин много. Ничего не могу сказать ни о ЕГЭ и т. п., но, на мой взгляд, телевидение стало главным орудием формирования нации. Нас женят и разводят, учат готовить и вкусно кушать, разбирают семейные скандалы, нас просвещают доктора, и некоторые пациенты уже так насобачились в медицинских терминах, что могут преподавать в медвузах. Мы бесконечно играем в разные игры (у меня начинаются конвульсии, когда ведущий объявляет отгадавшему загадку о впадении Волги в Каспийское море: «Вы заработали 100 тысяч!» Не заработали, а выиграла! В рулетку не зарабатывают!). Мы занимаемся бурно спортом, астрологией и просто гаданием, ремонтом дач и квартир и много еще чем. К этому добавим жуть Интернета, где каждый недотепа уверенно выносит вердикты по всем мировым вопросам и ставит на место академика. Герои большинства интервью в эфире – актеры и музыканты, раскрученные и жаждущие раскрутки. Очень редко мелькнет космонавт или ученый, а рабочих и крестьян я вообще не вижу, видно, за них вкальвают олигархи. О, этот телевизионный жеребячий гогот не к месту, когда рыдать хочется! О, эти ослепленные своей важностью телезвезды, которые обращаются не иначе как «ко всему народу»! Почему в эфире не выступают наши послы? Почему крайне редко появляются геологи, нефтяники, военные, ученые? Конечно, посол не получит такой рейтинг, как эстрадная дива, а следовательно, и рекламные деньги. Господа-товарищи, вам не кажется, что дебилизация общества уже завершена? Вам не кажется, что безмозглая нация даже не нуждается в обеспечении национальной безопасности – ее возьмут и голыми руками! Перетасуйте эфир, дайте дипломатов и новых героев!

Но хватит о грустном, вернемся к Молотову. Я встретил Вячеслава Михайловича через несколько дней выходящим из МИДа и инстинктивно последовал за ним: куда пойдет великий человек? Молотов неторопливо пошел по Арбату, некоторые его узнавали и здоровались, большинство смотрели ему вслед, разинув рот, шутка ли, сподвижник вождя, предсовнаркома и наркоминдел шагает по Москве как простой советский человек! Так мы вальяжно дошли до магазина политической книги в проезде Художественного театра, Молотов зашел в магазин и вежливо поинтересовался, имеется ли в продаже «Конституция СССР». Увы, ее не оказалось. До сих пор я ломаю голову, зачем она ему, одному из создателей сталинской конституции, понадобилась?

Неужели вспомнил о правах советских граждан?

Агент Батилл

Отпуск товарищ Майкл обычно проводил вне ведомственных санаториев, куда съезжались кагэбэшники со всего Союза: они с завистью поглядывали на заграничные шмотки, говорили о своей работе с какой-то скрытой обидой (мол, вам легко там, на Западе, а мы вкалываем), тяжело и занудно пили водку, и уборщицы, подсчитывая бутылки, стучали директору, а тот – в Москву.

По тропинкам меж пальм бродили озабоченные секретарши, буравя глазами встречаемых мужчин, и жены с жирными спинами и задами-подушками. Все это навевало депрессию. Лишь однажды Майклу повезло: его соседом по комнате оказался сотрудник «пятерки» – гроза диссидентов, разработчик Сахарова («Ах, Андрей Дмитриевич, душа человек, у меня с ним дивные отношения. Я уж ему говорю: «Андрей Дмитриевич, дорогой, вы – наш научный гений, зачем вы против выступаете?» Да разве это он? Это все Боннэр! Впрочем, все это неинтересно, послушайте лучше о моем романе с одной дрессировщицей... карлицей, между нами...»).

Вот и все радости, но как еще отдыхать в стране санаториев? Как использовать бесплатный проезд, дарованный на отпуск? Опытные товарищи надоумили Майкла отдыхать в дальних концах страны, в этом случае к отпуску приплюсовывали дни железнодорожной поездки, даже если отпускник вылетал в точку самолетом, гуляй, чекист, на славу Родине! И вырвался Майкл вместе с коллегой на голубой Исык-Куль, отдаленно похожий на Черное море: отелишко у озера, пустота на магазинных полках, киргизы на ослах, суетливые овцы, ветер и горные вершины.

Туда, к юртам, и направились, захватив по котомке с водкой. Проводник, презиравший москвичей за их легкую жизнь с газом, колбасой и электричеством, вел самым трудным путем, иногда, как бы между прочим, замечая, что вокруг залегли в камнях ядовитые змеи, путники настолько ослабели, что скатывались со склонов на собственных задах; наконец появились искомые юрты, пульс бился в сумасшедшей агонии, и не лез в горло традиционный барашек, полученный в обмен на водку, и не грел чресла симпатичный осел, предоставленный для катания, неясно было, кто есть кто.

Еще судорожно пульсируя, Майкл раскрыл купленную утром местную газету и вдруг увидел броский репортаж о визите во Фрунзе делегации во главе с Батиллом, фигурой известнейшей, ультралевой, занимавшей массу должностей и в парламенте, и в партии, и в профсоюзах. Участником всех прогрессивных форумов, борцом за мир, любимцем всех советских общественных организаций, непрерывно приглашавших его в страну.

Товарищ Майкл тогда ведал суровым Альбионом, где разведку изрядно потрепали – работа шла туго, вербовочные показатели отсутствовали, производство стояло, и это было ужасно.

«А почему бы не завербовать этого Батилла? – мелькнула крамольная мысль у Майкла. – Пристроить его по линии активных мероприятий». – «Стыдись! – вскричали остатки совести. – Он и без подсказки КГБ только и славит политику Брежнева. Если мы пристроимся к нему, то это будет нечто вроде очковтирательства!» – «Ну и что? – вякнула какая-то сволочь внутри. – Кому от этого вред? Отдел снимет пенку, Майкла поглядят по головке, да и начальству приятно...»

И ас помчался в киргизский КГБ, связался по ВЧ с Москвой, получил санкцию на встречу, на следующий день без труда проник на прием в честь делегации и был представлен Батиллу как ответственный сотрудник АПН, случайно оказавшийся во Фрунзе.

С Батиллом говорить было легко, как на партийной учебе: нейтронные бомбы, крылатые ракеты, самолеты «Ф-16» (все это, разумеется, Запад), поставившие мир на грань катастрофы, миролюбивая политика СССР и борьба прогрессивных сил.

Убеждать Батилла было не в чем, он и так во все верил и все разделял, даже неудобно, что все легко, как нож по маслу.

– Знаете, мы в АПН все чаще практикуем выступления наших комментаторов на страницах буржуазной печати. А что, если и вы будете нашим внештатным корреспондентом? Особых трудов это не потребует: мы будем передавать вам тезисы для статей и выступлений, а вы уж решайте сами, что использовать...

– Боже мой, так вы ведь из КГБ! – воскликнул Батилл радостно и рванул рюкзаку от счастья.

– Вечно вам, иностранцам, мерещится КГБ! – возмутился Майкл.

Но Батилл уже обнял его.

– Дорогой мой, мне все равно, из КГБ вы или нет, но это то, что мне надо! Наконец я встречаю делового человека! Я тысячу раз просил об этом своих русских друзей и в профсоюзах, и Комитете мира, но то ли они не понимают, то ли много пьют, то ли слишком любят переговоры и обтекаемые коммюнике... Я хочу настоящего сотрудничества, а для них политическое сотрудничество – это поездки за границу на конференции и форумы и подарки. Наконец-то! Давайте живо мне ваши тезисы, они мне очень пригодятся!

Ошеломленный молниеносным развитием событий, Майкл чокнулся с Батиллом и договорился о встрече в Москве перед отъездом Батилла в Лондон.

Тезисы испекли достаточно быстро, благо что кулинары давно набили на них руку и просто перепевали перлы правдистской пропаганды, коряво переталдычив ее на западный манер, – самим нравилось, а это главное.

Однако только в бурные двадцатые годы органы вербовали, не особо заботясь о бумагах, в новые времена важно было не только дело, но и умение оформить его на красивом оперативном языке, разукрасить и подать наверх.

Начали, как повелось, с рапорта о работе Майкла с Батиллом и о том, что в этом трудном процессе выявились прогрессивные взгляды Батилла (они выявились лет тридцать назад), его стремление помогать делу мира и т. д., закончили рапорт просьбой дать санкцию на вербовку, подписали у шефа, отнесшего бумагу на подпись своему шефу, который оценил, похвалил и поставил сверху «согласен».

Собственно, главное было сделано, оставалось лишь поговорить с Батиллом, и вскоре Майкл ужинал с ним в обставленном техникой кабинете ресторана «Арагви» – ведь запись беседы планировалось положить перед начальством как живую иллюстрацию к рапорту о проведенной вербовке.

«Вы могли бы делиться с нами политической информацией?» – «Ради бога! Я готов, я согласен помогать вам!» – «Но и мы будем снабжать вас информацией, это будет взаимно. А у вас, Батилл, есть связи в высших эшелонах власти?» – «Еще бы! Даже сам премьер-министр! Послушайте, ставлю на кон тысячу долларов, что вы из КГБ!» – «Да бросьте! Всюду вам мерещится проклятый КГБ! Будто у нас в стране и нет других организаций! Итак, мы договариваемся о политическом сотрудничестве!» Слово это было произнесено особенно четко, дабы оно твердо осело в стенограмме беседы и, главное, в мозгах начальства. «Конечно! Именно о политическом сотрудничестве! Впрочем, я уже много лет этим занимаюсь!» (Последнее покоробило, ибо не хотелось выглядеть поваром, который жарит бифштекс по второму разу.) «С этого момента мы начнем сотрудничать на новой основе, Батилл... Вы часто бываете в СССР, а на родине, естественно, хватает реакционеров, которые жаждут вас скомпрометировать...» – «О да!» Он гордился этим. «Поэтому никаких звонков в наше посольство и вообще держитесь от него подальше... мало ли что? Вдруг за вами следят?» – «Ну и пусть следят, идиоты, я им покажу!» – «Тем не менее в наших общих интересах не афишировать контакт, о каждой встрече будем договариваться заранее, а если вы не сможете прийти, пожалуйста, не звоните и не пишите, а приходите ровно через неделю, в то же время и на то же место!» – «Превосходно!

«Это очень удобно для меня!» (Ну просто создан быть агентом.) – «Еще один момент: в мире сейчас неспокойно, возможны кризисы, когда встречаться с вами, Батилл, будет опасно...»

Батилл выпучил глаза: «Что вы имеете в виду?!» – «Нечто вроде Карибского кризиса... или разрыва дипломатических отношений... или даже войны...» Стены и сам товарищ Майкл похолодели от ужаса.

«И что мы тогда будем делать?» – напрягся Батилл, такое ему в голову не приходило. «Вы не волнуйтесь... но на всякий случай мы должны иметь какое-то удобное место... где-нибудь в дупле (о, Дубровский и Маша!) или рядом со скамейкой. Туда мы могли бы положить тезисы без общения с вами...» – «Так это тайник!» – «Откуда вы знаете это слово?» – «Вы думаете, что я не смотрю шпионские фильмы? Так где это дупло?» – «Важно ваше принципиальное согласие, дупло мы подберем, вам о нем расскажут на родине!» – «Согласен. Это очень удобно! А могу я вместо себя направить туда жену?» – «Нет, нет! Жене, пожалуйста, пока ничего не говорите. Женщины порою слабы на язык...» – «Вы не знаете моей жены!» – «Итак, мы договариваемся о политическом сотрудничестве и конспиративной связи». (Подведение итогов.) – «Совершенно верно». – «А вот вам скромный (в КГБ все и вся скромные) сувенир от нас: часы». – «Спасибо, хотя такие мне уже подарили в Комитете ветеранов войны».

Операция прошла блестяще, через неделю, обработав все материалы подслушивания, товарищ Майкл составил победную реляцию наверх, получил все визы и торжественно внес Батилла в агентурную сеть – триумф!

Однако шеф был сух, будто и не произошло сдвига на английском направлении, будто не заслужил Майкл по меньшей мере благодарности в личное дело.

Прошло несколько месяцев, Батилл работал, как вол, по тезисам и без, резидентура освещала его деятельность, писала о нем отчеты, которые вешали на уши во все инстанции.

Однажды на проводах за кордон очередного бойца невидимого фронта Майкл позволил себе позондировать шефа.

– Видите, как хорошо пошли дела с Батиллом... неплохая отдача, правда?

Шеф хмуро опрокинул стопарь. Хороший он был мужик, орденосец, прошел через сталинские и хрущевские чистки органов, работал в Англии с некоторыми агентами знаменитой «кембриджской пятерки», правда, по-английски говорил ужасно, но не боги же горшки обжигают? Шеф был заиклен на получении секретных документов, а посему нацеливался на работу исключительно с государственными служащими, секретносителями.

– Я уж не стал тебя расстраивать, но твой Батилл числится и за венграми, и за поляками, и за чехами, даже на болгарских друзей ухитряется работать. На весь соцлагерь! На все разведки!

Лицо Майкла вытянулось, и в горле застрял кусочек холодца.

– Что же теперь делать? Списать его в архив?

– Зачем? – Шеф вяло отправил в рот кусок краковской колбасы, прожевал и вытер салфеткой рот. – Зачем в архив? Пусть работает. – Он зевнул и опрокинул еще стопарь. – Дерьмо все эти агенты влияния, в наше время таких трепачей вообще агентами не считали...

Спокойной ночи, господа, гасите свечи.

Агенты и соперники

Конечно, Майкл догадывался, что Запад есть Запад, а Восток есть Восток, но никогда не предполагал, что до такой степени. Пижон, каких свет не видел (каждый день менял костюмы и несколько раз в день рубашки и жилеты), нахал потрясающий, богач, купец и любимец дипкорпуса Ашик-Кериб. Агента завербовали в Москве «на основе симпатий к Советскому Союзу, усиленных личными отношениями», он брал деньги, доставал документы и даже подкупил одну важную персону. Деталей вербовки Центр не раскрывал, да и интересуется это лишь чрезмерно любопытных, важно, что завербовали и успешно работали. А чрезмерно любопытным обычно дают по шапке.

На первую встречу Ашик-Кериб прибыл на белом «Мерседесе» (ну и агент, еще бы на вертолете приземлился!), в блестящем, как змеиная кожа, костюме, бежевых перчатках и лайковых, на высоком каблуке туфлях. Ростом маловат, чертами лица мелковат, к тому же зад свисал чуть не до пяток. Бойтесь низкорослых: они амбициозны и властолюбивы, изранены комплексами неполноценности и потому ненавидят всеми фибрами души высоких, длинноногих, со скульптурным торсом, таких как достопочтенный товарищ Майкл, впрочем, Ашик-Кериб никак не проявил своей злобности, наоборот, лучился в улыбках и со всем соглашался.

Первая беседа прошла в дискуссиях о Бисмарке, насморке и пряниках, Москва всплывала тут и там во вздохах и ахах: как славно было среди театральной богемы! Как прекрасны были заслуженная актриса Х. и народный артист Н.! Какая публика собиралась в консерватории! А приемы во французском посольстве?

Майкл внимательно слушал и мотал на ус.

На чем же его взяли? Как завербовали? Ведь и не пахло любовью к пролетариату, да и богат, сволочь, знал толк в антиквариате и драгоценных камнях, всегда в бомонде и хай лайфе, среди режиссеров и художников, в охотничьих заповедниках, где сильные мира сего на пышных дачах; четверть часа рассказывал, как жарил шашлык из печени, баранины, помидоров и лука, жарил прямо на решетке камина, скотина! Майклу такая долге вита в Москве и не снилась, после развода жил в однокомнатной квартирке в Чертанове, дачи не было, к иностранцам на приемы никто не приглашал и вообще контакт с иностранцами без санкции подобен гулянию по минному полю: попадешь в разработку своих же кагэбэшников из контрразведки, потом отдувайся.

Однажды в Москве Майкл случайно подсел в такси к каким-то черным, а они въехали во двор сомалийского посольства, милиционер – харя – попросил было документы, еле-еле унес ноги – доказывай потом, что не прибыл сюда на явку как ценный агент Сомали.

Вскоре от хрусталя и подмосковных дач перешли к прозе оперативной жизни – тут Ашик-Кериб забуксовал, разжечь его было нелегко, он со всем соглашался и уходил в кусты, стоило лишь комиссару Майклу затронуть боевые дела, как он начинал скрипеть стулом, крутить головой, рассматривая посетителей, ерзать и нервничать, пугая и Майкла, и больше всего самого себя.

Так и болтались в киселе – шаг вперед, два шага назад, и снова о жизни в городе, о камерных оркестрах и театральных новациях, которые были Майклу до фени, и, конечно же, о рынках, базарах, комиссионных, универмагах и универсамах. Ужасная встреча, никаких надежд, никаких перспектив, скользкий угорь, к тому же не пьет, мерзавец, прикрывается исламом, а одному хлебать виски и тошно, и некрасиво.

На следующей встрече («Мерседес» по совету Майкла был оставлен в миле от ресторана) снова кисель и снова бомонд, слезливые воспоминания. «Терпеть не могу Дома литераторов – там вечно подсаживались к столику пьянчуги-писатели, а я ведь не пью... Иногда из Дома моделей забегал в ЦДРИ, мои девочки... я знал их всех... бывал на всех демонстрациях, я вос-

хищался и Миленой Романовской, и Региной Збарской, но больше всех мне нравилась Вера... Вера!»

Вера? Вера?!

Товарищ Майкл чуть не рухнул со стула. Неужели та самая Вера? Увы, ошибки быть не может.

О, ты прошла тогда, как ток,
Как будто камертон затинькал.
Оборотилась пестрым цирком,
Перепугавшись звонких нот.

Так писал влюбленный Майкл прекрасной Вере, с которой расстался давным-давно, той самой Вере... Черная, пахучая, как южная ночь, татарская кровь, дикий взгляд, острый, словно хлеставший, не оторваться, умереть. Боже мой, неужели она...

Воспоминание отдалось в животе, занятом перевариванием улиток, залитыми пуи, но Майкл сохранил неподвижность щек и общую невозмутимость.

Домой вернулся, насквозь израненный воспоминаниями о Вере, Копенгаген томил, сердце рвалось в Москву, пусть несуразную, пусть с полупустыми витринами и без уютных кро, но... там друзья и подруги, там прошла жизнь, там надежды, а что здесь?

В воскресенье Майкл погрузил сына и жену в машину и, так и не выбравшись из транса, помчался на север. Море кокетливо подрагивало в штيله, пенилось и вяло било о камни, одинокие рыбаки, затерянные между глыб, замерли на берегу с удочками, слева расстилались шикарные виллы Клампенборга, но жить в них Майклу совсем не хотелось, ибо мысли, умные и сумбурные, постоянно возвращались к Вере. Он остановился у пустынного берега с обломками скал, выгрузил жену и сына, про себя отметив (со сдержанной любовью), что семейная жизнь ему порядком надоела, и двинулся вдоль берега, одинокий, гордый, в роскошных вельветовых штанах цвета еще не созревшего апельсина, шел по камушкам, иногда ударяя по приглянувшемуся носком замшевого ботинка (именно с замшей смотрелся вельвет!), и, наконец, сел на камень и так и застыл подобно знаменитому мыслителю Огюста Родена, вроде бы навечно.

Белый снег и синее море, белое море и синий снег, белый берег и синие чайки, белые блики на синем песке, белые дюны и синее солнце, ослепительно синие сосны, и, конечно, когда надо смешать все краски снова и затушевать места пустые, и заштриховать синее белым, а белое – синим, то не дозовешься ни зюйд-веста, ни просто норда, обыкновенный ветер отказывается работать, так и стоишь у окна между белым и синим, синим и белым, только ответь, почему же, зачем же смотришь ты в это окно запотевшее? Словно судьбы ожидаешь решения, словно настала пора разрешения всех твоих умных и глупых вопросов, словно задумал внести оживление в нагромождение снежных заносов, словно рассвет ожидаешь в смешении, в новом свечении красок знакомых, в новом смятенье спасение словно! Синее-белое, снова и снова смотришь, от синего цвета слабея, не шелохнутся, не вздрогнут деревья, можно, конечно, пустить белку по белому снегу, посадить женщину на камень, которого нету, посадить женщину, которой нету, на переломанную ветку кедра, чтобы сидела так в дюнах у моря, ожидая ветра из-за синего Эрезунда, чтобы было видно за горизонтом зарывающееся в волны белое судно, можно, конечно, оживить картину и на скамейку возле отеля по другую сторону дюны синей посадить мужчину в свитере под Хемингуэя, рассматривающего кусок апельсиновой корки, но и это было, все было, синее-белое, синевато-блеклое, белизна сиреневая, синева серебряная, нет ни бега времени, нет никакого движения, нет ни Бога, ни дьявола, однообразно волнение моря и неподвижность картины, остается невысказанное, поспешное слово, потешное и безнадежное путешествие по белой пустыне, где синее – белое, белое – синее – снежное...

На следующей встрече Ашик-Кериб неожиданно взял полубутылку благородного шабли, которое цедил Майкл, и немного плеснул себе в бокал.

– Давайте выпьем за здоровье Веры!

Товарищ Майкл немного удивился:

– А что? Вы были с ней хорошо знакомы?

Ашик-Кериб загадочно улыбнулся, закатил глаза, расцвел и стал захлеб рассказывать о красоте Веры и поездках с нею по значным местам, по мастерским и театрам... это было ужасно, и Майкл даже отставил бокал с шабли, что бывало только при форс-мажорных обстоятельствах.

– Позвольте, Ашик-Кериб, а в какие годы вы с ней встречались?

– Шестьдесят пятый и шестьдесят шестой, – быстро, не напрягаясь ответил агент.

Майкл осторожно, чтобы не сломать скулы, сжал челюсти и припал к бокалу: именно в то время он ходил с Верой на лыжах, и они промерзли и потом на даче топили печурку и пили глинтвейн, и было так жарко, что пришлось сбросить почти все. Жаркие поцелуи, уверения в вечной любви, пламя играло на стенах, громко взрывались сырые поленья, выбрасывая на пол искры и золу... о, ты прошла тогда, как ток!

Майкл вспомнил, как он мучился, прогуливаясь с Верой от Кузнецкого до Горького: в норковом манто и красных сапожках, она походила на фею, спустившуюся в серую, плохо одетую толпу прямо из заграничного журнала, на нее глазели, выпучив глаза и не веря диву. А бедный Майкл стеснялся, ибо в те годы одет был коряво, как все простые советские люди. К тому же он недавно поступил в школу разведки КГБ, где учили не попадать в фокус внимания, а Вера жаждала демонстрировать свою красоту и рвалась в рестораны, где, к ужасу товарища Майкла, ее узнавали, приглашали на танцы, присылали шампанское и цветы...

– Что-то вы сегодня мрачны... – заметил Ашик-Кериб. – Что-нибудь случилось?

– Нет, нет! Просто много дел. Вам опять не удалось встретиться с американским послом? (Сейчас скажет, что нет.)

– Мы договорились, но в день ланча позвонил его секретарь, извинился и сказал, что посла срочно вызвали к премьер-министру. (Так я и знал.)

– Уже не первый раз. (Сукин сын!)

– Я стараюсь, Майкл. Я не виноват, что в Дании мало политических событий. Только вчера я беседовал с итальянским пресс-атташе. Ничего интересного. Вы хотите информации, а тут просто ничего не происходит. (Заливай, заливай, блядь ты эдакая!)

На том и распрощались.

Машина плавно, боясь растрясти бурные чувства Майкла, мчалась с севера на юг, мимо живописного озера Багсверд, мимо унылых строений Люнбю и особнячков Хеллерупа, с севера на юг – именно с севера на юг и летел тогда Майкл: Вера отдыхала в Коктебеле, а он вышел в пятницу вечером с грозной Лубянки и тут же, захватив лишь атташе-кейс с плавками и полотенцем, вылетел в Симферополь. Непередаваемо нежная крымская ночь, дремуче-черная дорога на Коктебель, преодоленная за дикие деньги на такси, темный заснувший дом отдыха.

Вера жила с подругой на первом этаже, но на призывные стуки страстного Майкла никто не отозвался – не желает открывать? ушла куда-нибудь прогуляться? (конечно, с подругой), а вдруг в комнате... (Он выпустил когти и напряг хвост.)

Ревнивый Майкл поплелся к морю, любуясь ослепительно-белоснежными звездами, разделся донага и блаженно нырнул, стараясь проплыть под водой как можно дольше, он раскрыл глаза, но вокруг была лишь мертвящая мгла, и Майкл вдруг испугался, что утонет и не увидит Веру, судорожно выбрался наверх и побежал к дому. Вера уже была дома, подруга где-то задержалась, и Вера была нежна, как крымская ночь, и всю субботу и часть воскресенья они провели вместе, а к вечеру Майкл улетел в свой лубянский рай.

Майклов «Опель» застонал от воспоминаний: неужели Вера в то время встречалась с этим восточным богатеем? Исключено! Как она вообще могла общаться с этим толстозадым карликом?!

И вдруг нещадно осенило: боже, так его, наверное, взяли с ее помощью, Вера затянула его, Вера заставила работать его, Вера закрутила ему голову, значит, Вера... Неужели агентесса КГБ? Ласточка?

...как будто камертон протинькал...

О ласточках Майкл знал слишком много и даже сам однажды участвовал в подобной операции. Ласточки бывали разные: проститутки, получавшие деньги и доступ в гостиницы, откуда их обычно гнали, бывали и честные гражданки, жаждущие послужить Отчизне, бывали и не совсем честные, озабоченные выездом за границу (запрет КГБ бывал роковым). Если Веру завербовали, то только на загранке, дом моделей постоянно делегировал туда своих красавиц...

Интересно, а как брали этого мерзкого азиата? На фотографиях и грубом шантаже? Или появлялся брат (отец, друг, муж – ненужное зачеркнуть), жаждавший отомстить за честь соблазненной, а потом на помощь приходил командор в ботфортах и погонах, грозил судом или обсуждал будущее грядущего ребенка – в этих делах ребятишки из контрразведки были доками, умели запутать и оглушить, Вера могла разрыдаться и попросить Ашик-Кериба избавиться их обоих от угроз и страданий. Но как? Как успокоить отца, брата и друга? Очень простенько и со вкусом: у товарищей есть знакомый, которому очень надо уехать за границу, а у Ашик-Кериба есть доступ к чистым бланкам паспортов его страны. Почему бы не передать бланк паспортины товарищам? Коготок завяз, всей птичке пропасть... Дальше все пойдет как по маслу. Особенно если подсластить пилюлю богатыми подарками, разными там перстнями с бриллиантами и прочей шелухой.

Вот они, черные, татарские глаза с дичинкой, лживые глаза, и смех... нет, она не умела смеяться, она лишь загадочно улыбалась.

Следующую встречу Майкл решительно начал с оперативных проблем, но уже через полчаса говорил о Вере, оказалось, что она вышла замуж за крупного чиновника, часто выступавшего по телевидению, заимела дочку, вхожа в круги кремлевских жен и даже слыла моралисткой среди молодого неопытного поколения. (Ашик-Кериб словно досье на нее вел!)

Майкл спохватился, вспомнил о долге перед Родиной, о великом звании чекиста, о мире во всем мире. Попытался перевести разговор в другое русло: помните, как запустили в космос Гагарина? Как все плакали на улицах и восторженно кричали «ура!»? Вы еще не были знакомы? Помните, каким вкусным мороженым торговали в ЦУМе? Это же рядом с Кузнецким. А соленая соломка с пивом в баре на Пушкинской, рядом с аптекой, жаль, что все снесли! А в какой моде были «Дни Турбиных» в театре им. Станиславского!

Но Вера врывалась, врывалась нагло, перебивая их обоих. Вы летали с Верой на Байкал? В каком месяце? Куда вы поехали после Байкала, Ашик? Плыли с Верой по Енисею?

Майкл помнил ту золотую осень, Вера приехала загоревшая и сообщила, что гостила у большой мамы в деревне, а потом улетела на выставку мод в Ленинград.

Как ты водила за нос честного Майкла, коварная шлюха!

Майкл уже возненавидел Ашик-Кериба, даже резкий запах духов, шедший от азиата, выводил его из себя, агент явно не желал работать, и встречи с ним теряли смысл. Майкл давал себе слово не говорить о Вере, но каждый раз нарушал его, сладко было от соли, разъедающей раны.

Но всему приходит конец, Майклу повелели вернуться на родину. Прощался с Ашик-Керибом в рыбном ресторане с казино. Наступал вечер, и никто еще не играл, лишь долговязый крупье в смокинге зевал и тяжело ходил вокруг зеленого стола.

– Если увидите Веру, передайте ей привет, – попросил Ашик-Кериб.

– Конечно, дорогой мой.

И они расцеловались, как братья и товарищи по оружию.

В Москве Майкл завертелся в делах и новых заботах, а через год случайно узнал, что Ашик-Кериб вернулся на родину, там случилась кровавая революция и его, как слугу режима, повесили.

Смутная жалость пробежала по сердцу Майкла, пробежала – и исчезла.

Агенты влияния и прочая хрень

Свобода и демократия, конечно же, не хряк свинячий, но в нее слишком часто, как в помойную яму, попадают и навозные жуки, и гадуки, и всякая дрянь человеческая. Действо разворачивается на программе «На самом деле» (Первый канал), тема актуальнейшая – ГКЧП. В роли прокурора Вышинского – бывший театральный критик, мастер скандалов и почти свидетель подвигов президента во время штурма немецкой толпой представительства КГБ в Дрездене Андрей Караулов. На скамье ответчиков (*nota bene!*): член политбюро ЦК КПСС и член ГКЧП Олег Бакланов, начальник флоросской охраны Горбачева В. Генералов и Марат Ельцинской революции (а как иначе? Ведь перевернули всю политическую и экономическую систему!), бывший директор ВГТРК Олег Попцов. Величайшая победа телевидения: удалось надеть браслеты, пардон, манжетки полиграфа, на запястья высокопоставленных подсудимых, во всяком случае эти манжетки временами всплывают, вроде бы подтверждая наше предположение. Тон обсуждению из «толпы» задает Александр Проханов, по его собственному признанию, несостоявшийся монах и последний солдат империи, посыл его прост, как кирпич по голове: политика Горбачева – это блестящая спецоперация ЦРУ, направленная на развал великой державы, то есть М. Горбачев и его сподвижник А. Яковлев – агенты влияния. Когда-то Александра Андреевича недруги называли «соловьем генштаба», разумеется, нашего, теперь уже он в роли «соловья американской разведки» – ЦРУ в самых радужных снах и не снились такие восторженные оценки своей работы. Все ответчики возмущены неоткровенностью М. Горбачева и его единомышленников. Как же он позволил себе хитроумничать и лицемерить с уважаемыми членами ГКЧП?! Интересно, а какими еще методами можно было бороться с волчьей сворой? Свалить железобетонную крепость КПСС, подпертую мощным КГБ, представлялось фантастической задачей, честь и хвала Горбачеву, что это удалось! До коликов смешно (а еще больше грустно), когда член ГКЧП и охранник называют своего бывшего вождя Горбачева предателем, интересно, как называл Берия Хрущева перед смертью? Как называл Хрущев Брежнева, который дал ему под зад? Как называл Брежнева уволенный Подгорный? Я уже не говорю о шибко нежных отношениях Иосифа Виссарионовича к товарищам по партии. С волками жить – по-волчьи выть!

Что такое агент влияния?

В последние годы наши СМИ и особенно телевидение настолько понаторели в кагэбэшных делах, что, видимо, скоро получат приглашение преподавать на курсах СВР и ФСБ. Поэтому, имея богатый опыт работы с агентами влияния за границей, остановлюсь на этих специфических вопросах. Начнем с того, что термины «агент влияния» и даже «агент» до сих пор остаются предметом дискуссии в академических кругах бывшего КГБ. И все потому, что, как писал Гете, «теория, мой друг, суха, но вечно зелено дерево жизни». Агент может давать ценнейшую информацию, но не соглашаться на тайные встречи или на получение денег. Может вообще не знать, что его числят агентом. Может рассказывать окружающим о своей любви к России и хвастаться, что встречается с русскими. Вербовка агента под расписку это исключительный случай (зато в нашем кино мордovorot-вербовщик орет профуршетке: «Пиши, сукина дочь: обязуюсь сотрудничать с органами...»). «Агент влияния» появился в 70-х годах, в период расцвета линии активных мероприятий, т. е. воздействия разведки на ход событий. В период правления Сталина разведке предписывалось лишь давать информацию, желательно документальную, а уж сам вождь ее осмысливал и принимал решения, воздействовать на ситуацию либо путем альпийской кирки, либо с помощью ввода войск в страны Прибалтики (1940) и т. п. В 70-х годах Крючков заострил внимание на приобретении агентов влияния, т. е. иностранцев, способных озвучивать выгодные СССР тезисы. Поскольку мы, как и все передовое плановое хозяйство, отчитывались и по количеству вербовок, это способствовало включению в агентурную сеть официальных и доверительных контактов. Таким образом, валовой продукт резко вырос, и можно было важно надуть щеки в ЦК КПСС. Мы в резидентурах только радовались: официальных связей хватало, их срочно для конспирации кавычили, присваивали псевдоним и продолжали встречаться на официальной основе. Поэтому научного определения этому термину, несмотря на кандидатскую степень, я дать не в силах. Скажу как практик. Что же это за птица – агент влияния? Это журналист, который выступает с выгодными для СССР статьями (иногда ему передавали тезисы, но гораздо чаще его идеи совпадали с нашими), это политический деятель, выступающий с близкими нам идеями. Это мог быть и враг советской России, но солидарный с нами по одной проблеме, например по вопросу о разделении Германии (в Англии, всегда опасавшейся сильной Германии, мы имели единомышленников даже среди консерваторов). О «спящих» агентах я узнал только от нашего просвещенного телевидения, вполне возможно, что в наше время появились агенты, которые «спят» 10–15 лет, не работают, ни с кем не встречаются и так спокойно умирают во имя родины. В свое время мы готовили закордонных агентов на случай войны, им предписывалось взрывать мосты, нарушать электроснабжение и т. п., но они не «спали», работа проводилась регулярно. Кстати, с началом Второй мировой все это оказалось блефом: массовые репрессии сталинской команды почти полностью обескровили разведку, пришедшие на смену неопытные кадры наделали массу ошибок в системе связи, гестапо с помощью пеленгации отловило советских нелегалов по радиопередатчикам, разгромило «Красную капеллу», замучило и расстреляло наших ценных агентов (сотрудники важных министерств Шульце-Бойзен и Харнак, сотрудник гестапо Леман). А после войны выживших кадровых разведчиков-нелегалов отправили досиживать на Лубянке.

Ленин, Гопкинс, Кекконен, Кастро

Однако все запутывается, когда начинается политическое сотрудничество между лидерами, тут понятие «агент влияния» совершенно размывается. Немцы вливали деньги в партию большевиков через Парвуса, Ленин об этом знал, возможно, германский генштаб и полагал его агентом влияния, но вряд ли так думал Ленин. К. Эндрю и О. Гордиевский считают спецпредставителя президента Рузвельта Гарри Гопкинса нашим агентом влияния, хотя он был лишь мостиком для передачи конфиденциальной информации между Рузвельтом и Сталиным. В агенты влияния зачисляют и довоенного посла США в Москве Дэвиса: он информировал президента о том, что московские процессы над «оппозицией» – полная правда. Отметим, что Дэвису отнюдь не случайно удалось приобрести в Эрмитаже целую коллекцию картин. Вопрос. Советскими агентами влияния считались и американский миллионер Хаммер (в память о нем осталась гостиница «Международная» у Краснопресненской набережной, т. н. Хаммеровский центр), еще со времен Ленина выступавший в поддержку СССР, английский политик и медиамагнат Роберт Максвелл, печатавший за рубежом произведения Брежнева. Что это? Агентурное или обыкновенное политическое сотрудничество? Агентом влияния считается и президент Финляндии Урхо Кекконен, он предостерегал финнов от вступления в НАТО, выступал за создание в Скандинавии безъядерной зоны, а взамен имел огромные преимущества при покупке советских нефти и леса, благодаря этому (и не только) Финляндия выбилась в число передовых европейских стран. Кекконен частенько в любимой финской сауне выпивал и закусьвал и с Хрущевым, и с Косыгиным, и с Брежневым, ну и что? Так кто же тут агенты влияния? Кекконен с его миролюбивыми декларациями или советские руководители, снабжавшие финнов сырьем по сниженным ценам? Когда политики идут друг другу на уступки, они обычно чем-то жертвуют, что-то приобретают. И никто не думает об агентах влияния! С Фиделем Кастро долго работал талантливый разведчик полковник Александр Иванович Шитов, который потом стал послом СССР на Кубе А. И. Алексеевым. Какие тут к черту агенты влияния? Кастро был нашим надежным союзником, а правительство уж само решало, кто должен поддерживать с ним контакт.

Мосты взаимопонимания

Во время холодной войны появилась и форма конфиденциального обмена информацией между правительствами. Через западногерманского политика Эгона Бара и генерала КГБ Вячеслава Кеворкова был проложен «мост» между канцлером Вилли Брандтом и нашим правительством, возможно, что Бар считался агентом влияния с нашей стороны, а Кеворков – со стороны немецкой. Конечно, в перестройке и Горбачев, и Шеварднадзе, и Яковлев и другие искали и находили общие пункты соприкосновения с Западом, что и называется политическим сотрудничеством. Подумайте только, какое необъятное поле для спекуляций! При это отметим, что ЦРУ зачисляет в агенты почти каждого, с кем поддерживаются регулярные контакты. Это у нас начальство противилось включению в агенты: почему не берет деньги? Почему встречи не тайные? Почему не дает расписки? Начальник охраны Горбачева В. Генералов публично заявил, что видел документы, в которых указано на принадлежность Яковлева к агентам влияния, не те ли это бумаги, о которых в запале политической борьбы вещал Крючков? Кстати, почему бы их не опубликовать?

Наш агент Эймс сдал КГБ всю американскую агентуру

Как известно, с 1985 года мы приобрели в качестве агента начальника русского отдела ЦРУ Олдрича Эймса, который выдал ценнейших агентов ЦРУ, в том числе полковника КГБ Гордиевского и генерала ГРУ Полякова. Так почему же он не выдал агентов влияния Михаила Горбачева и Александра Яковлева? А почему, собственно, не считать агентом влияния самого В. Крючкова, который до ГКЧП верно служил Горбачеву, в том числе и при передаче ГДР в ФРГ, хаотичном выводе наших войск и при бесчеловечной расправе с лидером немецких коммунистов Э. Хоннекером? Ведь это вполне соответствовало американским замыслам. Друзья мои, всегда помните афоризм: *Politics makes strange bedfellows*, это означает, что в политике вы можете переспать с самым неожиданным партнером. Посему простим всех политиков, ибо в них отражаются и черные, и белые краски несовершенной человеческой природы. Попутно заметим, что ЦРУ не столько заинтересовано в создании агентуры среди либералов («Спящих») – они и так будут выступать со своими проамериканскими идеями, сколько в противостоящей среде (коммунисты, ЛДПР, ЕД, не говоря о госучреждениях), ЦРУ важно внести разброд, создать хаос. Например, во время холодной войны американцы активно вербовали агентуру среди троцкистов, маоистов (в то время критиковавших СССР), несмотря на то что они одновременно являлись заклятыми врагами США. США внедряли агентуру в Движение за ядерное разоружение, возглавляемое ученым и философом Бертраном Расселом, поскольку оно не только критиковало США, но и выступало за запрещение ядерных испытаний в СССР. Концепция «блестящей операции» А. Проханова по правоподобности серьезно уступает мифу о германском шпионе Ленине, там хоть передавались деньги и существовал целый запломбированный вагон, вывезший Ленина и других революционеров из Швейцарии, тут же мы имеем дело с голой до ягодич демагогией.

Страдания ЦРУ в Москве

В советские времена резидентура ЦРУ в Москве вздохнуть не могла из-за действий нашей контрразведки (2-й главк КГБ). Выезжать из Москвы без разрешения иностранцам строго запрещалось. Плотная слежка, эффективное прослушивание, вереница подстав, весь режим в СССР, не позволявший контактировать с согражданами (тогда сам факт контакта с иностранцем тянул почти на криминал), вынуждали ЦРУ тщательно обрабатывать наши СМИ, процеживая даже провинциальные газеты в поиске информации. Агентурная работа велась в основном за пределами СССР, важную роль играли наши перебежчики. Кадровый разведчик и директор ЦРУ (1991–1993) Уильям Гейтс в своих мемуарах пишет, что ЦРУ долго не верило в перестройку Горбачева и считало, что это очередной коммунистический трюк. Понимание его политики пришло лишь в 1990–1991 годах. Возможно, директор и лжет, однако маловероятно, что в США, где популярны сенсации, такой хит до сих пор остался бы под завесой тайны. Вообще все конспирологи в своих построениях совершенно не учитывают таинственный диалектический закон неуправляемого бардака или непредсказуемости, который всегда присутствует в любых событиях, в любых планах, и особенно в революциях! О, если бы сбывались все планы! Уверяю вас, что уже давно сдохли бы и НАТО, и вся антисоветская и русофобская публика – уж что-что, а «планов громадье» в КГБ всегда было в изобилии. Впрочем, не больше, чем в ЦРУ.

Откуда растут ноги у перестройки?

Работа за границей, особенно в качестве резидента разведки КГБ, давала возможность общаться со многими видными деятелями ЦК КПСС, прежде всего Международного отдела. Это были заместители заведующего отделом блестяще образованный Вадим Загладин, будущий помощник Горбачева Анатолий Черняев, обожатель Высоцкого Виталий Шапошников, ответственные сотрудники отдела пропаганды Георгий Смирнов и Лев Оников. Как надежный страж системы, я попутно знакомил эту почтенную публику с «язвами капитализма», в том числе иногда и с шикарным копенгагенским борделем «Зеленый попугай», где фланировали похожие на кинозвезд путаны, с ними можно было бесплатно потанцевать (один раз!), выпить французского шампанского – а дальше гони монету! Международный отдел отвечал за работу с иностранными коммунистами и полемизировал с «евроцентристами» в компартиях Италии и Франции, подвергавших КПСС острой критике прежде всего по вопросу о правах человека. Увы, мы недооцениваем влияние западных компартий на появление горбачевской перестройки, а ведь они подвергали критике и наши действия в Чехословакии в 1968 году, и преследования диссидентов, и многое другое. Они были «своими», к ним в руководстве КПСС прислушивались и делали выводы. В той или иной форме мысли о том, что давно в политике партии назрели перемены, постоянно фигурировали в общении с моими собеседниками. Никто не критиковал Брежнева и политбюро, не называл фамилий, но все говорили о «стариках» в правительстве, словно политбюро не имело к правительству никакого отношения. Так что идея перестройки родилась в недрах нашего мозгового центра – ЦК КПСС. Конечно, имелся в виду социализм с человеческим лицом, думается, Горбачеву только в страшном сне могло присниться превращение перестройки в революцию с приватизацией национальной собственности – в марксизме, увы, закон неуправляемого бардака отсутствует. Бывший голлистский куратор французской разведки, внук царского доктора Боткина, Константин Мельник много раз публично рассказывал о плане «Рэнд корпорейшн» (в этом фактическом филиале ЦРУ он потом трудился), который был практически принят на Хельсинкском Совещании 1975 года. Речь шла о том, чтоб впарить нам пункт о правах человека (третья корзина) в обмен на гарантию послевоенных границ. Это и произошло, появились неугодные режиму «хельсинкские группы», и Запад получил возможность обвинять нас в нарушении прав человека. (Тут дадим кусок мяса конспирологам: не являются ли Брежнев и Громыко агентами влияния?) Хельсинкские соглашения были важным шагом на пути к перестройке, и воплощали ее в жизнь коммунисты, желавшие справедливости и блага для народа. Да, конкретных планов не было (а что? У большевиков в 17-м был конкретный план строительства социализма?), да, эти люди не жили в бараках и хорошо питались в цеховских столовых, имели благоустроенные квартиры и почти бесплатный отдых в санаториях, да, они не выходили на площадь с диссидентами, они не мечтали о собственных заводах и виллах во Франции, но именно они стали закоперщиками в деле преобразования нашего общества. Сейчас многие рыдают по поводу Советского Союза, и я рыдаю вместе с ними. Но только не тот замшелый СССР с запретом на выезд, с диктатурой одной партии, с вечным дефицитом! А разве Горбачев не пытался изменить прежний СССР? Но рано или поздно, надеюсь, на пространстве бывшего СССР появится новое, свободное государство.

Но хватит о грустном, жизнь прекрасна и удивительна. Даже у граждан и гражданок с отпечатками зубов на языке, пренебрегающих советами эскулапов Малышевой и Агапкина. Даже у тех, кто путает предстательную железу с пенисом и игнорирует анализы. Плюнем на грабительский ЖКХ, на низкие зарплаты и жалкие пенсии, забудем изменщицу Украину. Хлеба и зрелищ! Игрищ и еще раз игрищ! Мы будем петь и смеяться, как дети. По долинам и по взгорьям. И вот на сцену в белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой

выходит молодой телевизионный Воланд, которому в роковом 1991 году стукнуло восемь лет. Гремят барабаны. Сейчас он натужится и оторвет голову... кому? Неужели члену политбюро КПСС Бакланову? Или героическому Марату Ельцинской революции? А может... самому мудрецу Караулову?! Сейчас с потолка посыплются вожделенные пятитысячные купюры, и благодарная публика ринется за ними. Народ озабочен – о народ! Перед Россией стоят судьбоносные проблемы – что там агенты влияния и перестройка! Продолжит ли Анисина вить веревки из Джигурды? К чему приведет развод Армена Джигарханяна? Почему не лечат от алкоголизма маму Даны Борисовой? И самое главное: каковы президентские шансы у бесподобной Ксюши Собчак и сногшибательной Кати Гордон и почему еще не выставила свою кандидатуру балерина Волочкова? Почему молчат рекордногрудая ведущая Анфиса Чехова и другие мощно репродуктивные дамы? И что на все это скажет коварная Матильда, соблазнившая Государя нашего, Боже, царя храни??!

Пипл хаваает и ликует. Мы в восхищении.

Vivat королева!

Британская империя уже дышала на ладан, а она, тогда еще вполне съедобная и сексапильная, стояла в окружении знатных особ и непринужденно пила чай. И не где-нибудь стояла, а в саду Букингемского дворца, где проходило дипломатическое чаепитие летом 1964 года. И я там был, тогда молодой пламенный большевик, служивший в нашем посольстве рядом с Кенсингтонским дворцом и свято веривший, что вскоре, как обещал Хрущев, мы построим коммунизм и наше посольство переедет в Букингемский дворец. Советский посол А. Солдатов трепетал почти рядом с королевой, а мы, молодые дипломаты, отсеченные от королевы, топтались с проклятой чашкой под удаленным тентом и возмущались этой сегрегацией, но еще больше тем, что самым алкогольным элементом приема были настоянные на роме изюминки, крапленные в тощие кексики. Какое королевское жмотство! Разве можно сравнить это чаепитие с приемом в советском посольстве, где столы ломились от осетрины, зернистой икры и водки?!

Грехи Виндзоров

Саксен-Кобург-Готская династия (попробуйте произнести это басом в клозете) преобразилась в династию Виндзор во время схваток с немцами в Первую мировую, сделали это из патриотических соображений, и вообще о них написаны монбланы и эвересты. Что бы делали папарацци без вечно грешивших Виндзоров? Как писал Иосиф Бродский: «Нет для короны большего урона, чем с кем-нибудь случайно переспать». Сынок Виктории Эдуард VII по кличке Берти не вылезал из парижских кабаков, держал в любовницах великую актрису Сару Бернар, постоянно задирали юбки дамам и совал туда (куда?!) пятифунтовые купюры, а однажды ему внесли на огромном блюде совершенно голую актрису – красавицу лишь с веткой петрушки в волосах. Что там жалкие любовные романы принцессы Дианы с королевскими гвардейцами и арабским плейбоем или интрижки принца Чарльза, закончившиеся скучнейшим браком с уже старой и иссохшей любовницей Камиллой Паукер Боулз, – одна тоска! Сестрица королевы Маргарет, недавно почившая, в свое время тоже прославилась самыми невероятными романами и держала дворец не в меньшем напряжении, чем принцесса Диана.

Нужно признать, что королева Елизавета ухитрилась оказаться единственной непорочной персоной в этом Виндзорском бардаке, если не считать, что в ее букингемскую спальню однажды с улицы проник 20-летний юноша, с которым она лишь мило побеседовала. А в 1982 году в ее спальню по водосточной трубе проник стрингер-психопат, но она дала деру, и он увидел лишь ее милые пятки. И это при том, что ее муж – принц Филипп, герцог Эдинбургский, двухметровый красавец долдон, в свое время не пропускал ни одной юбки (как сказал его друг: «Радуйся, что твоя ширинка не умеет говорить»). И это при том, что родной дядя, король Эдуард VIII, чуть не взорвал всю династию, влюбившись по уши в американскую профурсетку и разведенку Уоллис Симпсон и ради женитьбы на ней (на таких особах монархам жениться запрещено) бросил вызов всей нации и отрекся от престола – пример для всех женатых мужиков, которые боятся из-за любовницы потерять должность младшего бухгалтера.

Луч света в темном царстве

Что вообще мы знаем о Елизавете II, ныне чемпионке по времени правления да и по возрасту? Один из великих советских шпионов (знаменитая «кембриджская пятерка») Энтони Блант, аристократ и ученый, не только эффективно работал на нас в английской контрразведке, но и после войны внедрился в королевское окружение, возглавил художественную галерею королевы и получил титул «сэра». Он призывал не слепо воспринимать общепринятое «королева царствует, но не управляет», но и вдумываться в действия королевы на острых поворотах британской истории. Ведь большинство считают, что королева лишь вечно циркулирует на балах, заботится о своих розовых фламинго, греется вместе с любимой собачкой у камина, укрывшись шотландским пледом. Гарцует на племенных жеребцах (ныне, увы, приходится лишь появляться на скачках в Аскоте), разводит клубнику на своих огородах (имеется даже сорт клубники ее имени), подрезает розы в саду или думает о судьбах страны за рюмкой шерри – что я говорю? – впрочем, ее недавно усопшая 101-летняя королева-мама однажды отчитала своих дворецких: «Я так и не смогла дозваться вас, двух старых педерастов, чтобы вы принесли своей королеве джина с тоником!» Королеву трудно представить вне постоянных поездок на кораблях и яхтах во все страны мира, особенно в страны Содружества, в котором она являет собой главную Скрепу. Протокол, конечно, дело хлопотное и занудное, особенно если этим заниматься семьдесят лет, но не наивно ли предполагать, что королева только безмятежно правит? Нет, леди и джентльмены, в критические моменты истории она бросает на весы свою королевскую гирику. В 1974 году в Австралии (члене Содружества) к власти вновь пришла лейбористская партия во главе с Гофом Уитлэмом, уже отменившая смертную казнь, всеобщую воинскую повинность, резко выступавшая против войны во Вьетнаме и критиковавшая американскую и английскую политику. Начались резкие выступления оппозиции, нечто вроде знакомого нам майдана. И в 1975 году королевский генерал-губернатор Керр уволил премьер-министра Уитлэма, решив таким образом политический кризис. Другие случаи, когда королева не ограничивается функциями церемониймейстера: в 1958 году королева, посоветовавшись с Черчиллем, назначила премьер-министром Гарольда Макмиллана, а в 1963 году, когда консерваторов раздирали дрызги, тоже приняла личное решение назначить премьером Алека Дуглас-Хьюма. Подобные брожение и метания были и в стане лейбористов, выигравших выборы 1964 года, однако и тут королева лично приняла решение назначить премьер-министром левонастроенного Гарольда Вильсона. Нет, королева не только возмущалась лисом, который однажды залез в сад и передушил всех розовых фламинго, она пережила время разгула в Англии ирландских террористов, это они взорвали яхту лорда Маутбеттена, видного военачальника и дяди мужа королевы принца Филиппа (он свел эту пару). Однажды в нее произвели шесть выстрелов (к счастью, холостых), но она продефилировала на своем коне и лишь поправила павлиньи перья на шляпке. Наверное, так же хладнокровно во время войны она водила санитарные машины.

Виртуозное искусство управления

Британская империя распадалась долго и мучительно, крови хватало. В английских тюрьмах отсидели многие борцы за независимость, в том числе и будущие главы свободных государств Ганди и Неру (Индия), Кениятта (Кения), Нкрума (Гана), знаменитый Нельсон Мандела (ЮАР), именем которого ныне названа лондонская улица. Несмотря на бушующие страсти, английской элите во главе с королевой удалось преодолеть все подводные камни и сохранить свое влияние в мире. Королева освятила превращение собственных колоний в независимые государства, кровавых конфликтов не случилось. Многие ожидали чуть ли не войны между Англией и Китаем после истечения срока английской аренды Гонконга, однако и тут англичане проявили завидную гибкость, мирно передав Гонконг Китаю. Британское содружество наций уже в 1946 году превратилось в Содружество Наций во главе с королевой, в него входят 52 государства, они занимают четвертую часть нашей планеты и охватывают 2,246 млрд. человек. Елизавета остается королевой еще пятнадцати государств, в их числе Австралия, Канада, Новая Зеландия, Ямайка, главой англиканской церкви и верховным главнокомандующим. А еще говорят, что у женщин хрупкие плечи! Дай бог женской мудрости королевы всем нашим правителям!

Больше красивых дам в российскую политику!

Увы, у нас женщины прекрасно работают во многих областях, однако в политике – раз-два и обчелся! Далеко нам и до США (там полно дам даже в ЦРУ, а Хиллари Клинтон претендовала на президентство), и до Европы, взять хотя бы фрау Меркель, английского премьера Мэй, Мари Ле Пен во Франции, бывшего президента Финляндии Халонен, нынешнего премьера Норвегии Сульбер, рупор внешней политики ЕЭС Могерини... В трех прибалтийских республиках две дамы – президенты и одна премьер. У нас, кроме опытной Матвиенко, красноречивой Яровой или остроумной представительницы МИДа Захаровой, я вижу немного достойных фигур. Можно только приветствовать самовыдвижение Ксении Собчак, но почему молчит балерина и львица Волочкова и колеблется рекордногрудая Анфиса Чехова? Я давно мечтаю о женском правлении, мне кажется, женщине проще обеспечить гражданский мир и процветание в обществе, хотя не хотелось бы такую бабищу, как Хиллари Клинтон... С другой стороны, наши правители-мужики – то свирепые тираны, то заправские болтуны, то беспробудные алкаши, то просто законченные будильники! А ведь в России царствовали и мудрая Елизавета, и великая Екатерина! А какой царицей стала бы Катрин Долгорукая, любовница и морганатическая жена убитого Александра II! Я бы давно сделал царицей Валентину Терешкову, бросил бы клич среди женщин-писателей, ученых, врачей, учителей и журналистов. Но только не прокуроров (перевернулась в гробу Матильда). Но вернемся к Виндзорам.

Бывали и промахи

У России к ним имеются претензии. Во-первых, отказали в убежище своему родственнику Николаю II с семьей, убоившись волнений своих трудящихся и мировой революции. Во-вторых, как известно, за месяц до фашистского вторжения в СССР в Англию вылетел соратник Гитлера Рудольф Гесс, который выбросился с парашютом в Шотландии и имел переговоры с властями (до сих пор содержание бесед остается секретом). Ясно, что Гесс добивался союза с Англией против СССР, но на кого он рассчитывал? В Англии оставалось немало прогерманских деятелей, а когда-то обожаемый мною, отрекшийся от престола Эдуард VIII, герцог Виндзорский, уехав со своей мадам в Европу, лично встречался с Гитлером, высказывал пронацистские взгляды и, видимо, заручился поддержкой фюрера и возвращением его на трон. Для закрепления этих отношений его супруга Уоллис переспала с германским министром иностранных дел фон Риббентропом. Думается, если бы миссия Гесса удалась и Германия вместе с Англией с королем Эдуардом, почти всей Европой и при скрытой поддержке США навалились на Советский Союз... Но не будем о грустном, поговорим о королеве, пережившей бомбежки Лондона, участнице Второй мировой войны. Однажды на охоте она убила палкой раненого фазана – вся Англия взъярилась от возмущения! Королева обожает собак породы корги, это прекрасно, но почему ее лаской обойдены коты? Я, кошатник, от этого страдаю! Одевается старомодно, обожает шляпки, но порой надевает платок – эдакая очаровательная русская бабуля, так и хочется попросить ее сварить борщ. Любит сумки марки Launer London с короткими ручками, носит туфли с закругленным носом фирмы Anello & Daviole стоимостью в 1000 фунтов (78,5 тыс. рублей). Да у нас любой среднестатистический муж, наступив на жабу, запросто может купить такие туфли для жены или любовницы! Для тех, кто уже возжаждал пригласить королеву на трон в Россию: по словам сестры Маргарет, королева – прекрасный водитель, но «манера вождения, как у адской летучей мыши». Ну зачем нам еще одна стритрейсер вроде Мары Багдасарян? Под шлягер Аллегровой: «Гуляй, шальная императрица...»?

Да королева и недостаточно богата для нашей элиты. В Англии она находится лишь на 320-м месте среди богачей, ее состояние оценивается в 340 млн. фунтов. Это много для тех, кто не накопил на холодильник и хранит котлеты в авоське за окном, а разве это деньги для кремлевского двора, где ведрами пьют вино Romanee Conti по 1 млн. 300 руб. за бутылку? Разве это много для Абрамовича, Рыболовлева и Сечина? А если еще представить, какое множество родственников у королевы, принцев и принцесс, герцогов и герцогинь... им же тоже хочется кушать.

Надежды юношей питают...

Престолонаследнику принцу Чарльзу (его отец, принц Филипп, является праправнуком Николая II – крепки русские корни!) скоро стукнет 70 лет, он должен заступить на трон (если мама его не переживет). Принц бывал в России, благородно издал драгоценное собрание рукописей Пушкина, через международный фонд пожертвовал большие средства на восстановление 100 музеев и исторических мест Петербурга. Принц иногда посещает сакральный Новоафонский монастырь, молится там вместе с монахами, его даже подозревают в тайном принятии православия. Там он однажды сказал: «Я не вижу во всем мире ни одной точки, откуда может прийти возрождение, ибо сами вы, джентльмены, понимаете, что все мы катимся в бездну разврата, распутства, грабежа, воровства, аморальности полной, к извращению полному. Единственная точка, которую я вижу, где может быть начало какого-то возрождения, – Россия». С такой программой принца Чарльза можно пригласить к нам на трон.

В 1994 году в отношениях Англии и России произошло эпохальное событие: ветеран Второй мировой войны, Её Величество королева Елизавета II визитировала Россию – первый визит с момента установления отношений между нашими странами. Королеву встречали тепло, в толпе на улице кое-кто кричал «Елизавета!», в Большом театре президент Ельцин попытался помочь ей надеть пальто, но она изящнейшим образом увернулась (как известно, до королевы запрещено дотрагиваться). Казалось бы, англо-российские отношения должны были войти в дружественную фазу – ан нет! Англия идет в фарватере у США, по-прежнему «англичанка гадит». Парадоксально, но россияне, несмотря на плохие межгосударственные отношения, безответно любят Англию. Шекспира у нас и в советские времена ставили не меньше, чем русских авторов, Диккенса, Голсуорси, Кристи и Ле Карре читают не только бабушки. Лучший в мире Шерлок Холмс – наш Василий Ливанов, кавалер ордена Британской империи, наши мужчины во сне видят пиджаки из твида, сохраняется культ «Битлз» и «Роллинг стоунз», футбольных команд «Манчестер Юнайтед», «Арсенал» и «Челси». Лондон чарует почти всех, о, мой Лондон! Сверкающий Пикадилли-серкус, Гайд-парк с белочками, снующими по деревьям, конногвардейцы в меховых шапках, георгианские особняки в Челси. «Британский кот в ногах разлегся барином, / И шелестит в руках газета «Гардиан». / И хочется взять зонтик продырявленный, / И в клуб брести, как прогоревший лорд».

Виват королева!

Бонд, выйди вон!

Леди Антония Фрейзер, процветающая писатель и жена министра, временами давала светские приемы, на которых крутились парламентарии, журналисты, дипломаты и лондонская богема, я, молодой советский дипломат, был представлен узколицему и не очень приятному джентльмену по имени Ян Флеминг, скучавшему в углу с бокалом в руке. Мы обменялись приветствиями. «Очень рад познакомиться с советским шпионом», – улыбнулся он. Я не обиделся и тоже осклабился в ответ, ибо каждый второй англичанин подобным образом шутил с советскими дипломатами – английский юмор – штука загадочная. Ян Флеминг только что приехал с Ямайки и похвастался дивным тропическим климатом, посетовав на плохую погоду в «мастерской мира». Поговорили о нашумевшем тогда деле военного министра Профьюмо, связавшегося с проституткой Килер (с другой стороны ее обхаживал помощник нашего военно-морского атташе Евгений Иванов). Флеминга я не читал, разведывательного интереса он не представлял, да и ему явно не было дела до разных дипломатических шибздиков. Мы вежливо договорились о будущих контактах и расстались навсегда...

Ян Флеминг родился в 1908 году, происходил из богатой семьи (отец – консервативный политик, мать – светская львица), за плечами привилегированная школа Итон (изгнан за аморальное поведение), затем военная академия Сэндхерст, английская кузница офицерской элиты (тоже не повезло, исключили за самоволку). Далее учеба в отнюдь не престижных мюнхенском и женеvском университетах. Долго искал себя, пытался поступить в МИД Англии – не взяли (тогда предпочитали выпускников Оксбриджа, да и экзамены по литературе он завалил). Подвизался на разных работах, в том числе в банках и в журналистике, успешно плейбойствовал. В 1933 году побывал в Москве для освещения судебного процесса над английскими сотрудниками фирмы «Виккерс», там попытался взять интервью у самого Сталина, но получил письменный отказ за подписью вождя. Впоследствии утверждал, что великий вождь лично отпечатал текст на пишущей машинке, – три ха-ха.

С началом Второй мировой войны Ян Флеминг был мобилизован и взят на службу в военно-морскую разведку на должность личного помощника контр-адмирала Годфри, который тогда был директором управления разведки, вскоре получил звание командера (некто вроде капитана 2-го ранга в нашем ВМФ, приравнено в армии к подполковнику). С этой должности с определенными ограничениями хорошо просматривались деяния недавно созданного диверсионного Управления Специальных Операций и английской разведки Секрет Интеллидженс Сервис, в которую он впоследствии определит Джеймса Бонда. Ни в каких специальных операциях Флеминг лично не участвовал, однако был причастен ко многим разведывательным планам, в том числе и к известной акции по дезинформации немцев накануне высадки союзных войск в Сицилии (тогда немцам подбросили труп английского офицера со сфабрикованной депешей о высадке в Грецию и Сардинию). Он участвовал в формировании командос для захвата документов из бывших целевых штабов противника близ линии фронта, поддерживал контакт с директором Управления Стратегических Служб США Биллом Донованом (будущее ЦРУ), осуществлял обмен информацией между союзниками по линии флота. На штабной работе проявились изобретательность Флеминга, его бурная фантазия. Напористый и сообразительный англичанин быстро усвоил все премудрости разведки и, обладая литературной хваткой, вообрал в себя многие разведывательные нюансы, не говоря уже о характерах живых оперативников, послуживших прототипами его книжных персонажей. Демобилизовался Ян Флеминг в мае 1945 года, однако за свои военные заслуги повышения в звании не получил, обрел лишь датскую медаль Свободы за помощь по выводу датских офицеров из оккупированной страны в Англию – прямо скажем, не густо. Для смягчения своих несбывшихся амбиций вожделенным орденом Св. Михаила и Св. Георгия (мечта разведчика) он удостоил своего лите-

ратурного героя Джеймса Бонда, сделав его тоже командером. После войны во время поездок Ян Флеминг очутился на Ямайке. Тамшний тропический климат пришелся по душе изможденному дождями и туманами англосаксу, он поднапрягся и построил себе уютную виллу под названием «Золотой глаз» (потом так назвали фильм), там он вдоволь пил любимый джин в самых разных вариациях, еще больше курил, глотал чашку за чашкой одуряюще крепкий черный кофе (чай разрушил империю, говорил Бонд), сочинял свои романы и киносценарии, играл в гольф на замечательных ямайских площадках. Часто визитировал Лондон по делам службы и чтобы развеять затворничество, пофланировать по знакомым улицам и по кабакам, побаловаться с хорошенькими девочками и вообще потусоваться. Флеминг полностью посвятил себя журналистской работе в рамках газеты «Санди Таймс», циркулируя между Ямайкой и Лондоном и, естественно, не забывая о быстротечных земных удовольствиях. Жажда обогащения преследовала его, найти золотую жилу долго не удавалось. Личная жизнь Флеминга проходила в мимолетных романах и светских раутах, однако в 1939 году он серьезно влюбился в замужнюю красавицу Энн Ротермер, отличавшуюся свободным нравом. Завертелся роман, проходивший мучительно долго, с взаимными изменами, в 1948 году Энн родила от Флеминга мертворожденную девочку. В 1952 году Энн и Ян наконец поженились и вскоре произвели на свет сына (впоследствии он покончил жизнь самоубийством).

Путь наверх

О планах по написанию шпионского романа Флеминг сообщал друзьям еще во время войны, но только в 1953 году появилась первая, одна из лучших книг о приключениях Джеймса Бонда – «Казино Рояль», правда, в кинофильм она тогда не воплотилась, хотя имела читательский успех. Наверное, «Казино Рояль» – самая человечная книга Флеминга, написана лихо, там даже твердый, как скала, Бонд впервые по-настоящему полюбил свою избранницу Веспер. Предприимчивый и энергичный Флеминг понимал, что связь литературы и кино сулит небывалую славу и большие деньги, и все свои усилия направил на это. Только в 1962 году удалось пробить фильм «Доктор Но» с великолепным шотландцем Шоном Коннери в главной роли и эффектной Урсулой Андресс в бикини и золотым кинжалом на соблазнительном бедре. Хотя вначале Флеминг сопротивлялся участию Шона, но в дальнейшем пришел от него в восторг, вполне заслуженно разделенный зрителями всего мира. Яркий свет звезды Шона Коннери в дальнейших фильмах (всего 23 фильма – рекорд того времени) серьезно мешал другим исполнителям роли Бонда, которые явно проигрывали талантливому и фактурному артисту.

Популярность Флеминга нарастала как снежный ком, взлетели и расходы на фильмы, и доходы пенкоснимателей. Интересно, что если за первый сценарий «Казино Рояль» Флеминг получил лишь 1000 долларов (по тем временами не самый худший вариант), то сценаристы недавно вышедшего в свет одноименного фильма хапнули аж 10 миллионов. Во время войны Флеминг познакомился с Джоном Кеннеди, который уже в качестве президента отметил, что в восторге от романа «Из России с любовью» – этим он весьма способствовал росту продаж книг Флеминга в США и других странах. Разбогатев, он приобрел себе и замок недалеко от Лондона, в Кентерберии, так и метался между двумя домами. Всю жизнь Флеминг страдал болезнью сердца, однако относился к своему здоровью наплевательски. Дурных привычек у него имелось в изобилии: выкуривал до 70 сигарет в день (часто с мундштуком), упивался джином (Джеймс Бонд не случайно при приготовлении коктейля джин Гордон + водка + вермут драй мартини говорит: «Смешивать, но не взбалтывать!» – Флеминг считал, что встряхивание в шейкере этой смеси убивает вкус обожаемого джина). Своими привычками Флеминг щедро наделил Бонда: игра в гольф с гандикапом, любовь к омлету, рулетка и другие азартные игры. Умер Ян Флеминг в 56 лет от инфаркта прямо на гольфовой площадке в Кентерберии.

Бондиана Флеминга (а это сплав его книг и фильмов по ним) продолжала триумфально гулять по свету, она пала на душу послевоенным и последующим поколениям, жаждущим острых ощущений, это своего рода шпионское фэнтези, вариант «Звездных войн» или «Властелина колец», с ним хорошо жуется поп-корн, а во время просмотра дома без ущерба для восприятия можно пропустить несколько стопок с соленым огурчиком. Как пел Владимир Высоцкий:

...в глуши и в дебрях чуждых нам систем
Жил был известный больше, чем Иуда,
Живое порожденье Голливуда –
Артист, Джеймс Бонд шпион, агент 07.

(Попутно заметим: 007 – номер вертушки незабвенного Феликса Дзержинского.)

Большие сборы имел фильм «Из России с любовью», украшенный душещипательным шлягером, страсть Бонда к неотразимой Тани Романовой из Смерша («Смерть шпионам!») зашкаливала, роль злодейки-смершевки Розы Клебб исполняла знаменитая исполнительница зонгов Брехта Лотта Ленья. Злодеями, с которыми боролся мужественный Бонд, была не только зловредная советская разведка, но и разного рода психопаты с манией величия, жажду-

щие подчинить мир, террористы разных мастей, все они либо узкоглазые, либо из Центральной Европы, славянских стран, Средиземноморья, как правило, асексуалы или гомосексуалисты. Большой успех имели фильмы «Голдфингер» и «Только для ваших глаз» со снимавшейся у Бунюэля красавицей Кароль Буке. Великие актерские способности героиням в фильмах Бонда не требовались (кроме умения лежать в постели), поэтому обычно там снимались броские модели, в фильм «Квант милосердия» попала милая украинка Ольга Куриленко, хотя сама лента бомбой сезона не стала. Больше всего из персонажей меня умиляет до слез пожилая дама – начальник английской разведки, она больше смахивает на затырканную домохозяйку, но все перед ней трепещут! Кстати, в последнее время английскую службу возглавляли женщины...

Джеймса Бонда переиграли многие актеры, пробовались и были отмечены даже такие звезды, как Рекс Харрисон и Кэри Грант, но победил Шон Коннери, и из шести исполнителей Бонда только ему достался «Оскар». Неплохи и Роджер Мур, и Пирс Броснан. Однажды на суаре в Лондоне меня с женой посадили за стол с Тимоти Далтоном (он был со своей тогдашней русской спутницей Оксаной). Я ритуально похвалил его исполнение лорда Рочестера в «Джейн Эйр», на что он пожаловался: «Все любят меня в Рочестере, но никто в Бонде». И верно: Бонд у него красив, но со слабым драйвом. Даниель Крейг, на мой взгляд, мобилен, энергичен, но слишком холоден, фактурно мелковат и недостаточно мужествен для Бонда, хотя фильм «Казино Рояль» сделан великолепно.

Что такое Джеймс Бонд?

Шикарные отели, быстроходные яхты, модные лыжные курорты с несущимися фигурками по ослепительно белому снегу, бесконечные преследования по извилистым трассам с живописными пейзажами, роскошный автомобиль Aston Martin с разными приамбасами, изготовленный добродушным мистером Кью, чудо-самолеты, вовремя уносящие Бонда от сурового врага. Французское шампанское марки Taittinger, разумеется, брют, коктейль драй мартини или водкатини, зернистая икра, омары и лангусты, модные костюмы, пошитые на Сэвил-роу (НЕ ПРАВИТЬ на роуд!), приюте самых лучших лондонских портных, элитные часы «Ролекс» (или «Сейко» или «Омега») на мужественной руке – разве это не прекрасно? Я уж не говорю о дамах, соблазнительных и коварных, с игривыми попками, осиными талиями, супердлинными ножками, о дамах всех цветов кожи, блондинках и брюнетках, белозубых, кудрявых, улыбчивых, внезапно приникающих к груди героя и тут же вставляющих ему в подтянутое пузо дуло пистолета! Сам Бонд – это целая фабрика: ведь каждый предмет его туалета – от пистолета марки «вальтер» Р38 (в первом фильме по ошибке ему подсунули дамский вариант «беретты») до черной зажигалки Ronson – запрограммирован в коммерческой рекламе (product placement) и обеспечивает вливания в фильм. Бонд ныряет и плывет с необыкновенными аквалангами, взмывает в небо на самолете или специальной тачке, стреляет из любых положений, владеет самбо и прочими видами единоборства (вам это никого не напоминает?) – и все это сделано с огромной фантазией, на фоне альпийских гор или завораживающей пустыни, среди умопомрачительной красоты отелей и дворцов, в самых шикарных столицах мира. Джеймс Бонд постоянно меняет не только восхитительных женщин, но и напитки (каждый тут же берется на вооружение всеми барменами мира), но чаще всего его сердцу милы коктейль с джином и шампанское, а в «Бриллиантах навсегда» он снизошел до смеси темного пива с шампанским (Black Velvet). По подсчетам мудрых аналитиков, в кино агент 007 пьет каждые 27 минут, в книгах каждые 7 страниц – выходит, что все острые операции проводятся беспросветным пьянчужой!

Роль и влияние бондианы

Я хорошо помню то время, когда советским гражданам, работавшим за границей, не рекомендовалось смотреть фильмы о Бонде, а в Финляндии советский посол однажды выступал с официальным протестом по поводу демонстрации в стране враждебного СССР фильма. Конечно, это передержка, однако трудно не различить в отдельных произведениях бондианы антикоммунистический и антисоветский порох, подпитывающий холодную войну. Советская сторона представлена предателями и недоумками вроде генерала Гоголя (прославили великого писателя!). Физиономии всех русских и восточноевропейских противников агента 007, как правило, на редкость свирепы, отмечены неизлечимым идиотизмом и непроходимой тупостью. Наше подцензурное кино в этом отношении было гораздо толерантнее и глубже в разных «ошибках резидента» и т. п., я уж не говорю о таких шедеврах, как «Семнадцать мгновений весны», где фашисты показаны на редкость умными людьми (правда, потом Андропов пенял Табакову, что «играть так Шелленберга аморально»). Хотя по крутости, занимательности и, главное, техническим, почти космическим, возможностям мы бондам уступаем. Вырулим ли на высоты? Сомневаюсь. Сейчас наша литература и кино мучительно трансформируются под гнетом злата, массовая культура становится все более паскудной – в условиях погони за баблом трудно ожидать серьезного развития шпионской темы, рублевая бондиана не выгорает. Голливуд тоже рождает уродцев: шпионов-роботов, стреляющих в президентов («Маньчжурский кандидат»), или серия об агенте ЦРУ Борне, потерявшем память. Конечно, имеются и исключения.

Тем не менее книги и фильмы о Бонде внесли большой вклад в массовую культуру, их прочитали и посмотрели миллионы. Они развлекают, способствуют «отдыху» после трудов тяжких, не требуя затрат умственной энергии. Но вряд ли Ян Флеминг вырвется из рамок чтива среднего пошиба, Бонд останется в одном ряду с Ником Картером, Пуаро, Холмсом, что не так уж плохо. В Англии солидные литераторы и критики бондиану не жалуют, а Ватикан даже осудил ее за отсутствие моральных принципов. «Мне очень не нравится Джеймс Бонд, лишенный элементарной человечности, – говорил Шон Коннери. – Все в нем рассчитано, он безжалостен, вокруг себя он создает атмосферу, полную ненависти». Известный публицист Пол Джонсон писал, что книги Флеминга – это «секс, снобизм и садизм». Знаменитый писатель Джон Ле Карре считает Бонда обыкновенным гангстером и убийцей, противопоставляя ему в своих романах более реальную английскую разведку с главным персонажем Джорджем Смайли, неудачником в любви, скромником и первоклассным профессионалом. В Англии традиционно существует классическая шпионская литература, созданная в том числе и разведчиками. Из этих рядов вышли такие крупные писатели, как Комптон Маккензи (его привлекали к суду за сатирический роман о разведке «Вода в мозгу»), великий Сомерсет Моэм (его «Эшенден, или Британский агент» – шедевр о разведке), талантливый Брюс Локхарт, тщетно пытавшийся свергнуть большевиков в 1917 году (роман «Британский агент»), гордость литературы XX века Грэм Грин и продолжатель его линии Джон Ле Карре. В отличие от Яна Флеминга, это серьезные писатели, критично относившиеся к разведке, своей и чужой. Чего стоит «Наш человек в Гаване» Грина, где шеф английской разведки восхищается пылесосом, принятым им за секретное оружие! («Посмотрите на этот резервуар!») Не менее ярко изобразил Ле Карре печально знаменитую интервенцию в Панаме в своем романе «Наш человек в Панаме», там бондами и не пахнет, зато хватает шпионского жульничества и невинно пролитой крови.

На мой взгляд, основная беда в том, что бондиана и подобные ей явления масскультуры вместе с действиями властей изрядно способствовали тому, что у части публики на Западе и у нас сформировался порочный культ разведки и спецслужб, вера в их непогрешимость, культ, искажающий реальное положение дел. Разведка бывает разная: политическая научно-техниче-

ская, военная, космическая и т. д. В военное время действует разведка войсковая (когда берут языка или подрывают вражеский объект). Беготня по крышам зданий и вагонов с бесконечной стрельбой не свойственны разведке, которая занимается сбором информации от агентов, поиском и вербовкой нужных людей, частично спецоперациями. Работа Бонда ближе к работе спецназа (но без фантастики). Убийства? В советские времена (особенно при Сталине) практиковали ликвидацию предателей и оппозиционеров за кордоном (Троцкий, Рейсс и др.), успешно отстреливали оуновцев (в Мюнхене – Ребет, Бандера), в 1979 году убили Амина при штурме его дворца, других случаев я не знаю (хотя сколько песен перепето о коварных гэбэвских убийцах за рубежом! – о преступлениях внутри страны не говорю), а перебежчики из КГБ и ГРУ, увы, не лежат в сырой земле, а спокойно подстригают розы в своих зарубежных садиках. Но это детали, главное в том, что публика уверовала: спецслужбы могут все. Вмешались в выборы в США и повлияли на их исход? Публика верит и аплодирует. Выборы можно подтасовать, можно подкупить кандидатов, можно всучить взятки избирателям, можно все подсмотреть и подглядеть, но... только в определенных пределах. И не в такой стране, как огромные Штаты. И вообще невозможно разведке повлиять на исход выборов (бывают редчайшие исключения). Однако пипл хавет, а Госдеп на полном серьезе протестует.

Повлияла ли бондиана на советских разведчиков?

Наши и западные разведчики вряд ли подверглись влиянию со стороны бондианы: профессионально Бонд не выдерживает критики. В России юношей, делающих свое житье не с товарища Дзержинского, а с Джеймса Бонда, я пока еще не встречал, хотя допускаю существование горячих голов, именно по-бондовски представляющих работу в разведке. Боюсь, по поступлении на секретную службу их ждет тяжелое разочарование, и в результате потери иллюзий – славная работа охранником где-нибудь в коттеджном поселке, с самогонным аппаратом и жигулевским пивом в утешение. Хочу разочаровать и тех фанатов, кто уверовал во всесильность английской разведки, с которой знаком не по романам. Эта служба имеет свои несомненные достоинства: например, проект «Энигма», позволявший проводить дешифровку германских телеграмм во время войны, дезинформационные акции, некоторые успехи в засылке своих людей в оккупированную Европу. Удались англичанам и отдельные вербовки агентуры среди советских разведчиков, например полковник Пеньковский или сотрудник КГБ Гордиевский. В то же время советская разведка в разное время имела в Секрет Интеллидженс Сервис надежных агентов и частично контролировала ее деятельность против СССР. Наш агент Ким Филби возглавлял русский отдел английской разведки и чуть не стал ее шефом. Филби в руках не держал пистолет, не прыгал с парашютом (кстати, Флеминг тоже не владел оружием). Другой видный сотрудник английской разведки, ныне процветающий в Москве Джордж Блейк, успешно раскрыл берлинский туннель, вырытый для тайного прослушивания наших коммуникационных линий, освещал ситуацию на Ближнем Востоке. Был арестован в результате предательства и посажен в лондонскую тюрьму Уормуд Скрабс, но бежал оттуда, используя веревочную лестницу и помощь бывшего сокамерника, смог перебраться в багажнике через границу (и это при полицейской облаве!), прибыть в Берлин, а затем в Москву. И это без шикарного «Астон Мартина», голых кралей и шампанского Тэтингжэ!

Повесть о подвигах Бонда хочется закончить анекдотом.

Агент 007 (представляясь даме в своей традиционной манере): Бонд. Джеймс Бонд.

Дама. Off. Fuck off.

Как писал Александр Сергеевич своему цензору: «Шишков, прости, не знаю, как пере- вести».